

Кассия Сенина

ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС

Кассия Сенина
Восточный экспресс

«Издательские решения»

Сенина К.

Восточный экспресс / К. Сенина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500140-5

Пять лет назад сибирячка Дарья стала женой знаменитого константинопольского возницы Василия Феотоки. Теперь она гражданка Византийской Империи, востребованный переводчик, мать двоих детей, ее жизнь вроде бы идеальна, а подруги считают ее брак эталонным... Однако Дарья начинает ощущать странную тоску и, пытаясь избавиться от нее через смену обстановки, поступает на работу в лабораторию, где знакомится с загадочным Алхимиком, и ее взгляды на жизнь, религию, любовь начинают стремительно меняться...

ISBN 978-5-00-500140-5

© Сенина К.

© Издательские решения

Содержание

В поисках катализатора	7
Журналист и программист	22
Уробóрос	33
Алхимия вкуса	55
К новым горизонтам	73
Живоносный Источник	97
Воля земли	107
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Восточный экспресс

Кассия Сенина

Дизайнер обложки Юлия Меньшикова

© Кассия Сенина, 2019

© Юлия Меньшикова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0140-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИЗАНТИЯ-XXI

«Византия XXI» – серия романов в жанре альтернативной истории, рассказывающих о мире, где Византийская Империя не пала в 1453 году, но существует до нашего времени – как и прежде, на зависть всем.

Сайт серии в Интернете: <http://byzantium-21.blogspot.ru>

Сообщество серии в Фейсбуке:

www.facebook.com/groups/Byzantium.XXI

Кассия Сенина

ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС

Восточный экспресс: роман / Т. А. Сенина (монахиня Кассия). – 2019. – Серия «Византия XXI».

*Ты не знаешь сказанья о деве Лилит,
С кем был счастлив в раю первозданном Адам,
Но ты всё ж из немногих, чье сердце болит
По душе окрыленной и вольным садам.*

*Ты об Еве слыхала, конечно, не раз,
О прамати Еве, хранящей очаг,
Но с какой-то тревогой... И этот рассказ
Для тебя был смешное безумье и мрак.*

*У Лилит – недоступных созвездий венец,
В ее странах алмазные солнца цветут;
А у Евы – и дети, и стадо овец,
В огороде картофель и в доме уют.*

*Ты еще не узнала себя самое.
Ева ты иль Лилит? О, когда он придет,
Тот, кто робкое жадное сердце твое
Без дорог унесет в зачарованный грот?*

*Он умеет блуждать под уступами гор
И умеет спускаться на дно пропастей,
Не цветок – его сердце, оно – метеор,
И в душе его звездно от дум и страстей.*

*Если надо, он царство тебе покорит,
Если надо, пойдет с воровскою сумой,
Но всегда и повсюду – от Евы Лилит, —
Он тебя сохранит от тебя же самой.*

Николай Гумилев

В поисках катализатора

Потоки солнечного света заливали просторную кухню. Пригревало почти по-летнему, но из распахнутого окна веяло морской прохладой, и опускать жалюзи не хотелось: слишком красивый вид открывался отсюда, а пяти лет жизни в Константинополе хватило, чтобы привыкнуть к здешнему климату. Правда, иногда Дарья скучала по снегу: в родном Хабаровске зимы стояли суровые и снежные, а здесь снег выпадал редко и держался от силы день-два, быстро превращаясь в неприятную кашу. Жители столицы мира не знали, что такое не тающие месяцами метровые сугробы, гроздя белоснежных кристаллов на ветках деревьев, застывшие под нестерпимо белым покрывалом поля, пугливые снегири на кустах...

Сейчас, несмотря на конец сентября, наступление осени здесь ощущалось мало, и Дарья, загрузив посуду в моечную машину, стояла у окна и глядела на простор Пропонтиды, подернутой рябью волн и искрящейся словно жидкий сапфир, и думала о новой работе, куда она собиралась впервые пойти завтра. Муж очень удивился такому шагу: ведь она неплохо зарабатывала переводами и частными уроками, на ней было хозяйство и двое детей – казалось бы, к чему лишняя обуза, да еще связанная с отлучками из дома? Она ждала этого вопроса и заранее перебирала в голове варианты ответов поубедительнее, но на деле всё вышло неловко.

– Понимаешь, – сказала она, – я... мне скучно.

– Скучно?! – Василий уставился на нее. – Ты загружена выше головы, по-моему. Да еще столько книжек читаешь, кино смотришь... Я даже иногда беспокоюсь, достаточно ли ты спишь. Как можно при этом скучать? Не понимаю.

– Знаешь, я сама не совсем понимаю, но... я чувствую какую-то тоску, и она всё растет. Сначала я думала: может, это наша знаменитая русская ностальгия, но потом поняла, что нет. Я не скучаю ни по дому, ни по родителям, ни по Хабаровску, возвращаться туда у меня нет никакого желания. Тогда я стала искать другие причины. Мне кажется, дело в том, что... почти все мои занятия это... Как бы так объяснить? Это для других. Для тебя, детей, учеников, заказчиков... А мне хочется еще чего-то для себя – такого, что делаешь не по обязанности, или ради денег, а... просто для интереса, для удовольствия...

– Ты хочешь сказать, – прервал жену Василий, удивленно глядя на нее, и в его карих глазах вспыхнула обида, – что ни жизнь со мной, ни воспитание детей тебе не доставляют удовольствия и ты делаешь это только... из чувства долга?

Дарья смутилась.

– Нет, что ты! – поскорей возразила она. – Ты не так понял... Точнее, это я не могу объяснить толком. – Она с досадой шевельнула плечом. – Может быть, мне хочется новых впечатлений. Когда изо дня в день одно и то же, начинает казаться, что жизнь застоялась. Мне нравится всё, чем я занимаюсь, я всё это люблю, но... хочется чего-то еще. И ни книги, ни фильмы тут не помогают. Да ведь это и не реальная жизнь, а скорее уход от нее... Вот я и подумала: может, расширить круг общения? Лари говорит, что в этой лаборатории работают хорошие люди... Я сама не знаю, что найду там, может, это будет и не то, что мне надо. Но тогда я просто уйду оттуда, вот и всё.

Василий задумчиво потер переносицу, внимательно поглядел на жену и неторопливо проговорил:

– Возможно, тебе и правда нужна смена обстановки. У нас не такой уж широкий круг общения, а мои друзья тебя, как я понимаю, не очень интересуют... Но найдешь ли ты общий язык с людьми из этой лаборатории? Ты же до мозга костей гуманитарий. – Муж улыбнулся. – А тут химия! Ты от нее, по-моему, так же далека, как от конного спорта, так какой смысл менять одних Яниса и Али на других?

Упомянутые молодые возницы, друзья Василия, порой заходили к нему «на чашку чая», но всегда приносили с собой бутылку напитка покрепче – впрочем, не крепче коньяка: Василий не особенно любил спиртное и приятели так и не сумели приучить его «к хорошим манерам», как они любили пошучивать. Дарья редко принимала участие в их разговорах: беседы об элитных породах лошадей, качестве корма, новом фасоне жокейского кафтана или покрытии для дорожек ипподрома ее мало занимали.

– Знаешь, я недавно ходила с Лари на свободную лекцию в Университете, на химфак, – ответила Дарья. – Там показывали разные опыты, и мне пришла мысль, что жизнь тоже, как химическая реакция: может идти вяло и даже совсем замереть, а может вдруг забурлить, и раствор засверкает новыми красками. Только нужен катализатор. А я не могу для своей жизни его найти. То есть в растворе чего-то не хватает. И я подумала: вдруг среди людей, которые как раз и занимаются такими опытами, я пойму что-нибудь для себя полезное? Как бы по аналогии... Понимаешь?

– Ну, возможно. – В голосе Василия не слышалось уверенности. – Что ж, попробуй. Но что тогда с детьми? Ты же сама не хотела отдавать их в садик!

– Я думала об этом. Мне кажется, я ошибалась. В этом году я хочу пригласить няню, лабораторной зарплаты как раз хватит, а в следующем Доре будет три, и, думаю, полезней отдать их в садик: там больше общения, опыта наберутся. Это ведь тоже важно! Будет неправильно, если они до школы останутся дома при мне, этакие тепличные растения, а потом-то всё равно придется ходить в школу, все эти отношения в коллективе и прочее... Илария тоже в следующем году собирается Еву отдать в сад. Или ты думаешь, что надо держать их дома до школы?

Василий немного помолчал.

– Вообще-то я тоже сначала думал, что так лучше, – признался он. – Я сам ходил в садик, и Фрося тоже. Только Евстолия не ходила, ну, ты понимаешь... Но ты сама говорила, что заниматься с детьми для тебя – удовольствие, и я не стал настаивать.

– Да, – мягко подтвердила Дарья. – Но сейчас я поняла, что это эгоистично с моей стороны – превращать детей в собственное развлечение. Они совершенно отдельные люди, мы только можем их направлять, но не вправе чего-то лишать только во имя своего удовольствия. Так что со следующего года отпустим их в большое плавание. – Она улыбнулась. – А пока будут общаться с няней, я уже нашла подходящую девушку.

Стоя у окна и слушая меланхоличную музыку Елены Карэндру, струившуюся из радиоприемника, Дарья вспоминала этот разговор и думала о том, что Миранде, няне, найденной с помощью подруги, двадцать пять лет – столько же, сколько было Дарье, когда она впервые приехала в Византию. А самой Дарье в октябре исполнится тридцать. Вероятно, многие женщины ей завидовали: как же, супруга знаменитого Феотоки! Она жила на седьмом этаже нового дома в большой хорошо обставленной квартире с видом на море, имела любящего мужа, двух милых детей, непьющую работу, которая ей нравилась, и выглядела, как ей нередко говорили, намного моложе своего возраста. Выйдя замуж за новоиспеченного обладателя Великого приза Золотого Ипподрома – Василий уверенно победил на рождественских бегах в конце 2010 года, выиграв золотой шлем, новую квартиру и денежный приз, – Дарья беспрепятственно получила вид на жительство. Хотя на свадьбу родители не соизволили приехать, позже они побывали у нее в гостях: сначала мать с двумя единоутробными братьями Дарьи, потом отец – один, без новой жены и без детей. Как обустроилась Дарья, родителям понравилось. Они и рады были бы теперь пользоваться тем, что дочь живет в «Оке вселенной», но стеснялись просить приглашать их почаще: все-таки помнили, что когда-то не жалели о ее решении уйти в монастырь и не пытались удержать рядом... Она не держала на них зла и раз в году обязательно приглашала погостить на неделю. В другое время всё ограничивалось редкими письмами по электронной почте: Дарья не ощущала большой потребности общаться с родителями. За пять лет

жизни в Византии она лишь однажды побывала на родине – зимой прошлого года: три дня с матерью в Хабаровске, три дня с отцом в Омске. Мороз, скрип снега под ногами, холодное голубое небо, пар изо рта, иней на воротнике шубы, пироги с калиной, ни к чему не обязывающие разговоры, братья и сестра, к которым она не ощущала особых родственных чувств. Проверка состоялась: возвращаться не хотелось – и, снова оказавшись в Константинополе, она подала документы на получение гражданства, а спустя полгода держала в руках византийский паспорт, где не стояло уже не только ее девичьей фамилии, но и прежнего имени: Благодарья Алексеевна Пушкина окончательно превратилась в Дарью Феотоки. Впрочем, близкие и друзья давно привыкли называть ее Дари.

Ее лучшей подругой оставалась Илария, с которой Дарья познакомилась в монастыре Живоносного Источника, куда приехала, еще будучи гражданкой Сибирского Царства и послушницей Казанской обители, по поручению Хабаровского архиерея набираться опыта. Илария сразу попросила называть ее Лари, и на третьей неделе пребывания Дарьи в обители «неразлучная двоица», как их окрестили сестры, получила в подарок билеты на все дни заезда Золотого Ипподрома: порядки в монастыре были достаточно либеральные, совсем не как в России, и игуменья сочла полезным для Дарьи посмотреть на знаменитые константинопольские бега, а Лари стала ее гидом. Это и стало поворотным пунктом в их судьбе: во время Ипподрома обе послушницы познакомились с будущими мужьями и приняли решение выйти из монастыря. Дарья передумала возвращаться на родину, а через несколько месяцев, в январе две тысячи одиннадцатого, они с Иларией одновременно сыграли свадьбы. Илария, окончив Столичный Университет, за полтора года написала диссертацию по генной инженерии и поступила на работу в Институт растениеводства. Всё это время они дружили семьями, ходили друг к другу в гости, и, пока мужья обсуждали очередные скачки на ипподроме или шансы возниц получить приз, подруги говорили о том, о сем и, конечно, о детях: у Василия и Дарьи их было двое, сын и дочь, погодки, Григория и Иларии – только дочь, больше Лари пока не хотела, увлекшись научными исследованиями.

По воскресеньям Феотоки всей семьей ходили в церковь – обычно в местный храм апостола Андрея, а иногда в монастырь Живоносного Источника. Дарья давно уже не была той робкой благочестивницей, какой приехала в Константинополь несколько лет назад; в сущности, ее личное благочестие ограничивалось утренним и вечерним правилом, исповедью раз в месяц и причастием за воскресной литургией. Иногда в течение дня она вспоминала об Иисусовой молитве, старалась следить за помыслами и по мере сил жить по заповедям, но вряд ли кто-нибудь заподозрил бы в госпоже Феотоки бывшую послушницу, которая считала смех греховным и пыталась за работой на огороде размышлять о грядущей смерти и страшном суде.

Василий был заботливым мужем, не отказывался пойти с женой в магазин, чтобы помочь тащить и грузить в машину сумки с продуктами, всегда звонил, если задерживался на ипподроме, зарабатывал неплохие деньги на конных соревнованиях. От него веяло покоем и надежностью. Он любил детей, хотя проводил с ним далеко не так много времени, как Дарья. Он был неглуп и способен поддержать разговор о разных вещах, хотя с друзьями охотнее болтал о любимом ипподроме и о политике, а с женой – чаще всего о детях, о житейском да о прочитанных книгах... Но для болтовни на другие темы Дарье хватало говорливой Иларии: они почти ежедневно перезванивались или переписывались в чате. Всё было очень и очень хорошо. Просто замечательно.

«Так чего же вам нужно, госпожа Феотоки?» – кривя губы, прошептала Дарья как-то августовским утром своему отражению в зеркале, расчесав и небрежно заплетя в косу густые длинные волосы. По четвергам она не давала уроков и могла расслабиться, ходить по дому босиком, пить кофе прямо у компьютера или играть с детьми в их комнате. В остальные дни недели, кроме воскресенья, с утра к ней приходили ученики, занятия длились до обеда, после которого Дарья гуляла с детьми, а по возвращении садилась за перевод. Уроки она давала

в основном английского, иногда немецкого, зато вся ее переводческая деятельность была связана с родным языком. После революции в Московии интерес к русскому языку в Империи поднимался, как на дрожжах, а москвиты, столько десятилетий отрезанные от цивилизованного мира, бурно интересовались зарубежной литературой, и работы у госпожи Феотоки хватало с избытком.

Сварив эспрессо в кофемашине – в отличие от мужа, Дарья не была настолько гурманкой, чтобы пить кофе ручного помола, – она включила ноутбук, залезла в интернет и рассеянно принялась щелкать по обычным закладкам. Включила «Диалексис», и вскоре там появилась Илария: «Привет! валяешь дурака?;)» Подруга знала, как Дарья чаще всего проводит утро четверга. «Ага :)), – ответила Дарья, поглядела в окно и снова ощутила неясную тоску. «Слушай, ты что делаешь вечером? – написала она. – Зашла бы на чай, а то В. сегодня поздно вернется». Через несколько секунд Илария ответила: «О, давай! пирожные за мной :))».

Когда Дарья осторожно пожаловалась подруге на «то ли скуку, то ли тоску» непонятного происхождения, та нашла ответ быстро:

– Да ведь ты целыми днями сидишь тут сиднем, никого не видишь, кроме интернета, муж и дети не в счет, это же часть тебя! Конечно скучно станет! Надо больше с людьми общаться, выходить в свет!

И подруга стала выводить госпожу Феотоки в свет – на свободные лекции, проводившиеся круглый год по вечерам на всех факультетах Константинопольского Университета: туда ходили в основном люди, которые, проработав после школы несколько лет, задумались о получении высшего образования или желали получить второе высшее, но затруднялись с выбором специальности; однако были и такие, кто посещал лекции просто для самообразования. Дарья с подругой побывали на нескольких лекциях по античной истории, по медицине и даже по астрофизике. Логике Иларии при выборе тем лекций Дарья не понимала, но ее это не раздражало: все лекторы, которых они слушали, отлично знали предмет, умели увлечь слушателей, и скучать не приходилось. В начале сентября подруги попали на лекцию по химии с демонстрацией красочных опытов, и после нее Дарья задумчиво проговорила:

– Вот и в моей жизни не хватает катализатора, по-моему... Даже иногда приходит мысль о смене работы. Хотя это совсем нелепо! Я ведь не умею ничего, кроме как преподавать языки и переводить.

– Ну, полно работ, где не нужно образование и особые навыки, – сказала Илария. – Хоть вот даже лаборанткой. У нас в институте, кстати, в лаборатории почв как раз требуется, одна увольняется в конце месяца, а новую пока не нашли... Только ей платят куда меньше, чем ты сейчас зарабатываешь, там работа всего на полставки.

Дарья задумалась ненадолго.

– Да дело не в деньгах. Я бы, наверное, могла всё это совместить, если на полставки. Уроки перенести и меньше книжек читать...

– Но ведь у тебя дети. Или ты все-таки решила отдать их в садик?

– Еще не знаю... Я думала об этом, но это, видимо, только в следующем году... Слушай, а сколько получает лаборантка? Может, этого хватит на оплату няни?

– М-м... Хватит, наверное, если не на целый день нанимать. О, кстати, у меня одна бывшая одноклассница няней работает, я спрошу у нее.

«Ну, дня на три я на няню точно заработаю, а если что, мама Зоя будет только рада лишние полдня побыть с детьми», – подумала Дарья: свекровь души не чаяла во внуках, и при нехватке денег на няню вполне могла раз или два в неделю заменять ее, как и теперь с удовольствием сидела с малышами, пока невестка проводила время на лекциях. К тому же семейство Феотоки вовсе не бедствовало: у Дарьи всегда имелись лишние деньги, нашлись бы и на няню. Избавление от дурацкой тоски того стоило! Вот только как Василий отнесется к такой затее? Этот вопрос Дарью занимал куда больше, но она не хотела говорить об этом с подругой.

– Значит, ты готова пойти лаборанткой к нашим почвоведом? – спросила Илария. – Там классный народ работает, тебе понравится! А в химии лаборантке спецом быть не надо, будешь пробирки и реактивы подносить и всякое такое, тут главное – ничего не перепутать, но там у них всё подписано, ты будешь младшим лаборантом, а химическое образование нужно только старшему. В общем, давай я завтра всё узнаю и тебе позвоню или напишу!

Всё устроилось быстро и почти идеально, если не считать недоумения, которое – Дарья чувствовала это – всё же осталось у Василия после разговора с ней.

«Но как ему объяснить это, если я сама не понимаю, что со мной? – подумала она. – В конце концов бывает же такое явление как беспричинная меланхолия! Или, по крайней мере, такая, когда причины сразу не видны... Не к психологу же бежать! Для начала попробую сменить род деятельности, может, дело и правда в том, что я слишком много сижу дома...»

По радио тем временем начался выпуск новостей. «Сегодня на очередном заседании Синклита, – бодро вещал диктор, – обсуждался вопрос о дальнейшем сотрудничестве и помощи, которую оказывает Империя Российской Республике. Насмотря на недавнюю ноту правительства Великобритании, недовольного слишком большой, по мнению британских властей, вовлеченности Византии в российские дела, синклитики большинством голосов поддержали законопроект, согласно которому Империя в этом году предоставит России экономическую помощь в размере пяти миллиардов драхм...»

– Как всё это скучно! – пробормотала Дарья, выключая радио. – И почему только эти британцы вечно недовольны? Не нравится, что мы России помогаем, так помогали бы сами...

«Мы», – мысленно отметила она слово и улыбнулась. Византия так быстро стала для нее родной, что Дарья уже почти не отождествляла себя с зауральской Россией, а новая московская Республика вызывала у нее даже больше симпатий, чем Сибирское царство. Впрочем, политикой она, в отличие от мужа, интересовалась мало: что толку умничать о том, в чем не разбираешься?

Из детской раздался громкий крик Феодоры:

– А вот и нет!

– А вот и да! – решительно возразил Максим.

«И, конечно, оба считают себя правыми, – с улыбкой подумала Дарья, покидая кухню, чтобы взглянуть, из-за чего заспорили дети, – как и мы с Василем насчет моей новой работы... Ладно, ничего страшного, если я избавлюсь от своих заморочек, он первый за меня порадуется!»

Институт растениеводства находился в районе Форума Феодосия – не так уж близко от Дарьиного дома, но на трамвае добираться было удобно. Лаборатория химии почв располагалась на пятом этаже обширного здания, занятого институтом, окна выходили в сторону Средней – самой древней и знаменитой улицы Константинополя. Помимо двух младших лаборанток – так официально называлась Дарьиная должность, – там работало еще четырнадцать человек. Непосредственной начальницей Дарьи оказалась старшая лаборантка – ирландка Эванна О’Коннор, красивая высокая девушка с медными волосами, жизнерадостная и смешливая. Она работала здесь уже год и следующей осенью собиралась возвращаться на родину. Эванна ввела Дарью в курс дела, заодно рассказала понемногу о каждом из сотрудников лаборатории и о здешних порядках, а узнав о сибирском происхождении новой помощницы, принялась расспрашивать о нравах и быте русских, так что несколько дней ушло на рассказы о сибирском житье-бытье. Эванна говорила по-гречески хорошо, лишь с легким акцентом; они с Дарьей быстро подружились.

С другими сотрудниками лаборатории Дарья вскоре тоже наладила теплые дружеские отношения. Хотя, пожалуй, с некоторыми из них она бы предпочла отношения менее теплые. Например, с заведующим лабораторией Алексеем Контоглу, который с первого дня знакомства оказывал Дарье пристальное внимание, не упуская возможности сказать комплимент по поводу ее внешности или работы. В другой ситуации похвалы, по крайней мере, касательно работы, порадовали бы Дарью – она немного волновалась, удастся ли ей справиться с новыми обязанностями, – но в словах Контоглу чудился фривольный подтекст, да и Эванна рассказывала, что заведующий – «еще тот донжуан». Он обладал внешностью того типа, на какой женщины падки, особенно в средиземноморье: высокий хорошо сложенный платиновый блондин с темно-серыми глазами, широкой белозубой улыбкой и аристократическими манерами, вальяжный и неторопливый; иногда Дарье думалось, что такой мужчина лучше смотрелся бы в Синклите, чем в химлаборатории. Впрочем, пока Алексей держался в рамках улыбок и комплиментов и беспокоиться было вроде бы не о чем.

Хотя Дарье и не хотелось это раскрывать, вскоре новые коллеги узнали, что она замужем за «блистательным Феотоки». Профессор Аристидис даже оказался рьяным поклонником его мастерства и считал, что это лучший возница за последние десять лет. Но приставать к Дарье с расспросами о муже никто не стал: публика здесь была деликатной и ненавязчивой. В лаборатории трудился ученый народ, почти все с научными степенями и опытом работы. Помимо Эванны, тут работали еще два иностранца – француз Мишель Перье и испанец Родриго Лопес, молодые доктора наук, приехавшие в Константинополь перенимать опыт у коллег.

Но самым загадочным персонажем в лаборатории оказался Севир Ставрос. Само знакомство Дарьи с ним произошло своеобразно: пронзительный взгляд очень темных глаз, сухое быстрое рукопожатие, «рад познакомиться», – и вот он уже стремительной походкой идет прочь. Черные волосы, черные брюки, черный халат.

– Впечатлилась? – тихонько шепнула Эванна. – Не пугайся, он всегда такой.

Действительно, Ставрос одевался только в черное – впрочем, этот цвет ему шел – и был довольно-таки неразговорчив. Во время лабораторных чаепитий он обычно молчал, потягивая чай из высокой керамической кружки, тоже черной, и большей частью глядел в окно, за которым виднелась восстановленная древняя арка императора Феодосия. Однако к общему разговору он прислушивался, поскольку время от времени вставлял в него реплики – чаще всего язвительные шутки, насмешливо кривя тонкие губы, – а порой, если речь заходила о чисто научной проблематике, выдавал краткие замечания, и по реакции на них коллег Дарья понимала, что они всегда оказывались дельными, порой даже эвристическими.

В лаборатории он имел свой рабочий угол, отгороженный стеклянной стенкой – нечто вроде отдельного кабинета. От Эванны Дарья узнала, что Ставрос родом из Антиохии, ему тридцать девять лет, неженат, приехал в столицу на полтора года в рамках исследовательской программы, включающей в себя критическое комментированное издание текстов греческих алхимиков, и сейчас занят практическим воплощением дошедших в рукописях алхимических рецептов: расшифровывает их описания и проводит реакции в условиях, как можно более близких к оригинальным – поэтому, например, он использовал не одноразовые пластиковые, а стеклянные пробирки и колбы, каменные ступки и медные котелки, вручную измельчал вещества. Причем пробирки и колбы были не просто стеклянными, но нарочно для исследований такого рода сделанными на заказ в константинопольском филиале «Амфоры», чуть ли не по средневековой технологии, так что Эванна сразу предупредила Дарью обращаться с ними очень осторожно: прежняя лаборантка, привыкшая к современной небоьющейся химической посуде, уволилась после того как Контоглу сделал ей резкий выговор за «порчу дорогостоящего имущества». Результаты опытов Ставрос сразу заносил в компьютер, но была у него и бумажная записная книжка, где он периодически делал пометки для себя. Хотя профиль исследований Ставроса расходился с направлением деятельности лаборатории и института в целом,

его прислали работать именно сюда, поскольку здесь удобно быстро получать нужные вещества для опытов – и минералы, и растения, в том числе редкие. Он занимался только рецептами с растительными и минеральными составляющими, и Эванна по этому поводу прибавила: «И слава Богу, а то вот был бы кошмар, если б он тут мочу выпаривал или кости жег!»

В лаборатории его называли Алхимиком, и прозвище ему подходило: помимо пристрастия к черному и молчаливости, у Севира была выразительная внешность – слегка волнистые черные волосы, зачесанные назад и прикрывавшие уши, а сзади спускавшиеся до плеч, смуглая кожа, длинный тонкий нос с горбинкой, густые брови, порой эффектно взлетающие вверх, цепкий взгляд, острые скулы, широкий лоб, стремительная походка и в то же время, несмотря на высокий рост и худощавость, животная грация. Смешивал ли он вещества, листал книгу, крутил колесико микроскопа или просто тянулся к вазочке за халвой, в его движениях было нечто завораживающее. Завораживал и его голос – глубокий, бархатистый, способный выразить множество оттенков. Словом, хотя Ставрос не был красавцем, впечатление он производил, правда, с налетом мрачности. Дарья гадала, нарочно ли он так себя держит, и если да, то с какой целью. Может, хочет, чтобы к нему поменьше приставали с пустыми разговорами?

Завести дружбу с Алхимиком ей в любом случае не светило, да не очень-то и хотелось – сказать по правде, он ее немного... нет, не пугал, но заставлял внутренне подбираться. Он был единственным сотрудником лаборатории, с кем у нее не возникло никаких отношений: на уровне общения Ставрос ее игнорировал, если не считать дежурных слов приветствия и прощания, и во время чаепитий ни разу к ней не обращался. Однако порой она ловила на себе его пристальный взгляд, от которого становилось слегка неудобно. Казалось, Алхимик задается вопросом: «Как затесалась в нашу компанию эта ничего не смыслящая в химии дилетантка, и что она здесь делает?» В то, что ей захотелось «немного сменить обстановку и отдохнуть от потока переводов», как гласила ее «официальная версия», он, похоже, не поверил.

«Ну и ладно, – думала Дарья. – Кому какое дело, в конце концов? Всё равно я тут временно и вряд ли задержусь слишком долго...»

Контоглу перешел к более решительным действиям на четвертой неделе работы Дарьи в лаборатории. Вряд ли он думал – а уж менее всего думала о таком сама Дарья, – что наступление получит отпор с совершенно неожиданной стороны. Заведующий начал с того, что, когда все собрались около полудня на традиционное чаепитие, смутил Дарью очередным комплиментом:

– Вы, госпожа Дарья, сегодня выглядите поистине как лилия долин или роза из сада Эрота!

– Ну, пошел скакать олень по горам! – неодобрительно проворчала самая пожилая из сотрудниц лаборатории, которую все называли «тетей Верой»; похоже, ей не слишком нравился пристальный интерес начальника к новой лаборантке.

– Не будь занудой, Вера! – весело воскликнул Контоглу. – Это всего лишь небольшая речь на вручение подарка! Я хотел бы подарить нашей новой коллеге этот ритон, – он достал из оттопыривавшегося кармана халата пакет и вручил Дарье, – чтобы она пила из него здешний нектар и черпала вдохновения для мыслей об иных наслаждениях!

– Спасибо, – растерянно проговорила она, вынимая из пакета красивую рыжую чашку с рисунком, имитирующим чернофигурную роспись. Вообще-то лишних чашек в лабораторной «трапезной» хватало и никаких неудобств по этому поводу Дарья не испытывала. Подарок явно заключал в себе намек, и, поглядев на рисунок, она смутилась: на чашке были изображены Афродита с Аресом и Эрот, пускающей в них стрелы из-за дерева. «Мне только кажется, или это всё же слишком?» – подумала Дарья, не зная, как реагировать на такое подношение.

Ставрос, сидевший слева от нее, видимо, тоже успел рассмотреть рисунок и произнес ядовитым тоном:

– Да, неплохая вещица!

Дарья повернулась к нему и увидела, что Алхимик смотрит не на нее и не на чашку, а на Контоглу, и взгляд его выражает отнюдь не дружественные чувства. Дарья уже успела заметить, что оба мужчины недолюбливали друг друга. Однако заведующего реакция коллеги нимало не задела.

– О, конечно, я понимаю: вам, Севир, больше понравилась бы роспись по черному фону, – сказал он небрежно, – но я, знаете ли, люблю более жизнерадостные тона.

– Что касается меня, – холодно отозвался Алхимик, – то я предпочитаю росписи ее отсутствия, – он слегка приподнял свою черную чашку. – А что до этой вещицы, то мне представляется, на рисунке кое-чего не хватает и это делает ваш подарок несовершеннолетним.

– Чего же там, по-вашему, не хватает? – Контоглу, похоже, все-таки был уязвлен.

Остальные сотрудники молча слушали разговор, переводя взгляд с одного мужчины на другого. В синих глазах Эванны Дарья заметила вспыхнувший азарт и поняла: вот-вот произойдет нечто занимательное.

– Полагаю, – шелковым голосом ответил Алхимик, – там не хватает разъяренного Гефеста с молотом в руках.

Контоглу явно растерялся, а Ставрос продолжал всё тем же тоном, словно затягивая воображаемую удавку на шее собеседника:

– Но вы вообще, думаю, поторопились с выбором сюжета. Уверен, что госпожа Феотоки предпочла бы роспись с изображением колесничных бегов.

Увидев, как заведующий изменился в лице, Дарья, не выдержав, фыркнула и сказала, насмешливо глядя ему в глаза:

– Господин Ставрос прав. Думаю, вам нужно учесть это на будущее, господин Контоглу.

Заведующему оставалось только ретироваться с поля боя, что он и сделал, внезапно вспомнив о «деловой встрече». Когда он скрылся за дверью, Дарья благодарно взглянула на Алхимика, и тут он улыбнулся ей – почти незаметно, только уголки губ чуть дернулись вверх. Эванна громко захлопала в ладоши с криком:

– Браво! браво!

– Севир, я знаю, ты не любишь нежностей, но я бы сейчас тебя расцеловала! – с чувством сказала тетя Вера.

– Я не самый подходящий объект для подобных аппликаций, – усмехнулся Алхимик и, как ни в чем не бывало, потянулся за халвой.

Спустя полтора часа, когда Эванна разбирала пробирки с образцами почв, а Дарья сидела за компьютером и заносила результаты экспериментов в журнал, ирландка наклонилась к ней и быстро зашептала на ухо:

– Лихо Алхимик дал Алексею прикурить, скажи! Больше Контоглу к тебе не подъедет, зуб даю!

Дарья тихонько рассмеялась: она тоже была уверена, что после такой публичной головомойки заведующий оставит ее в покое. Однако немного беспокоила другая мысль.

– Послушай, – повернулась она к Эванне, – а это ничего, что Ставрос так его... Он же все-таки начальник... Он никак не сможет отомстить?

– Нет-нет! – Ирландка энергично помотала головой. – Ставрос сюда высшим начальством прислан с наказом создать ему условия для работы и всё такое. Контоглу не посмеет ему ничего сделать, даже если б хотел, он ведь на самом деле трус... Хотя ученый хороший, конечно.

– А Ставрос хороший ученый?

– Он лучший! Ну, в смысле, не вообще, а среди нас тут. У него такой ум... как синтезатор работает. Знаешь, бывает, например, перед тобой несколько явлений, которые вроде бы

связаны, но ты этой связи не видишь, сидишь как дурак и ломаешь голову, а Севир эту связь видит, просто как на картинке! Уже сколько раз так было... Я ему поражаюсь! Правда, он говорит – это от того, что он алхимией занимается, а там постоянно идет синтез всего на свете... мышление такое.

– Да, понятно, – сказала Дарья. Но на самом деле ей было не очень понятно и захотелось почитать что-нибудь об алхимии. Может, спросить у самого Ставроса, он же наверняка знает, что посоветовать? Она вспомнила его улыбку: хотя это движение губ было почти невесомым, у Дарьи от него почему-то стало тепло на душе и это уютное чувство до сих пор грело изнутри. «Нет, ладно, не буду я у него спрашивать, – подумала она. – Еще решит, что я теперь буду почитать его избавителем и навязываться. Сама что-нибудь найду, в интернете посмотрю...» Ее размышления прервал вопрос Эванны:

– А как тебе Алхимик? В смысле – не сегодня, а вообще?

Дарья слегка растерялась. Впечатление от Ставроса нелегко было определить.

– Ну-у, – протянула она. – По-моему, он очень умный, скрытный, себе на уме... Не особо обаятельный, но стильный... Только мрачноватый какой-то. – Она умолкла на пару секунд и добавила: – У него красивые руки.

– О-о, да-а! У него руки любовника!

– Мгм, – неопределенно отозвалась Дарья. К счастью, она сидела к Эванне боком, и та не могла заметить ее смущения. Дарья понятия не имела, как реагировать на подобную реплику. Как не понимала и того, что подразумевает определение «руки любовника». Единственное, что она могла сказать точно: руки Ставроса совершенно не походили на руки ее мужа. У Василия руки были мускулистыми, с большими ладонями и сильными пальцами, загорелые и слегка загрубевшие – руки возницы, привыкшего крепко держать поводья и трепать по морде любимых коней...

– Я умираю от зависти, когда думаю о его женщинах, – продолжила ирландка.

– У него много женщин? – удивилась Дарья. Алхимик не вязался в ее представлении с образом дамского любимца.

– Уверена, что предостаточно, – ответила Эванна. – Периодически он с кем-то встречается, я сама видела в «Алхимии вкуса».

– Где?..

– Это ресторан тут недалеко, угол Средней и Иоанна Евгеника. Непременно сходи туда, стильное местечко, и еда обалденная! Севир часто там ужинает, наверняка нарочно выбрал с таким названием. – Девушка засмеялась. – Когда я в него втрескалась, то по вечерам бегала туда смотреть на него. Видела его там с женщинами несколько раз, причем с разными...

Дарья слушала с возрастающим изумлением. Эванна, влюбленная в Ставроса? Эта веселая красавица бегала за мрачным длинноносым химиком, который так занят своими опытами, что едва замечает окружающих? Ставрос с женщиной в ресторане?.. Что-то немыслимое!

– И чем же это кончилось? – осторожно полюбопытствовала она.

– Он меня отшил, – беспечно ответила Эванна. – Сказал, что я слишком беспоблемна и совершенна, чтоб его заинтересовать.

– Так и сказал? – Дарья удивленно поглядела на ирландку.

– Ну, да. – Эванна усмехнулась. – Он довольно бесцеремонный.

– Да уж! Если бы мне так сказали, я бы обиделась...

– Так я и обиделась, ты что думаешь? Даже хотела залепить пощечину, но он поймал руку. Сильный черт, не вырваться! И сказал так, знаешь, ядовито: «Не ожидал, что признание вашего совершенства, госпожа О'Коннор, будет вам так неприятно». Ну, тут со мной случилась истерика, а он мне еще и коньяка налил – носит с собой во фляжке... В общем, с тех пор я больше не пыталась покорить его сердце.

«Неужели такая попытка вообще кому-то удалась?» – подумала Дарья. Ей казалось, что если у Ставроса и есть сердце, то вряд ли в нем может поместиться еще и женщина: слишком много места там должна занимать наука. Алхимик обычно приходил в лабораторию одним из первых, еще до официального начала рабочего дня, а уходил позже всех, как выяснила Дарья, когда ее смена была в послеобеденное время – она работала неделю в первой половине дня, неделю во второй. Когда в первый день вечерней смены она в шесть собралась уходить, Ставрос всё еще работал и, похоже, не думал закругляться. Дарья спросила, идет ли он домой, и Алхимик, не отрывая взгляд от микроскопа, попросил оставить ключ. Когда она, спустя несколько минут, снова зашла и положила ключ на край стола, Ставрос лишь на миг поднял голову, чтобы сказать: «Спасибо. До свидания», – и так каждый вечер. Неудивительно, что Эванне пришлось отлавливать его в ресторане!

Но все-таки, получается, женщины у него были... По пути домой, глядя в окно трамвая на проплывавшие мимо дома и море, поблескивавшее в конце узких улочек, уходивших круто вниз, к Пропонтиде, Дарья снова вспомнила болтовню Эванны и улыбку Ставроса и подумала, что этот человек, похоже, скрывает еще больше секретов, чем казалось поначалу. «Интересно, о чем же он может говорить с женщиной в ресторане? – подумала она. – Уж конечно, вряд ли о химии...»

На следующий день Дарья невольно внимательней приглядывалась к Алхимику, когда случалось оказаться рядом. Она наблюдала, как он приподнимал колбы, рассматривая содержимое на свет, толоч что-то в ступке, измельчал на мраморной доске сухие растения, наблюдал за перегонкой веществ в сложной системе соединенных трубками сосудов, задумчиво постукивая себя пальцами по щеке... «Руки любовника»? Ставя чистые колбы и пробирки на стойку возле стола Ставроса, Дарья покосилась на него. Он читал толстенную «Энциклопедию средневековой алхимии», всегда лежавшую у него под рукой для справок, и внезапно Дарье представилось, как эти длинные изящные пальцы скользят не по странице книги, а по коже... и по ее телу пробежал трепет. От неожиданности она выронила пробирку, та упала на пол и разлетелась вдребезги. Алхимик посмотрел на лаборантку и чуть приподнял бровь.

– Извините, – пробормотала Дарья, очень некстати заливаясь румянцем. – Я задумалась... Я сейчас быстро уберу!

– Поздравляю с боевым крещением! – произнес Ставрос. – Лаборантка, слишком часто роняющая пробирки – плохой работник, но не уронившая ни одной еще не стала настоящей лаборанткой.

Дарья засмеялась и посмотрела на Алхимика. Он улыбнулся, как вчера, уголками губ, и снова у нее стало тепло внутри.

– Надеюсь, я не буду часто их бить.

– Точно не будете, – уверил ее Ставрос. – Раз уж так долго примеривались, прежде чем разбить первую. – И он снова опустил глаза в книгу.

Принеся совок и метелку, Дарья принялась сметать осколки, но вдруг на миг застыла. В последней фразе Алхимика ей почудилось двойное дно. Но что за подтекст мог скрываться в ней?.. Никаких объяснений на ум не шло, и Дарья опомнилась: «Что это я? Ничего он не имел в виду, просто пошутил!»

Куда труднее было не раздумывать об ощущении, вызванном у нее мыслью о прикосновениях Алхимика. Только мыслью о них! Между тем до сих пор даже реальные прикосновения собственного мужа – единственного мужчины, которого она знала – вызывали у нее подобную дрожь только в некоторые моменты близости. И сейчас Дарья, наконец, призналась себе: эти моменты она не прочь была бы продлить, но... всё происходило довольно быстро и опре-

деленно не так, как описывалось в иных романах. Правда, до сих пор она считала, что так и должно быть: ведь «безоглядно предаваться плотской страсти» вроде как неблагочестиво, а иные сцены в романах и фильмах даже вызывали у Дарьи смущение. Но об этом она ни с кем не говорила. Только каялась при случае на исповеди в «нечистых помыслах». А вот надо ли теперь, после случившегося, покаяться в них на следующей исповеди?..

После работы Дарья впервые не поспешила домой, а по ближайшей мощеной улочке, отходившей от Средней, спустилась вниз, к Пропонтиде, прошла сквозь Контоскалиевы ворота в древней стене, пересекла проезжую часть и очутилась на набережной. Солнце стояло еще высоко, но ветер с моря дул прохладный: осень понемногу заявляла свои права. Впрочем, было тепло. Дарья задумчиво побрела мимо огромных черных камней, прихотливо наваленных вдоль берега широкой полосой – любимое место рыбаков, кошек, купальщиков, туристов и влюбленных.

Ни в ком из них в этот час недостатка тут не было, даже в желающих окунуться в море, несмотря на конец октября: последние дни бархатного сезона всегда вызывали неумный ажиотаж. Взад и вперед сновали разносчики чая, сладостей, орехов и баранок. То и дело раздавалась иностранная речь. Теперь в Городе чаще, чем раньше, звучал русский язык: после падения «железного занавеса» вокруг Московии оттуда приезжало с каждым годом всё больше людей. Постепенно Дарья научилась отличать москвитов от соотечественников из Сибирского царства: последние вели себя зачастую куда шумнее и нередко возмущались чем-то, по их мнению, устроенным «неправильно» в столице мира. Москвиты обычно были сдержанней, больше восхищались, чаще заглядывали в путеводители и карты. Зато они иногда выдавали чудовищно невежественные реплики: например, однажды в Святой Софии русская туристка за спиной у Дарьи назвала Богоматерь с Младенцем-Христом, изображенных на мозаике в апсиде, «дамой с лялечкой»... Дарье так и захотелось обернуться и спросить: «Скажите, зачем вы пришли смотреть на этот храм, если даже не знаете простейших вещей?! Зачем вообще приехали сюда?» Но она тут же подумала, что, может быть, эта женщина из Московии, а тамошняя религиозная безграмотность всем известна... Все-таки человек приехал, хочет посмотреть на Великую церковь, значит, в нем уже есть интерес... Нехорошо было бы так осаживать на старте! Да и вообще лучше не показывать свое знание русского. Дарья редко общалась с соотечественниками – не чувствовала желания, к тому же сибиряки эмигрантов недолюбливали, а москвиты им завидовали... Иногда Дарья удивлялась, насколько быстро обжилась в Византии: ни ностальгии, ни скучания по бывшим согражданам... Она даже ни разу не побывала ни в одном из храмов здешней русской колонии, которая почти не поредела после Московской революции: подавляющее большинство эмигрантов не горело желанием ехать на «историческую родину», – и тут Дарья их понимала. Но всё же на исходе пятого года пребывания в Оке вселенной ей стало чего-то не хватать. Чего же?..

Она спустилась с парапета и, переступая с одной черной глыбы на другую, добралась до самой воды. Синие волны весело искрились, ласково плескались и пенились у камней, покрытых возле самой воды тонким ярко-зеленым слоем мха. Дарья села на теплый камень и задумалась о том, помог ли ей месяц работы в лаборатории разобраться в себе и понять нечто полезное, и если да, то что именно. Конечно, смена деятельности всколыхнула ее жизнь, так же как знакомство с новыми людьми; в лаборатории работал прекрасный коллектив, и даже Контоглу, несмотря на донжуанство, был интересным и умным человеком. Да, это несколько развеяло тоску, но Дарья чувствовала, что «внутренний демон» по-прежнему сидит в глубине, затаившись, и лишь иногда дает знать о своем присутствии неприятным тянущим чувством. Ни изгнать тоску до конца, ни понять ее причины новая работа Дарье пока не помогла. Зато появились новые вопросы...

Точнее, если не считать определенного любопытства, которое вызывал у нее Ставрос, вопрос, касавшийся непосредственно ее самой, был пока только один, и встал он со всей силой

не далее как сегодня: почему Алхимик так действует на нее? Это странное воздействие стало уже настолько очевидным, что отмахнуться было невозможно.

Во-первых, он за ней наблюдал – за чаепитиями она порой ловила на себе его взгляд, – и это почему-то смущало. Хотя, если рассудить объективно, он смотрел на нее куда реже, чем та же Эванна или другие сотрудники, и уж всяко не так часто и открыто, как Контоглу. Но нарочитое внимание Алексея больше раздражало, чем смущало, тогда как цепкий взгляд Ставроса заставлял внутренне собираться, а иногда и поеживаться.

Может быть, потому, что – во-вторых – она догадывалась: он не поверил в ее «легенду» и теперь пытался прочесть ее тайные мысли... «Что за глупости! – осадил она себя. – Не может же он в самом деле читать мысли!»

А вчера прибавилось еще и в-третьих: он улыбнулся ей, и от этой улыбки ей вдруг стало очень тепло и даже... радостно? Словно она давно ждала ее...

«Чушь! – оборвала она себя снова. – Я вовсе ни о чем таком не думала и тем более не ждала!» Хотя... все-таки в глубине души было обидно, что он за месяц ни разу не заговорил с ней. Несмотря на молчаливость, он так или иначе общался с другими коллегами, а ее... как будто не замечал. Дарья, конечно, списывала это на свое незнание химии и тех проблем, которыми занимались в лаборатории, но...

И вот, вчера он впервые ей улыбнулся. И защитил ее от Контоглу! А ведь никто не тянул его за язык, не побуждал заступаться... Правда, Ставрос, видимо, понимал, что из всех сотрудников лаборатории только он сможет осадить заведующего безнаказанно, раз он здесь на особом положении, но... Все-таки это был благородный поступок!

«Интересно, а если б я рассказала Василию, как Контоглу пытается приставать ко мне, что бы он сделал?» – внезапно подумала Дарья. Скорее всего, муж посоветовал бы уволиться из лаборатории «от греха подальше». А то еще и поворчал бы, что нечего было вообще туда устраиваться... Ну, обругал бы «мерзавца», вероятно. Но вряд ли он явился бы в институт разобраться с Алексеем «по-мужски». Нет, не потому, что он трус или слабак. Просто ему бы такое в голову не пришло. Наверное. Или пришло бы?... А если рассказать ему – пусть и задним числом? Как он отреагирует?

Фу, что за мысли приходят к ней сегодня! Дарья даже потрясла головой. Оглянувшись, она заметила мальчишку с подносом, где стояли стаканчики с чаем, и помахала ему. Через несколько секунд паренек оказался рядом, и за полдрахмы Дарья стала обладательницей порции крепкого чая, кусочка сахара и маленького орехового печенья.

«С чего это я вообще стала сравнивать Василя со Ставросом? – подумала она, размешивая сахар в чае пластмассовой ложечкой. – Вот нелепость!» Она сделала глоток и, положив в рот печенье, раздраженно захрустела им, но вдруг замерла. Ей вспомнилось ощущение, предшествовавшее разбиению пробирки перед столом Алхимика.

Нелепость? Ну да, только вот идея такого сравнения пришла именно в связи с этим. Потому что – в-четвертых – ощущение было очень странным. Неожиданным. Неуместным. Неприличным. И тем не менее, сейчас, вспомнив о нем, Дарья невольно подумала: «А каковы же были бы ощущения от его реального прикосновения?»

Нет, это уже слишком! Дарья быстро допила чай, аккуратно поставила стаканчик на камень – мальчик заберет на обратном пути – и встала. Что, если бы Ставрос узнал, о чем она тут думает?!.. Она покраснела, с досадой закусил губу и, поднявшись на набережную, поскорей зашагала к автобусной остановке. Пора домой! Заниматься детьми, переводами, мужем... И выкинуть из головы всю эту несообразность!

Ноябрь прошел без происшествий. Контоглу больше не приставал и вел себя прилично, пробирок Дарья больше не разбивала, Алхимик больше не говорил ничего «странного» и по-прежнему не общался с ней. Однако ощущения, что он ее игнорирует, почему-то уже не возникало. Дарья купила книгу «Алхимия на Востоке и Западе» и с удивлением обнаружила в ней не только много ссылок на научные работы Ставроса, но и целый раздел, им написанный, который выгодно отличался от остальных более живым и образным языком, местами с тонким юмором, и читался на одном дыхании. «Интересно, Ставрос преподавал в Антиохии? – подумала Дарья. – Если да, то у него, наверное, были захватывающие лекции!»

Василий, увидев у нее новую книгу, удивился:

– Алхимия? С чего это ты ею заинтересовалась?

– Да так, захотелось узнать что-нибудь про ее историю... У нас в лаборатории один ученый работает, воспроизводит древние алхимические опыты, представляешь? Оказывается, это вовсе не просто, даже язык сложно расшифровать – символы всякие... Да и вообще с этого ведь начиналась вся современная химия! Кое-какие вещества алхимики открыли уже давно, часто не понимая, что они сделали...

– Ну да, они же всё философский камень искали. – Василий хмыкнул. – В этой книге, кстати, про Иоанна Грамматика ничего нет?

– Есть! Оказывается, от него дошло несколько рукописей, и он открытие фосфора предвосхитил! Я не знала... Интересно, мать Кассия знает об этом? В романах она об этом не упоминает...

– Так она же еще не всё про него написала, собирается в другом романе раскрыть кое-какие тайны. – Василий засмеялся. – Евстолия говорит: какие-то отрывки уже написаны, но Кассия их пока никому не показывает.

– О, правда? Ну, подождем, пока секрет раскроется! Хотя она сейчас про другую эпоху стала писать...

– Ну да, про Юстиниана. Но, думаю, своего любимого софиста она не бросит!

Монахиня Кассия Скиату из монастыря Живоносного Источника, их давняя хорошая знакомая, в свободное время писала романы на сюжеты из византийской истории. Пять лет назад первый роман Кассии, прочитанный Дарьей, заставил ее задуматься о том, точно ли у нее есть настоящее к монашеству и в итоге решить этот вопрос отрицательно – впрочем, тогда главную роль сыграло знакомство с Василием. Дарья ни разу не пожалела о том, что оставила намерение принять постриг, но с сестрами из обители Источника продолжала дружить, особенно с Кассией, Еленой и, само собой, сестрой мужа Евстолией. Последняя почти каждую неделю заходила к ним на чай, рассказывала монастырские и общецерковные новости, болтала о том, о сем.

Иногда у Дарьи возникало ощущение, что Евстолия словно бы следит за их семейной жизнью: всё ли хорошо, все ли довольны. Дарья идея поработать в лаборатории вызвала у монахини недоумение. Правда, Василий с самого начала свел всё в шуточную плоскость.

– А Дари от нас сбежала, – сказал он за чаем во время очередного визита сестры. – Надоели мы ей.

– То есть? – удивилась Евстолия.

– Он шутит. – Дарья улыбнулась, хотя шутка мужа ей не понравилась. – Я просто одурела от переводов, ну, и решила проветриться, а то скучно всё дома сидеть. Лари меня устроила поработать в лабораторию в их институт. С новыми людьми пообщаться и всё такое.

– В лабораторию? – переспросила монахиня. – В какую? И почему именно туда?

– В химическую. Так получилось, в общем-то случайно. Я с Лари говорила о том, что, может, мне временно поработать в другой области, не с языками, а она предложила пойти в их институт лаборанткой, там как раз одна увольнялась. Вот я и устроилась. В общем, ничего сложного, а народ там и правда интересный. Не знаю, посмотрю, а не понравится, так уйду: у меня контракт с правом увольнения в любой момент.

– Понятно, – проговорила Евстолия, хотя по ее лицу нельзя было сказать, что ей всё так уж понятно. – Заели будни... Слушай, Василь, – взглянула она на брата, – а это не ты ли Дари в тоску вогнал? Ты там не слишком ли пропадаешь на ипподроме? Сводил бы ее хоть в кино или в театр! Вы когда в последний раз в музей ходили, ну-ка, скажи!

– В музей? – Василий растерялся. – Не помню... довольно давно, кажется...

Дарья помнила: весной, на Светлой седмице – в Городе тогда проходила традиционная Неделя музеев, когда все константинопольские музеи были открыты круглосуточно и продавали билеты за полцены. К ним в гости как раз прилетала Дарьяна мать, и они всю неделю с утра до вечера оттапывали ноги на разных экспозициях, наконец-то выбрались к крепость Серый Ключ на европейском берегу Босфора, а еще съездили в Никею, где посетили знаменитую базилику, в которой больше двенадцати столетий назад проходил Седьмой вселенский собор, обошли вдоль стен старый город – маленький, почти игрушечный, – заглянули в восстановленный древний амфитеатр, где уличные артисты развлекали немногочисленную публику, и искупались в местном озере. Василий, правда, в ту неделю ходил с ними только иногда – в последние три дня пасхальной седмицы на большом ипподроме шли соревнования в верховой езде, он в них участвовал и занял второе место. Он тогда намекнул Дарье, что будет рад увидеть ее и тещу в числе зрителей, но они побывали там только в день открытия соревнований, а потом отдали предпочтения музеям. Дарья подозревала, что Василий обиделся на это, хотя ничего не сказал. Но должен же он понимать, что им далеко не так интересны бега и лошади, как ему! Впрочем, вечером в день окончания скачек она с матерью приготовила в честь победителя отличный ужин в сибирском стиле, и они знатно повеселились. А на следующий день, в воскресенье, ходили на службу в Святую Софию, затем позавтракали в «Мега-Никсе» и отправились в круиз по Босфору, на обратном пути заехав в Археологический музей в районе площади Империи и даже попав на вечерню в собор святого Марка Евгеника, где почивали мощи великого патриарха. А после этого опять начались семейные будни. Как и до этого – они с мужем редко выбирались «в свет».

– «Кажется!» – передразнила Евстолия. – А мне вот кажется, что тебе надо почаще думать о чем-нибудь помимо лошадей и скачек! Почему бы вам с Дари по воскресеньям не ходить в музей или театр, или хоть в кино? Детей же можно с бабушкой оставить, никаких проблем. А то у тебя жена чахнуть стала, а ты и знать не знаешь!

– Да нет, я вовсе не чахну! Просто жизнь немного однообразной стала казаться, но это же поправимо, – возразила Дарья. «Чахнуть» не являлось точным словом для обозначения ее тоски, да и вообще Дарье стало неприятно, что Евстолия вмешивается в их семейную жизнь, так уверенно раздает советы. Конечно, хорошо бы чаще ходить по музеям и театрам, но Дарья понимала, что «чахла» она не от отсутствия насыщенной культурной программы. Точнее, не только от этого. А вот от чего, еще предстояло определить, и Дарья собиралась сделать это без помощи Евстолии. «В конце концов она же монахиня и никогда не была замужем, – подумала Дарья. – Что она может понимать в моих проблемах? Она нашла себе нишу и живет там, занимается только духовными вещами... ну, или почти только ими. Это еще, может, Кассия бы могла тут дать совет, она человек творческий, разбирается в психологии, судя по ее романам...» Но с Кассией ей тоже советоваться не хотелось. Когда-то она уже посоветовалась с ней насчет призвания на монашество и в итоге решила выйти из монастыря. После свадьбы Кассия, как и остальные сестры обители Источника, поздравила их с Василием, пожелала всяческих благ и «светлого пути»... Что она сказала бы, если б Дарья пожаловалась, что и этот

путь для нее вдруг стало завлакивать туманом?.. Нет, надо разбираться с этой проблемой самостоятельно, с Божией помощью. Если Он направит...

После того разговора с Евстолией, когда монахиня уже ушла, Василий сказал, что им в самом деле стоит больше уделять внимание культурному досугу.

– Я как-то забываю: ты же у нас тут ничего почти не видела, – виновато глядя на жену, проговорил он. – Нас-то всех в школе постоянно водили по музеям. Хотя, конечно, тогда восприятие было другое, имеет смысл периодически обновлять. Давай, может, ты тогда выберешь, куда тебе в первую очередь хочется попасть, и мы начнем. Прямо вот в это воскресенье!

И вот, теперь по воскресеньям они после церкви отправлялись к матери Василия, где завтракали, оставляли детей с бабушкой и шли в какой-нибудь музей, а иногда просто гуляли по Городу: Константинополь и сам по себе был музеем, полным древних памятников и святынь. Это, конечно, вносило разнообразие в жизнь, но тоска не исчезала, только притупилась.

Зато постепенно Дарья стала ловить себя на том, что при наступлении выходных ждет их окончания, чтобы опять оказаться в лаборатории. Там можно было тихонько поболтать за работой с Эванной, любившей вдаваться в забавные сопоставления византийцев и ирландцев, выслушать за чаем занятную, а то и драматическую историю из жизни химиков, неистощимым запасом которых обладала тетя Вера, попытаться вникнуть в ученую перепалку Контоглу с Аристидисом или посмеяться над анекдотами из жизни студентов, которые любила рассказывать София, долго преподававшая химию в столичном Университете – «а если б не ушла, учила бы там саму принцессу!»

А еще случались те краткие моменты, когда можно было поймать взгляд черных глаз, чье выражение она не могла разгадать, или уловить жест красивой руки, убирающей за ухо упавшую на лоб прядь волос цвета воронова крыла, проследить движение длинных пальцев, берущих из вазочки печенье с тмином, улыбнуться язвительной шутке, вслушаться в бархатистый голос, а уходя вечером, положить ключ на стол и услышать краткое «до свиданья», встретить мимолетный, но совершенно бездонный взгляд, а иногда и увидеть, как чуть приподнимаются уголки тонких губ... Впрочем, это были всего лишь красивые штрихи на жизненном полотне, которые делали работу в лаборатории чуть более живописной – и только. Ведь правда же?

Журналист и программист

Из раскрытого окна донесся мелодичный звон трамвая, сворачивавшего с Галатского моста к Босфору. Панайотис любил этот звук – веселый и жизнеутверждающий, он в то же время создавал ощущение постоянства и успокаивал: если трамвай неизменно ходит с одного берега Золотого Рога на другой и звенит, значит, жизнь идет своим чередом и ее порядок не нарушен ничем из ряда вон выходящим. Однако сам Панайотис уже много лет не пользовался общественным транспортом, а в последние три года это было ему и не по статусу как главному редактору еженедельника «Синописис» – полуофициального издания, которое поддерживало и разъясняло рядовым гражданам имперскую политику: прежний главный ушел на почетную пенсию, недвусмысленно указав на Стратиотиса как на лучшего преемника. Великий Пан, как шутливо называли его в редакции, жил вместе с супругой и двумя детьми в Галате, посередине склона холма, на котором возвышалась знаменитая башня, в новом доме, где Панайотис приобрел в рассрочку квартиру незадолго до женитьбы. Он с самых первых шагов в журналистике копил на новое жилище ввиду будущего обзаведения семьей, работая на несколько изданий, деньги же на свадьбу молодоженам свалились буквально с неба: Елизавета много выиграла на Золотом Ипподроме в декабре 2010 года, поставив на Василия Феотоки. Панайотису нравилась Галата – более спокойная, культурная, организованная и вылизанная, чем восточная часть Города, где куда сильнее ощущался элемент веселого хаоса и восточной небрежности, – поэтому когда зашла речь о месте жительства, варианты практически не обсуждались, тем более что Лизи, проведшая детство и юность в двухкомнатной клетушке, не была склонна капризничать, видя перед собой такую перспективу: просторная четырехкомнатная квартира с огромной кухней, высокими потолками, широким балконом и окнами с обзором на Золотой Рог, Галатский мост и Дворцовый мыс.

Здесь же недалеко находился и прекрасный храм шестнадцатого века, посвященный апостолам Петру и Павлу, однако Панайотис, как он пенял сам себе в минуты сокрушения о грехах, появлялся там далеко не так часто, как мог бы и, главное, как был должен. После женитьбы на Елизавете его отношения с христианством претерпели значительную трансформацию. Хотя до свадьбы он надеялся, наоборот, привлечь Лизи к активной церковной жизни, согласно апостольским словам: «Почем ты знаешь, муж, не спасешь ли жену?» В какой-то мере это даже осуществилось: невеста на удивление легко согласилась возобновить прерванное ею в далеком детстве посещение церкви, перед венчанием побывала на исповеди, и в день свадьбы новобрачные, как полагается, вместе причастились, и с тех пор Елизавета примерно раз в месяц бывала в храме на причастии и раза два в году – на исповеди. Но это вовсе не привело к тому, что она стала восприимчивей к воззрениям мужа на духовную жизнь. Напротив! Когда Панайотис попытался заняться образованием молодой жены в области христианской морали, то, к своему немалому удивлению, обнаружил, что Лизи знает о христианстве куда больше, чем можно было представить, общаясь с ней прежде в редакции «Синописиса».

Они поженились в первое воскресенье после Богоявления и провели вполне медовые четыре недели, из них три в Луджайни – так захотела Лизи. Пан сначала изумился, потом заворчал, что «это непатриотично, почему бы не поехать в Иерусалим или хотя бы в Каппадокию», а когда Лизи ответила: «Но там будет холодно!» – стал бурчать о сомнительном удовольствии провести медовый месяц «среди неверных мусульман». Однако невеста парировала, что удовольствие провести оный месяц среди неверных буддистов или индуистов столь же сомнительно, если не более, поскольку они еще и многобожники и идолопоклонники, в отличие от почитателей Аллаха, а в христианских землях, к сожалению, январь месяц не отличается теплотой и, значит, не подходит для свадебного путешествия.

Таким образом, этот первый богословский спор будущих супругов решился в пользу Елизаветы, и Панайотис со вздохом открыл сайт «Византий-аэро», чтобы заказать билеты до Джамара, столицы самой южной страны Нового Света. В Джамаре, впрочем, они не задержались – там было слишком душно и влажно – и на третий день по прилете отправились севернее. Когда они очутились в национальном парке Игуасу, а потом увидели и знаменитые водопады, Панайотис перестал жалеть о поездке к «неверным», хотя повод для сетований нашел и тут: теперь это было явное превосходство амирийцев над византийцами в деле сохранения нетронутой природы... Лизи то едва не визжала от восторга, то теряла дар речи перед раскинувшейся панорамой невероятной красоты водяных каскадов; они провели на Игуасу целый день, и единственное, что заставило восхищенного Стратиотиса слегка поворчать, это название самого впечатляющего из здешних водопадов – Глотка Шайтана. Однако мысленно он не мог не согласиться, что такое название подходило для этого великолепного и страшного в своей мощи потока воды, четырнадцатью каскадами низвергавшегося в расселину глубиной восемьдесят метров, оставляя в воздухе огромное облако водяной пыли и оглушительный грохот. Жители соседнего Паранского Королевства с горечью повторяли, что Шайтан проглотил их благосостояние. Действительно, сделку, заключенную в конце восемнадцатого века королем Парании Абдуллой с его соседом королем Мустафой, нынешние паранцы могли только проклинать: получив право на разработку крупных залежей железной руды, разрабатывать которые у луджанийцев в то время не было достаточных ресурсов, в обмен он ничтоже сумняся передвинул границу так, что водопады Игуасу, до того разделенные поровну между двумя странами, полностью оказались на территории Луджайни. Месторождение столетие спустя выработали, зато водопады, благодаря потокам туристов, приносили сказочные доходы. Но мог ли Абдулла предполагать, что когда-нибудь люди станут летать через океан на железных птицах и платить деньги, чтобы поглядеть на падающую воду?! Впрочем, вряд ли такое приходило в голову и Мустафе, хотя позднейшие легенды гласили, будто купить Великие Каскады его надоумил во сне сам Пророк. Возможно, Мустафа, поэт на троне, просто любил созерцать природу; сохранился даже сборник его стихов – правда, довольно посредственных – о луджайнийских красотах. Как бы то ни было, ни один турист, приезжавший в Луджайни, не мог не побывать на Игуасу, и местным жителям оставалось только повышать качество сервиса и благословлять Аллаха, надоумившего его величество Мустафу совершить столь перспективную сделку. После Игуасу путь новобрачных лежал к огромному соленому озеру Сагирад аль-Бахр, оттуда к хребтам Аль-Мавра, затем в знаменитый Озерный край – на осмотр его невероятных красот ушла целая неделя, и она пролетела как один день – и, наконец, на берег Атлантики. Оттуда они самолетом отправились к последнему пункту путешествия – острову Рапа-Нуи со знаменитыми монолитами моаи. Не то чтобы Пан горел желанием смотреть на «языческие истуканы», но когда они с Лизи составляли план путешествия, решил: раз уж они окажутся столь близко от этой достопримечательности – до недавних времен одной из наиболее странных и загадочных в мире, – то неразумно на нее не посмотреть. Статуи показались ему довольно таки зловещими – особенно одна, с реконструированными глазами. Но когда он заикнулся насчет «бесовской мрачности языческого нечестия», Лизи, для которой всё это было не более чем «прикольно» – Пан безуспешно пытался отучить ее от этого слова, – внезапно закипятилась и заявила, что «каждый молится Богу, как знает», местные аборигены не виноваты, если до них не добрались христианские миссионеры, а Бог вполне может услышать и такие молитвы, «была бы искренность!» Панайотису не хотелось ссор в медовый месяц, он поспешил согласиться, что «возможно, оно и так», – и это стало второй богословской победой Лизи. Но отнюдь не последней.

Когда с Рапа-Нуи через напоминавший сауну Джамар молодые супруги вернулись в зимний Константинополь, уже началась подготовка к Великому посту. Почти всю седмицу мытаря и фарисея они провели, наслаждаясь замечательными мясными блюдами луджанийской кухни,

но теперь, в воскресенье, когда вспоминался притча Христа о блудном сыне, Панайотис решительно вознамерился отправиться в храм и начать подготовку к «весне постной». Лизи пошла на службу вместе с ним и тоже причастилась. Настоятель храма отец Григорий Димитраки славился интеллектуальными проповедями, послушать их приходили со всех концов Галаты и из старого Города, и по воскресеньям вместительный собор оказывался полон народа, люди теснились даже во внешнем нартексе – оттуда, правда, было почти ничего не слышно, но проблему уже несколько лет назад решили путем установки микрофонов и динамиков в нужных местах. На этот раз отец Григорий говорил о «душевном смысле» притчи о блудном сыне. Панайотис с умилением и сокрушением внимал рассуждениям о том, что нельзя «увлекаться дозволенными удовольствиями», иначе нас постигнет участь младшего сына, который, хотя и имел полное право использовать свою часть имения, распорядился ею неразумно, расточив на страсти, и пришел «в полную душевную нищету». Перечисляя виды «скотской пищи», проповедник от алкоголя и курения перешел к «более естественным желаниям» и подчеркнул: хотя блудную страсть и разрешено удовлетворять в законном браке, однако, «если этим разрешением слишком усиленно пользоваться и находить в этом особое удовольствие, то получится зависимость, сродная наркотической», по большому же счету «таким наркотиком является вся наша жизнь, и весь мир является наркотиком, потому что у нас зависимость от жизни». Тут Лизи громко хмыкнула, и стоявшая впереди женщина недовольно повела головой. Панайотису реакция жены тоже не понравилась, и на пути домой он заговорил о том, какую замечательно глубокую и верную проповедь сказал настоятель.

– Язык у него подвешен хорошо, – согласилась Лизи. – Только вот однобокая у него проповедь вышла.

– Почему же? – слегка обиделся Стратиотис за отца Григория.

– Да потому! Притча ведь об отце и *двух* сыновьях. А он об отце и о младшем сыне сказал, а про старшего молчок! Я-то всё ждала, когда он про старшего заговорит...

– Что же про старшего говорить? – удивился Пан. – С ним и так всё понятно: он исполнял волю отца, жил благочестиво и...

– И что? – перебила жена. – В итоге за свое благочестие он не получил от отца вообще ничего! Даже позавидовал братцу, который вернулся домой нищим оборванцем и в кои-то веки надел чистое и налопался! Это вот и есть, получается, итог благочестия – пахать, как проклятый, а потом остаться с носом?

Пан раскрыл рот. Закрыл. Снова открыл и, наконец, сумел ответить на столь вопиющий выпад:

– Как ты можешь так всё переиначивать?! Отец же сам ему говорит: «Ты всегда со мной, всё мое – твое». А под отцом подразумевается сам Бог, и значит, старший сын владеет всем, что принадлежит Богу! Разве этого мало?

– Но ему-то, получается, было мало! Иначе чего бы ему так злиться?

– Гнусная зависть помрачила ему глаза! – важно изрек Пан.

– Зависть? – Лизи хмыкнула. – Зависть к чему? Вот, слушай, давай рассудим чисто логически. Вот императорский сын, который реально имеет доступ ко всему, что есть у отца, всем наслаждается, получает всё, что душе угодно, ни в чем не нуждается, всем доволен. И вот бродяга, который полжизни где-то прошатался в нищете, а потом, допустим, выяснилось, что он императорский родственник, и август его принял, повелел вымыть, одеть и посадить за свой стол. Что получил бродяга такого, чего не имел бы принц? Ничего! Он получил только малую часть того, что принц и так уже имеет, всегда имел! Станет принц ему завидовать, злиться, а тем более укорять отца, что тот дал этому бродяге то, чего не давал никогда сыну? Это же абсурд! Принц может злиться только в том случае, если он *не имел* тех благ, которые получил бродяга. Так значит, выходит, старший сын из притчи либо не имел того, что получил вернувшийся младший, либо, если теоретически имел, то в реальности не пользовался, ибо папашка

не давал! Вот мне и любопытно: чем же старший сын так провинился? Пахал, пахал на папу, а папа ему даже и покушать вволю не давал! А уж если этот самый телец упитанный, доставшийся младшему, означает причастие, как отец Григорий толкует, участие в теле Христовом и всё такое, так вообще странно выходит: старший брат благочестиво соблюдал все заповеди, а в итоге даже и причастия не сподобился? Так тогда знаешь, что выходит из этой притчи? Что надо побольше грешить, а когда-нибудь потом покаяться, и тогда получишь от Бога всякие блага, а если будешь всё соблюдать, поститься да молиться, то в итоге останешься с носом! Это логически из всей этой истории вытекает!

– Э-э... – протянул ошеломленный Панайотис. – Э-это вовсе не так!

– А как? – повернулась к нему Лизи. – Как? Ну-ка поясни мне, пожалуйста. А то я реально не понимаю. Нас призывают, видите ли, воздерживаться от любовных и прочих удовольствий, которые якобы наркотик и всё такое... А взамен-то что? Тельца упитанного скушает в итоге уличная гетера?

– Ты не поняла! – все-таки нашелся Пан с ответом. – Старший сын не тому позавидовал, что младшему достались блага, а тому, что ему это досталось без труда. Старший-то работал, а младший только грешил, но получил всё равно то же самое. Вот старшему и стало обидно.

– Ну, допустим, – согласилась Лизи. – Такая обида это понятно, да. Но вопрос всё равно остается. Если по твоему толкованию, так старший бы сказал: «Чего это ты, папа, отвалил упитанного тельца этому прохвосту, когда он всё имение твое на ветер пустил?» Но он-то перед этим еще заявил прямым текстом, что папа ему никогда не давал не только того, что теперь отвалил младшему блуднику, но даже и меньшего не давал – козленка, с друзьями повеселиться. То есть жарься, сынок, в поле, потей, работай, а веселиться не смей, веселиться блудники будут, когда их простят! Я о чем и говорю. С подковыркой притча-то!

– Надо посмотреть, как это святые отцы толкуют, – пробормотал обескураженный Панайотис. Он усиленно пытался вспомнить, что говорили отцы насчет претензий старшего сына, но не мог. «Неужели они не видели противоречия, о котором Лизи говорит?» – подумалось ему, но он тут же постарался отогнать столь крамольную мысль. Елизавета фыркнула:

– Вот вечно у вас так: как сами не знаете, что сказать, сразу к святым отцам посылаете! Удобно отсылать к давно умершим людям – их в любом случае уже ни о чем не спросишь, если чего-то не понял или не согласен... – Она вдруг рассмеялась. – А знаешь, судя даже по одной этой притче о сыновьях, Бог, похоже, большой приколист! Вы думаете, Он хотел сказать то и то, а на самом деле Он, может, вовсе другое имел в виду!

Пан нахохлился и ничего не ответил. Он чувствовал, что попытки наставить Лизи на путь истинно-христианской жизни наткнутся на много препятствий... Он твердо намеревался дома раскрыть соответствующий том Иоанна Златоуста и посмотреть толкование на притчу о блудном сыне, но по возвращении из церкви они с женой позавтракали и выпили кофе, потом еще выпили кофе, потом... В общем, Стратиотис так и забыл исправить досадный пробел в своем христианском образовании.

Елизавета в Великом посту побывала в храме еще только дважды и больше никак не комментировала проповеди отца Григория. Панайотис, конечно, хотел бы видеть жену в церкви куда чаще, но не решался настаивать, надеясь исправить положение постепенно, ведь Лизи столько лет вела вообще нецерковную жизнь... По крайней мере, радовало то, что она не восстала против супружеского воздержания во время поста, чего Пан втайне опасался!

Однако он рано обрадовался. Когда наступил Апостольский пост, Елизавета решительно заявила, что соблюдать его не намерена ни в каком направлении. Это было ужасно! Конечно, со вкушением ею скоромного еще можно было, скрепя сердце, смириться, хотя Панайотис, разумеется, нисколько не одобрял недоброй памяти новеллу Андроника VI Палеолога, объявившую обязательными к соблюдению всеми православными только Великий пост, среду с пятницей и однодневные посты в течение года, прочие многодневные посты предоставив

на волю желающих, прежде всего монахов. Будучи от природы слабым и болезненным, этот император решил, что в его хворях виноваты «бесконечные посты». Обоснование для своей новеллы он нашел в известном толковании Феодора Вальсамона на «Книгу правил», где говорилось, что всем христианам необходимо соблюдать Великий пост и среду с пятницей, если же кто пожелает поститься и в другие посты, то «не подвергнется за сие стыду». Из этого толкования неминусово следовало, что прочие три многодневных поста не обязательны для благочестия. Император немедленно призвал патриарха рассмотреть вопрос соборно, причем обрел себе немало сторонников из епископата – как злословили возмущенные постники, «любителей куриного мяса и родосского вина», – и, к великому негодованию благочестивых христиан, количество обязательных постов вернулось к тому, что существовало при начале Империи. Однако выражать возмущение слишком явно мало кто тогда решился: Церковь всё еще отходила после нескольких десятилетий правления Ласкарисов, не только задушивших ее налогами, но и насаждавших в обществе неслыханный дотоле разврат под видом «утонченности и галантности». А поскольку Палеологи, воцарившиеся после Иоанна Отступника, относились к нуждам клира и монахов куда с большим пониманием, их предпочитали лишний раз не раздражать... Новеллу Андроника попытался спустя полвека отменить Василий VI, но увы! – василевс не нашел понимания в патриархии. Константинопольский престол тогда занимал патриарх Николай Сиракузец, получивший кафедру еще при франкофиле Юстиниане III и сам весьма симпатизировавший западноевропейским либеральным порядкам. Николай решительно отказался «возлагать на плечи народа христианского бремени неудобноносимые», заявив, что «доброхотного дателя любит Бог» и награда постникам на небесах окажется куда большей, если они будут соблюдать посты по собственному желанию, добровольно, а не неволью. Новелла Андроника и решение собора 1784 года так и остались в силе, а позднее уже никому не приходило в голову отменять их. Впрочем, монахи и народ в селах и провинциальных городках продолжали поститься по-прежнему, однако в крупных городах инициатива Андроника быстро снискала множество сторонников. Теперь же, спустя столько лет и при общем падении религиозности, вовсе не приходилось ожидать перемен в сторону более строгого благочестия: все четыре многодневных поста соблюдали лишь монахи и наиболее благочестивые миряне, любители «вековых уставов святой Церкви», к коим причислял себя и Панайотис, но чьи ряды совершенно не собиралась пополнять его супруга.

Да что еда, когда Лизи отказалась даже хранить супружеское воздержание в любое время года, помимо Великого поста! Пан был этим обстоятельством крайне смущен и сначала решительно воспротивился таковому «безудержному сластолюбию», процитировав по этому случаю подходящее высказывание из Кассиана Римлянина. Но Лизи не осталась в долгу.

– Слушай, – сказала она, – Кассиан Кассианом, а Новый Завет-то, я думаю, важнее как источник заповедей и правил?

– Ну конечно, важнее! – подтвердил не ожидавший подвоха Пан. – Это основной закон нашей жизни, и...

– Вот и отлично! Тогда ты должен слушаться того, что там сказано: «Муж не владеет своим телом, но жена!»! А коль скоро твоим телом владею я, то я буду им владеть тогда, когда мне это потребуется. И нечего мне мозги парить сентенциями древних монахов! Мы с тобой не монахи, и нечего выпендриваться!

– Но послушай, ты всё переиначила! – попытался возразить Панайотис. – Апостол совсем не то имел в виду, он же сам в другом месте говорит, что «время уже сокращено, и имеющие жен должны быть как не имеющие»...

– Ага, и жить, как брат с сестрой? – насмешливо спросила Лизи. – А чего и жениться тогда? Вот странные какие! Их «сокращенное время», между прочим, уже две тыщи лет тянется, и конца ему не видно... Но вообще знаешь, что? Что бы там апостолы ни говорили,

а придется тебе, мой дорогой любимый супруг, подстраиваться не под них, а под меня. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы я в посты изменяла тебе с вибратором!

Панайотис потерял дар речи. Во-первых, он никак не ожидал от жены столь углубленных познаний в апостольских посланиях и с великим смущением и досадой на себя осознавал, что опять не может вспомнить, как святые отцы толковали процитированное Елизаветой место. Во-вторых, ви... эта Ужасная штука. Пан предпочел бы вовсе ничего не знать о ней, но в редакции «Синописа» порой обсуждали и не такое, особенно простимулировав творческий порыв напитком покрепче кофе и, что уж греха таить, даже покрепче пива. Неужели Лизи действительно может... Нет, этому не бывать!! Но тогда... тогда, значит, ему придется нарушать пост, предаваться греховному невоздержанию?!.. Самым же плохим было то, что Панайотис даже не мог посоветоваться на сей счет с духовником: восьмидесятилетний старичок, уж конечно, не имел никакого представления о ви... той Ужасной штуке. А объяснять ему – о, нет, на это Стратиотис был решительно неспособен!

Если бы Панайотис больше знал о женщинах, он бы мог понять, что Лизи не так уж падка до физической любви: она не отличалась склонностью к аскетизму, но в целом относилась к этой стороне супружеской жизни довольно спокойно. Никак нельзя было сказать, будто она тянула мужа вместо поста предаваться «ненасытному сладострастью», – но именно это представилось ему в припадке благочестивого ужаса перед возможным соперником в виде Ужасной штуки.

Лицо Пана между тем по цвету почти уподобилось свекле, и Лизи даже не на шутку испугалась, не случится ли с ним удар. «Пожалуй, я сказала лишнее!» – подумала она и уже собиралась сгладить свой выпад, как вдруг муж, наконец, пришел в себя и заговорил.

– Я... – выдохнул он и внезапно произнес вовсе не то, что собирался: – Я не знал, что ты так хорошо знаешь апостольские послания.

Лизи, не ожидавшая такого ответа, на мгновенье растерялась, но тут же рассмеялась:

– А ты как думал? Если уж я согласилась стать твоей женой, так надо же заранее узнать, на что я подписываюсь! Твой основной закон и всё такое. «Чтобы быть во всеоружии», – мысленно добавила она, а вслух продолжала: – Разве ты этим недоволен?

Конечно, странно выражать недовольство тем, что жена знает Священное Писание. А выражать недовольство тем, как она его применяет... это имело бы смысл, если бы Пан мог противопоставить ее толкованию свое, «правильное». Но он глядел в озорно блестящие серо-голубые глаза и чувствовал, что ему опять нечего противопоставить. Если он скажет: «Это вовсе не так!» – она спросит, а как же тогда, потребует логическое обоснование... Между тем – в ту минуту он это ясно чувствовал – не было никакого логического обоснования желанию воздерживаться от близости с красивой, веселой, находчивой, порой непредсказуемой, но такой непостижимо родной и любимой женщиной. Да и желания воздерживаться у него, если уж говорить начистоту, не было. Был страх перед нарушением неких правил – но разве он не нарушил их тогда, в ту первую ночь, такую нечестивую с точки зрения благочестия и такую чудесную со всех остальных точек зрения – а главное, приведшую к тому, что он связал судьбу с самой лучшей женщины в мире! И еще потом, в месяцы, протекшие до свадьбы... А ведь духовник даже епитимии, в сущности, на него за это не наложил, только поулыбался в седую бороду и сказал: «Береги ее, женщины – существа хрупкие». Да, она была хрупкой, Лизи. Умной, внутренне сильной, решительной – и хрупкой. Особенно рядом с ним. Глядя на нее с высоты богатырского роста и держа в своей внушительной длани ее узкую миниатюрную ладошку, Панайотис испытывал, вероятно, одно из древнейших и первобытных мужских ощущений: он чувствовал себя Защитником. Покровителем и опорой своей женщины и их будущих детей. Как бы ее выпады ни обескураживала его порой, как бы ловко она ни убеждала делать то, чего ей хотелось, в глубине души он твердо знал: в семье он – главный. Мужчина. Защитник. А она – только женщина. Хрупкая. Ранимая. И к ней надо снисходить.

– Я... доволен, – сказал он и повторил, скорее для себя, чем для нее: – Я доволен. А насчет... в общем, это можно э... обсудить...

– Да ты не бойся, Пан! – руки Лизи обвились вокруг него, и она нежно потерлась щекой о грудь мужа. – Я вовсе не буду каждую постную ночь набрасываться на тебя, как Анастасия на Льва Ужасного!

Панайотис смущенно усмехнулся и погладил жену по темным мягким волосам. Бурные ночи императорского гарема шестнадцатого века их семейному ложу, действительно, вряд ли грозили. Но то, что на нем происходило, их обоих вполне устраивало. И, в конце концов, за это тоже надо сказать: слава Богу!

Панайотис собирался в редакцию, готовый к тому, что ближайшие дни ему не светит ни минуты покоя: началась подготовка очередного бумажного номера «Синописа», при которой, как всегда, не избежать авралов, исправлений чужой писанины и препирательства с авторами материалов. Эта суета порой утомляла, но сегодня главный редактор пребывал в хорошем настроении: они с семьей прекрасно провели выходные, и он был бодр и полон сил для сражений с нерадивыми журналистами. Поначалу назначение на руководящую должность испугало его – такая ответственность! Но Елизавета тогда лукаво улыбнулась, выслушав его жалобы, и напомнила, что он когда-то и женитьбы боялся под предлогом большой ответственности, а вот же, получилось не хуже, чем у других! А может, даже и лучше, как порой думалось Пану: жена всегда умела ободрить, а это дорого стоит в сумасшедшем мире стрессов! Впрочем, он скоро полюбил ежедневные утренние совещания с представителями отделов, распределение заданий, обмен новостями, перепалки с журналистами. Пану нравилось чувствовать себя нужным и задействованным в важных проектах – а «Синопис», безусловно, являлся именно таким проектом. Его и раньше читали по всей Империи, но в последние четыре года рейтинги журнала были высоки, как никогда: нетривиальные действия, предпринятые императором во время злополучного бунта в октябре 2011 года, поначалу если не возмутили, то привели в некоторое недоумение многих граждан, и «синопсянам» пришлось задействовать все таланты и ресурсы, чтобы разъяснить общественности смысл и необходимость августейших решений. Зато результат превзошел все ожидания, и «Синопис» не сходил с первой строчки в рейтингах византийских сетевых и печатных периодических изданий. Панайотису было, чем гордиться, ведь именно после той информационной кампании по следам мятежа прежний главный редактор избрал его преемником. Вот уже больше трех лет Стратиотис поддерживал журнал на уровне и... Ну, одним словом, Великий Пан держался молодцом и не посрамил избрания!

В детской дочери тут же повисли на нем:

– Не пустим тебя на работу!

Мать, услышав из соседней комнаты их крики, заявила:

– Если папа не будет работать, мы больше не сможем поехать летом на море!

Анна, младшая, захлопала глазами и спросила:

– Это правда, пап?

– В общем-то...

– Еще какая правда! – снова раздался голос Лизи. – Так что не мешайте папе, он наш кормилец, поилец, хранитель и вообще без него мы никуда!

Пан обожал дочерей, и Лизи иногда пеняла ему, что он их совсем избалует, а ему порой казалось, что она с детьми слишком строга. Но когда она выговаривала им таким приятным для отца способом, он чувствовал себя совершенно счастливым.

– Ладно, мы тогда тебя будем очень-очень ждать! – сказала Аглая, отпуская его руку. – И нарисуем картинку про твою работу, правда, Ани?

– Да-да, нарисуем! Красивую!

– Замечательно! – воскликнул Панайотис. – Я весь день буду в предвкушении.

Когда он зашел попрощаться с женой, Елизавета сидела в спальне у зеркала и красила ресницы. Радио из ее мобильного бормотало об очередном законопроекте, обсуждавшемся в Синклите. Пан обнял Лизи за плечи, она улыбнулась его отражению и спросила:

– Скажи-ка, а эти люди наверху, вершители судеб мира и всё такое, они вообще понимают, какие нити держат в руках? Думают о том, что их решения в будущем могут обернуться чем угодно, даже мировой катастрофой?

– Гм... – Стратиотис, как порой случалось, был озадачен тем, что жена внезапно за самым легкомысленным занятием или посреди пустой болтовни могла поднять серьезнейшую тему. – Вряд ли все они об этом думают, как это не прискорбно! – вздохнул он. – Но наш государь думает постоянно, это несомненно.

Лизи закрыла тушь и потянулась за помадой.

– А я уверена, что он об этом постоянно не думает.

– Это почему же?! – оскорбился за василевса Панайотис.

– Да потому, что если об этом всё время думать, свихнешься! Или вообще сложишь руки и не станешь ничего делать, потому что будешь постоянно в страхе из-за возможных последствий твоих действий. Жизнь ведь не программа! Это комп как запрограммируешь, так он и будет работать и иначе не сработает, хоть ты тресни, пока другую программу не поставишь. А с людьми не так. К тому же программу можно тестировать, пока не добьешься нужного результата, и если найдешь ошибку, неверный код можно выправить. А жизнь пишется набело! И кнопки «отменить предыдущее действие» там тоже нет. И кнопки «перезагрузка» нет. Это бесконечный опыт, эксперимент... химия! Но в химии что – там вещества, не страшно. А тут живые люди, чьи-то судьбы...

– Да, но всё же мы планируем, оцениваем шансы, учитываем прошлый опыт...

– Знаешь, кто-то из юмористов сказал: «Только опыт учит нас тому, что он совершенно бесполезен». – Лизи усмехнулась. – Люди разные, и что с одним хорошо, с другим не прокатит... даже несмотря на психологию толпы. Чтобы заставить всех жить по твоей программе, нужна тирания и тотальный контроль, и то такая систем долго работать не будет. А если без тирании, то программирование возможно в очень ограниченных пределах. Хороший правитель ведь это должен понимать! А если он считает, будто может всё предусмотреть, всё обеспечить, заставить всех делать то, что ему надо, то он плохой правитель... и жить под его властью вообще небезопасно!

– Ты преувеличиваешь! Не думаю, что есть правители, считающие себя всемогущими и всеведущими. Но всё же, – солидно добавил Стратиотис, – хороший правитель должен быть максимально предусмотрителен, без этого нельзя... А почему ты об этом заговорила?

– Да просто, знаешь, слушаешь всякие речи – как часто они говорят: «Мы обеспечим, мы не допустим, мы уверены...» Будто они и впрямь всё запрограммировали! Ну, понятно, что это риторика, гипноз для толпы, но интересно: может, они втайне и правда отчасти думают, будто могут обращаться с миром как с компом?

Панайотис задумался. С одной стороны, «они», скорее всего, редко думали о подобных вещах и часто, как сказала бы Лизи, «выпендривались», чтобы показать себя активными деятелями, дальновидными политиками и прочее – он уже не раз замечал, что многие политические прогнозы, некогда озвученные и жарко обсуждавшиеся в СМИ, не сбывались и легко забывались, а иные «великие проекты» канули в лету столь же быстро, сколь жарко их авторы при начале доказывали их необходимость и важность. С другой стороны, заявить, что Синклит наполнен безответственными болтунами, он тоже был не готов: там хватало порядоч-

ных и серьезных людей, талантливых аналитиков и деятелей с хорошим политическим чутьем и интуицией. Именно они, а не амбициозные болтуны, вершили реальную политику. Но чем для них была страна, чьей судьбой они распоряжались – химической риторикой, компьютером или чем-то иным?.. «А ведь это тема для статьи... или для опроса», – подумал Стратиотис и сказал:

– Это интересный вопрос. Спасибо, ты подала идею!

Прежде чем завести машину, он занес идею в записную книжку. Во всем нужен порядок, чтобы ничего не забыть. А теперь можно ехать!

Елизавета сидела на диване и, грызя орешки, в ожидании выпуска теленовостей проглядывала свежий номер «Зова Константинополя», где вышла статья мужа о «всемирной роли Империи» в связи с двухсотлетней годовщиной окончания последней европейской войны. Став главным редактором «Синописиса», Панайотис не прекратил сотрудничать с другими изданиями: будучи одним из немногих журналистов, умевших писать торжественно, но не безвкусно, с имперским пафосом и долей благочестия, он нередко получал заказы на материалы в честь юбилейных дат и праздненств. Лизи мысленно посмеивалась над фирменным Пановским стилем, но одновременно гордилась тем, что за мужем закрепились репутация «лучшего энкомиаста столицы». Сейчас, на авральном неделе в «Синописисе», Пан пропадавал на работе до позднего вечера, но не забывал ежедневно в обеденный перерыв звонить домой, чтобы спросить, как дела. Да, вы только поищите такого заботливого мужа!

Госпожа Стратиоти была очень, очень довольна своим замужеством и мысленно благословляла тот августовский вечер, когда ее плохое настроение и глупые страхи Панайотиса привели к совместному распитию коньяка, которое перешло в бурную – по их тогдашним меркам – ночь и закончилось утренним предложением руки и сердца Пана. Лизи, хоть и растерялась поначалу, не замедлила уже вечером их принять, и с тех пор ее жизнь складывалась исключительно удачно: замужество, переезд в новую квартиру, а позже и переход на работу мечты – одним из ведущих программистов в «Гелиосе», где раньше Лизи была только на подхвате. Наконец, двое чудесных дочерей – никогда бы раньше она не подумала, что сможет так лихо управляться с маленькими детьми, но у нее всё получилось! Так же как получилось понемногу очеловечить мужа: Панайотис был уже далеко не таким занудой и нытиком с кучей комплексов на почве религии, как в момент их помолвки. Но Лизи не собиралась останавливаться на достигнутом: Пан был ее персональной компьютерной программой, пораженной разнообразными вирусами, которые она глушила и вытравливала с азартом профессионального охотника, между трудами в «Гелиосе», где разрабатывали космические программы, и воспитанием детей, тоже, в общем-то, в некоторой степени похожим на программирование. Словом, жизнь у Елизаветы совсем не была скучной!

Зазвонил мобильник, и Лизи лениво потянулась за ним к журнальному столику.

– Привет! – раздался в трубке голос Илари. – Как дела, чем занимаешься?

– Привет! Да вот, пока малышня спит, смотрю по телеку на народную любовь к ее высочеству.

Двадцать четвертого ноября Константинополь праздновал именины принцессы Екатерины. День не был выходным, но праздничное шествие, тем не менее, собрало немало людей, несмотря на дождливую и ветреную погоду. Народ пришел на Августеон с воздушными шарами, цветами и плакатами, распевал традиционные поздравительные аккламации, а принцесса приветствовала всех с балкона над Медными воротами Дворца. Всё это прямым включением показывали в новостях, и Елизавета, глядя на экран, вспомнила тот занятный вечер у Василия Феотоки, когда она неожиданно лично познакомилась с принцессой и заодно

поняла, что мечтам о браке со знаменитым возницей осуществиться не суждено. С тех пор Катерина повзрослела, еще похорошела и тоже вышла замуж – теперь ее высочество носила фамилию Враччи-Кантакузин. Молодой красавец-муж стоял рядом с ней на балконе, неведомо с каким чувством читая на плакатах пожелания увидеть своих детей и внуков «до четвертого колена»... Все-таки иногда византийский традиционализм выглядел, по мнению Лизи, очень по-дурацки!

Да она и вообще не была поклонницей избыточного традиционализма. Квадриги на ипподроме и император, восседающий в Кафизме в одеяниях двенадцатого века – это, конечно, прикольно, но когда такие квадриги и далматики почти на каждом шагу, оно порой начинает утомлять. Всё же в музеи хорошо ходить время от времени, а не жить там постоянно. В этом смысле Галата тоже нравилась Елизавете больше, чем старый Город: здесь куда меньше всяких культурных «артефактов» и дух более современный – открытый скорее будущему, чем прошлому.

Возглавив «Синописис», Панайотис стал бывать на всех значительных придворных мероприятиях, включая знаменитые бега Золотого Ипподрома, и супруга редактора получала приглашения туда вместе с мужем. Сейчас Лизи знала о балах, приемах и обедах в Большом Дворце не только из телевизора или журнальных статей – могла ли она подумать еще лет пять назад, что всё это так быстро и естественно станет частью ее жизни! Но вот, теперь она покупала одежду от Трано, пусть и не самых дорогих линий, а косметику от Шанель, у нее были вечерние платья, она умела танцевать и даже научилась вальсировать получше иных придворных львиц. Ну, а острить она умела и раньше, так что среди мужской части завсегдатаев Ипподрома Елизавета имела определенный успех, порой вызывая ревность у мужа. Впрочем, Пан просто всё еще был мнителен и не слишком уверен в себе, на самом же деле Лизи никогда не давала ему настоящих поводов для ревности и не собиралась давать: в их жизни ее всё вполне устраивало. Во Дворце она, конечно, встречалась и с принцессой; Катерина помнила ее и как-то раз весело поинтересовалась, каково это – быть замужем за «самым главным занудой Империи»?

– Намного лучше, чем было бы за «Новым Порфирием», уж поверь! – ответила Елизавета. После первого знакомства, состоявшегося дома у Феотоки в две тысячи десятом году, Лизи сохранила привилегию быть с ее высочеством на «ты», что, кстати, прибавляло ей веса в глазах придворной публики.

Поскольку «Новый Порфирий» женился на лучшей подруге Лизиной невестки, в конечном счете три семьи быстро сдружились. Правда, Елизавета чаще общалась с Иларией, а с Дарьей встречалась в основном на днях рождения или когда все три подруги собирались вместе, с Василием же пересекалась и того реже, но всё же могла составить представление о жизни семейства Феотоки и постепенно стала считать большой удачей то, что вышла замуж за журналиста, а не за возницу. Василий, с точки зрения Лизи, был... пусть не пресным, но, пожалуй, слишком статичным. В отличие от Пана, который, хоть и имел определенные – зачастую нелепые, с точки зрения его жены – представления о том, «как надо жить», при столкновении с жизнью нередко начинал сомневаться в правоте своих установок и пересматривал их. Василий же, хотя тоже был православным и, как казалось Елизавете, весьма благочестивым, соблюдал, однако, определенную меру: его нельзя было обвинить ни в излишнем аскетизме, ни в разгильдяйстве, он не занудствовал, но и не балагурил, он соблюдал все посты, пусть и не строго по уставу, и старался по воскресеньям ходить в церковь, но по будням пропадал в таком далеком от благочестия месте, как ипподром... Словом, он был, что называется, «золотой серединой» – так, наверное, охарактеризовали бы его многие. Но Лизи определенно было куда занимательней и веселее общаться с «занудой» Паном, чем со «знающим меру во всем» Василием. Феотоки, казалось, избрав определенный путь, следовал по нему как по накатанной дороге: если он и ощущал внутреннюю потребность в переменах, риске, «движухе», то удовлетворял ее, видимо, на ипподроме, а в обыденной жизни был скучноват. Впрочем, Ели-

завета эти наблюдения держала при себе. Панайотис любил поболтать и поспорить с Василием о политике, да и Илария вряд ли согласился бы с тем, что Феотоки скучный: она всегда относилась к нему с большой симпатией, еще с тех времен, когда состояла послушницей в монастыре Живоносного Источника, а Василий приходил туда на службы и пообщаться с сестрой. Только Григорий, пожалуй, понимал, что имела в виду Елизавета, называя Феотоки «слишком правильным», но с братом она тоже предпочитала не обсуждать возницу: пусть каждый живет, как знает, какое ее дело! Тем более что Дарья мужем была вполне довольна, как и ее подруги – своими.

Все эти годы Лизи искренне считала Дарью такой же благочестивой и «правильной», как ее супруг, – поистине идеальная пара! Поэтому она удивилась, когда в конце октября, болтая с Иларией по телефону, спросила, как там Дарья, и узнала, что та наняла детям няню, а сама устроилась на работу в химическую лабораторию. Лари объяснила это тем, что подруга «задомоседствовалась» и решила на время сменить обстановку и горизонты. Елизавета, однако, заподозрила, что всё не так просто, хотя и не могла бы объяснить, почему ей так думалось. Может быть, потому, что в Дарье, при всей ее «правильности» всё же ощущалось нечто непокорное, страстное – даже в том, как она иной раз нетерпеливо заправляла за ухо вылезшую из косы прядку волос, или в том, с каким почти сладострастным удовольствием обгрызала поджаристый рыбий хвостик, торчащий из ароматного меганикса... Василий душевный огонь питал лошадиными бегами и скачками, а вот Дарье, видимо, не хватало топлива? Но и это соображение Лизи оставила при себе, только решила при встрече приглядеться к Дарье попристальной, а у Иларии при случае спрашивала, как поживает подруга. Вот и сейчас она, поболтав с Лари о детях и работе, полюбопытствовала:

– Ну, а у Дари как дела? Нравится ей в лаборатории?

– Вроде нравится, ага. Правда, к ней там уже заведующий успел пристать, ну, он такой донжуан, за всеми пытается ухаживать, даже ко мне подкатывал, я же туда иногда захожу... Но там один коллега его так отбрил, что он к Дари теперь и не подступает!

– Ого, так у нее уже и поклонники появились? – с интересом спросила Лизи.

– Ой, да какие поклонники! – Лари засмеялась. – Говорю же, заведующий этот ко всем лезет с комплиментами, это всё несерьезно, раздражает только.

– Ну, а рыцарь, который его поразил наповал?

Илария расхохоталась.

– Да ты бы видела этого рыцаря! Необщительный, мрачный, слова из него не вытянешь! А если вытянешь, то пожалеешь – еще та язва! То есть я-то с ним только так, «здрасте – до свидания», но одна знакомая из этой лаборатории про него рассказывала: на язык ему лучше не попадаться! Хотя ученый он очень хороший, это все признают. Но на дамского угодника точно не потянет! Он просто заведующего терпеть не может, вот и воспользовался случаем отбрить, а Дарья тут сама по себе не при чем.

Лизи недоверчиво хмыкнула, но спорить не стала. Может, Лари и права – ей виднее... А всё же Елизавете казалось, что если мужчины, чтобы сцепиться, используют в качестве повода женщину, они вряд ли к ней совсем равнодушны. Тем более если женщина так красива, как Дарья...

«Хотя Дари благочестивая, так что из этого всё равно ничего не выйдет, даже если бы и появился какой рыцарь, – подумала Лизи и зевнула. – А было бы любопытно поглядеть, как бы Василь отреагировал на ее поклонника! Как он вообще ревнует, интересно? Пан, вот, так смешно ревнует! А Василь бы что? Надулся бы и выдал речугу про христианский долг? Или пошел бы и врезал тому поклоннику? Хмм... Вот надо же, вроде я давно с ним знакома, а даже и не представить, что бы он сделал! Впрочем, о чем это я? – Она тряхнула головой. – Пусть у всех всё будет хорошо! Особенно если их такая жизнь устраивает. Как меня – моя!» И Лизи счастливо улыбнулась.

Уробóрос

В начале декабря в лаборатории почв случилась драма местного масштаба. Точнее, это Дарье происшедшее казалось драмой, но сама ее героиня, симпатичная турчанка Лейла, специалист по биогеохимии, вовсе не видела беды в создавшемся положении. Она просто заявила во время чаепития:

– Можете меня поздравить, я вчера получила развод. Так что я свободна, как птица, и рассмотрю подходящие кандидатуры на роль спутника жизни. – Она засмеялась.

Лейла была мусульманкой и соблюдала правила своей религии: носила хиджаб и постилась в Рамазан, а после работы нередко заходила в близлежащую мечеть. Одевалась она со вкусом, и Дарья иной раз размышляла о том, почему православные любители соблюдения традиций за столько веков не могли научиться повязывать платок так же красиво и изящно, как мусульманки, или так же удачно подбирать себе юбки, кофточки, жилетки. По крайней мере, у нее на родине традиционно одетые женщины часто походили на мешки или, в лучшем случае, на матрешек. В Византии подобный традиционализм встречался куда реже, но и здесь православные благочестивицы выглядели более мешковато, чем большинство мусульманок, особенно молодых. Возможно, потому, что слишком серьезно смотрели на женское тело как на предмет соблазна и старались не привлекать внимания к своей внешности? Дарья знала, что у них в приходе некоторые особо строгие матроны – к счастью, таковых было немного – осуждали ее за одежду, не скрадывающую формы... Но она не обращала на это внимания: насмотревшись на такое благочестие в Сибири, она совсем не хотела следовать той же модели поведения здесь, тем более что в Империи подобное было в целом не в чести.

После первых ахов и вопросов по поводу новости – разумеется, со стороны женской части коллектива лаборатории, мужская предпочитала дипломатично отмалчиваться – выяснилось, что двое детей Лейлы остались с бывшим мужем.

– Он их тебе не отдал?! – воскликнула Эванна. – Какой ужас!

– Почему ужас? – удивилась Лейла. – Я их и не собиралась забирать. У турок главное правило жизни: за всё ответственен папа! Он главный кормилец в семье и хозяин, поэтому и дети при разводе всегда остаются отцу. Это очень удобно: во-первых, ему легче их прокормить, во-вторых, разведенной женщине без детей легче снова выйти замуж. А новых нарожать недолго!

Эванна смотрела на нее округлившимися глазами. Остальные реагировали спокойнее: турецкие обычаи были достаточно известны, хотя Дарья всё же не понимала, как это можно вот так легко расстаться с собственными детьми.

– Это как-то слишком... прагматично, – заметила она. – Понятно, что ты сможешь с ними видаться в любое время, но неужели тебе совсем... не жаль? – Она хотела сказать «не больно», но не решилась употребить такое сильное слово. Лейла пожала плечами:

– Жаль, конечно, но... Вот честно, я не понимаю, почему у многих женщин такое сверхтрепетное отношение к этому! Может, у меня материнский инстинкт плохо развит, не знаю, но лично я прежде всего люблю мужчину, а потом уже всё, что от него, так сказать, исходит. Это, кстати, мужчины ценят! И греки, между прочим, я замечала – еще и ревновать будут, если внимание слишком переключишь с мужа на ребенка, они же эгоцентричны до ужаса! У меня подруга из-за этого как раз с мужем рассталась, сидит теперь одна с ребенком, замуж трудно выйти, звонит мне и плачется на жизнь... Ну вот, а когда любовь к мужчине исчезла, то уже и дети от него... Нет, я их люблю, конечно, но не до такой степени, чтобы повесить себе на шею. Кому от этого лучше? Одной вырастить их будет нелегко, а замуж попробуй выйди с такой обузой! А так и они при отце, материально обеспечены, и я могу дальше жить полноценной жизнью. По-моему, при разводе это лучший вариант из возможных.

– Как цинично! – воскликнула Эванна.

– Зато честно, – вдруг подал голос Ставрос, – и не лишено разумности.

– О! – округлила губы Лейла, а затем улыбнулась. – Как приятно, что вы меня поняли!

– Ну еще бы! Легко сделать понимающий вид, когда у самого... – возмущенно начала Эванна, но осеклась под пронзительным взглядом Алхимика.

– Я бы не советовал рассуждать о том, о чем вы не имеете понятия, госпожа О’Коннор, – холодно сказал он. – Во-первых, это ненаучно. Во-вторых, глупо. В-третьих, у вас самой пока нет не только детей, но и мужа, так что вряд ли вы способны здраво судить о материях, о которых даже женщины, имеющие всё это, часто судят весьма нездорово.

– Вы... – выдохнула Эванна.

– Страшный циник и хам. Для вас это новость? – насмешливо спросил Ставрос.

– Мальчики, девочки, не ссорьтесь! – примирительно сказала тетя Вера. – Разные бывают ситуации и способы выхода. Зачем навязывать свое понимание всем подряд? Если отец может хорошо воспитать детей и позаботиться о них, так почему бы им не жить с ним?

– Вот и я так думаю, – кивнула Лейла. – Вообще не знаю, почему европейцы считают, что дети должны непременно оставаться с матерью, а иначе ужас-ужас. Ну, хочется детей, роди еще, какая проблема! Я вот лично вовсе не собираюсь останавливаться на достигнутом. А моим мальчикам с отцом точно будет лучше!

Эванна пришибленно молчала. Дарья стало жаль ее, и она украдкой взглянула на Алхимика: что он имел в виду, осадив ирландку? Неужели он когда-то всё же был женат?..

– Знаешь, Лейла, я бы тоже не отдал сына жене, если б она от меня ушла, – внезапно произнес Контоглу. – Тут я твой расклад поддерживаю.

– Ты лучше гляди, как бы она не прознала про кое-что да и впрямь не ушла, – пробурчала тетя Вера.

Дарья едва не поперхнулась чаем, но Алексей только басисто расхохотался: похоже, тетя Вера одна имела здесь право безнаказанно – и без всякого эффекта – попрекать начальника за аморальное поведение.

– Вера, твои понятия давно устарели! – заявил Контоглу. – Или, если хочешь, у тебя слишком узкий взгляд, которого нынче далеко не все придерживаются. Уверю тебя, мое «кое-что» – самая последняя причина для моей драгоценной половины меня покинуть!

– Просто какие-то Марк и Марго, – пробормотала Эванна, вспыхнув. Похоже, ее потрясло услышанное во время этого чаепития.

Дарья испытывала сходные чувства: она не могла и вообразить такой ситуации, чтобы, узнав об интрижках мужа на стороне, она посмотрела бы на это как на невинное развлечение, не мешающее счастливой семейной жизни. А получается, бывает и такое?!..

– Может быть, вы поддержите и эту прекрасную теорию, господин Ставрос? – вдруг ядовито спросила ирландка. – Широкий взгляд! Ведь вам это должно быть так близко!

– Пошлость – последнее, что мне может быть близко, – процедил Алхимик, резко поставил чашку на стол и поднялся. – Спасибо за чай и компанию, но мне уже пора к своим трансмутациям. – И он стремительно вышел из «трапезной».

Придя домой, Дарья отпустила няню – дети недавно были накормлены обедом и уложены спать, – включила ноутбук и залезла в «Сетевую Энциклопедию Византийской Империи», чтобы найти там сведения о Севире Ставросе. Они оказались скудны: ни о какой прежней женитьбе и детях не было и помина, да и вообще ничего не говорилось ни о семейном положении Алхимика, ни о его родителях или родственниках – впрочем, о живых людях подобные сведения указывались в СЭВИ только с их согласия. Родился, учился, защитился, научные достижения, ссылка на список публикаций, и это всё. Ставрос окончил школу с химическим

уклоном, но потом в Антиохийском Университете изучал историю Византии, а химией занялся спустя несколько лет. Две защищенных диссертации, общее количество публикаций перевалило за полторы сотни.

Внезапно Дарья ощутила легкую зависть и впервые за несколько лет подумала о том, что она тоже могла бы заниматься научными исследованиями, если бы только... имела другую специальность? Поступая на греческое отделение Хабаровского Университета, она руководствовалась прежде всего интересом к Византии, а литературоведение позже выбрала специальностью просто потому, что лингвистика ей казалась головоломной и скучной. Но к концу учебы она поняла, что занятия литературоведческими изысканиями ее не слишком привлекают, а затем началась монашеская жизнь... Обустроившись в Империи, Дарья поначалу задалась вопросом, не следует ли продолжить образование, но... Исследовать византийскую литературу ей, приезжей, когда она, как выяснилось за первый месяц пребывания здесь, даже не особо знакома с предметом? О многих известных здешних писателях, особенно современных, в Сибирской России и не слыхивали... Дарья решила, что в любом случае надо для начала глубже изучить византийскую словесность. Но потом она вышла замуж, родился первый ребенок, и стало как будто не до того...

«Нет, – подумала она, разглядывая фотографию Ставра на страничке энциклопедии: он был снят на фоне огромной таблицы химических элементов, наверное, в учебной аудитории, выражение его лица было чуть ироничным, – теперь уже поздно спохватываться, наверное. У меня ни навыков научной работы нет, ни публикаций, пока это еще я чего-нибудь добьюсь... А главное, я сама не знаю, чем могла бы в этой области заняться. Хорошо вот Лари: она всё давно поняла, защитилась, работает...»

Дарья вздохнула и закрыла окно СЭВИ. Мысли текли лениво, принимая, однако, неожиданные направления. Она вдруг задумалась о том, как долго муж будет блистать на бегах и скачках и чем займется, когда окажется вытесненным с арены ипподрома возницами помоложе. В самом деле, век профессионального возницы не так уж долгов – еще лет пять, максимум десять, а там придется подумать о других занятиях. Правда, Василий смеется, что, «выйдя на пенсию», будет тренировать молодых, но... насколько это серьезно? Неужели он хочет всю жизнь провести вот так, на ипподроме? А ведь он окончил Политехнический институт, знает программирование, но им почти не занимался, только веб-дизайном, да и тот сейчас забросил. Говорит, что это ему неинтересно, а институт он выбрал по совету отца – точнее, фактически по требованию, которому подчинился для успокоения родителя, боявшегося, как бы сын «со своими лошадьми последние мозги не растряс». Самому Василию было, в сущности, всё равно, какое образование получать: он тогда мечтал лишь о Золотом Ипподроме и Великом призе... Пожалуй, только гибель отца и необходимость содержать мать и сестер вынудили его применить на деле полученное образование, но не загнали в офис: свобода и лошади дороже. Это очень понятно, но все-таки что же будет дальше? Слава победоносного возницы и до старости обучение молодых амбициозных любителей лошадей?..

Дарья вдруг поняла: ей совсем не хочется, чтобы сын, подросши, так же увлекся лошадьми, как в свое время Василий. А ведь, пожалуй, такая опасность есть: Максим во все глаза смотрел на репортажи со столичных бегов и скачек – да и мог ли он не смотреть, если там то и дело выступал отец! – а любимыми игрушками сына были лошадки, квадриги и всадники... Но нет, это несерьезно. Пусть Василий – «возница от Бога», как повторял Аристидис, это вовсе не значит, что и сын будет таким же. В общем, надо покупать Максус с Дорой побольше развивающих игр и стараться расширять их кругозор, особенно когда они научатся читать... Собственно, читать их уже можно начинать учить со следующего года! А у Доры вроде бы есть способности к рисованию...

«Интересно, что там за „Марк и Марго“ такие?» – подумала Дарья. После чаепития Эванна на ее вопрос ответила, что это фильм, и добавила: «Тебе, думаю, не понравится».

Но Дарья решила это выяснить сама и забила название в поиск. Получив кучу ссылок на кино-сайты и пойдя по одной, она выяснила о фильме такие подробности, что, покраснев, поскорей закрыла всё и пошла на кухню выпить кофе. «Неужели Эванна такое смотрит? Зачем?!» – подумала она и постаралась выкинуть фильм из головы. Это удалось почти сразу, поскольку один из увиденных кадров по ассоциации вызвал у нее в памяти эпизоды уже из реальной жизни: длинные пальцы, скользящие по странице книги, задумчиво поглаживающие керамический бок черной чашки, замирающие в воздухе в нескольких сантиметрах от ее руки, – последнее случилось сегодня в самом начале разговора с Лейлой о судьбах разведенной женщины, когда Дарья одновременно с Алхимиком потянулась к вазочке с печеньем. Последующее бурное обсуждение вытеснило из памяти этот эпизод, но теперь Дарья вспомнила его ясно – и внезапно по ее телу снова пробежал трепет.

«Господи, что же это такое?!..»

Она быстро сняла с плиты вспучившийся коричневой шапкой пены кофе в маленькой турке и, налив в чашечку, поскорей поднесла к губам, словно ища в этом спасение от странных мыслей и чувств, которые ее донимали.

«Определенно, работа в лаборатории влияет на меня как-то... не так, как я предполагала. Может, лучше уйти? Они, конечно, хорошие люди, но... кто жене изменяет, кто детей оставляет, кто эротику смотрит... Это совсем другой стиль жизни, я так жить не собираюсь, и что тогда я могу найти там по-настоящему полезного? Тоска-то не исчезает! Может, попробовать другое средство? Тем более, что тут еще и *это*...»

«Этим» Дарья называла странные ощущения, которые вызывал у нее Ставрос. Она не могла подобрать для них определения, и они ее пугали. Что, если б об *этом* узнал муж? Конечно, он бы сразу велел ей уволиться! А раз так, то нужно уволиться самой, не дожидаясь чего-то еще, разве нет?

Дарья взглянула на часы и увидела, что скоро уже придет Василий – он обещал сегодня вернуться довольно рано, – а значит, надо намолоть кофе для него. Возвращаясь с ипподрома, Василий любил выпить кофе, а потом поваляться на диване с книжкой или поиграть с детьми. Достав с полки ручную кофемолку и засыпав туда зерна, Дарья подумала: «И почему он так любит ручной помол? Ведь ничем же он не отличается от обычного...» – по крайней мере, ничем существенным, как ей казалось. Конечно, ей не тяжело намолоть кофе для любимого мужа. Только вот... почему тогда, на дне рождения Фроси, принцесса спросила, любит ли Дарья молоть кофе в ручной кофемолке, а Лизи съязвила насчет медитативности этого процесса?

Она сама не знала, отчего ей вспомнился этот эпизод. Раньше она над ним никогда не размышляла – да и к чему, если в тот же вечер они с Василием объяснились в любви и начался один из самых радостных и светлых периодов в жизни? Но теперь при воспоминании о том разговоре ей вдруг стало неприятно – пожалуй, еще неприятнее, чем было тогда, когда он происходил на деле. Тогда она просто смутилась от явной насмешливости обеих девушек, а сейчас ей подумалось: «Неужели он всем им дал понять, что ему нравится кофе ручного помола? Получается, любовь к этому процессу была... визитной карточкой для будущей невесты?» Дарья испугалась этой мысли и ожесточенно завращала ручку, но внезапно остановилась. «А если купить электрокофемолку на жерновах? Интересно, отличит ли Василь ее помол от этого? Может, не такой у него и тонкий вкус на самом деле?» Она усмехнулась и, оставив кофемолку, поднялась и подошла к окну. Нет, с ней определенно творилось что-то не то. Странные мысли, непонятное раздражение... Или это видоизменения всё той же тоски?

Перед окнами, над террасой соседнего пятиэтажного дома, кружили чайки. Дарья рассеянно следила за их полетом. Вот они описывают круги друг под другом, вот разлетаются, поднимаются, сближаются, словно в причудливом танце... и снова разлетаются, едва не соприкоснувшись крыльями...

Дарья вздрогнула. Самым непонятным в сегодняшнем эпизоде с вазочкой было то, почему, взяв любимое ореховое печенье, она не сразу убрала руку, а на секунду замерла – точно ожидая, что остановившиеся рядом в воздухе пальцы Алхимика продолжат движение... и коснутся ее.

Она не уволилась. Приближались Рождество и новый год, на работе весело готовились к их встрече, тем более что двадцать третьего декабря отмечалась еще и годовщина открытия лаборатории, и Дарья понимала: если она уволится прямо сейчас, это обидит коллег и к тому же, вероятно, создаст им трудности с поиском замены. «Поработаю еще хотя бы до середины января, – подумала она. – А то неудобно получится, если я уйду в такое время».

По случаю праздников сотрудники здесь традиционно обменивались подарками, а кто кому будет дарить, решал жребий. Бумажки с записанными именами распределили по двум мешочкам: в лаборатории было равное количество мужчин и женщин, поэтому мужчины делали подарки женщинам и наоборот; кто чье имя вытянул, не раскрывалось до момента вручения подарков. Дарья молила Бога, чтобы ей не достался Контоглу, и, вытянув бумажку с именем Аристидиса, обрадовалась: «Какое счастье! О подарке ему даже думать не надо! Подарю альбом с фотографиями и автографом Василя, и он наверняка придет в восторг». У них дома было множество фотографий с бегов и скачек, и сделать красивую подборку не составило труда. Василий смеялся, узнав, как жена решила осчастливить ученого поклонника его таланта, и с удовольствием расписался на форзаце альбома. «Конечно, не ахти какой роскошный подарок, – думала Дарья, – но для Аристидиса это точно будет равноценно куче золота!» Вообще же, по словам Эванны, от мужчин следовало ожидать дорогих подарков: все они зарабатывали хорошо и не скупилась на подношения сотрудницам в случае торжеств.

Двадцать третьего вечером в лаборатории шумно праздновали. Сначала была официальная часть: после обеда пришел ректор института, поздравил сотрудников и каждому вручил по коробке конфет и по набору разноцветных скрепок в виде колбочек. Эванна похихикала Дарье на ухо, что такие подарки он делает каждый год и у некоторых сотрудников дома уже целый скрепочный склад. В течение дня забегали коллеги из других отделов, поздравляли, приносили и презенты – вино, сладости, фрукты, колбасу, сыр, соленую рыбу, свежее испеченные пирожки с разными начинками. Пирожки с мясом источали такое благоухание, что у Дарьи, когда она зашла в «трапезную», потекли слюнки: у нее-то уже почти сорок дней шел Рождественский пост... Между тем, кроме нее, в лаборатории постились только тетя Вера и еще одна пожилая сотрудница.

Прибегала и Илария, поприветствовала всех, обняла Дарью, отдельно поздравив с первой встречей Рождества на новом месте, рассмешила Эванну, что-то шепнув ей на ухо, ловко уклонилась от Контоглу, который собирался поцеловать ей то ли руку, то ли щеку, подарила каждому по шоколадке, в том числе Ставросу – в черной обертке с золотыми звездами. Дарья прочла ее название – «Звезды Востока» и, глядя, с какой легкостью подруга общается с людьми, даже с «мрачным» Алхимиком – впрочем, он в этот вечер был вовсе не мрачным и улыбнулся Иларии вполне дружелюбно, принимая подарок, – подумала: «Похоже, я слишком много думаю о том, как с кем говорить и кто что обо мне может подумать. Лари ни о чем таком, кажется, и не задумывается, а у нее всё получается так естественно и хорошо, даже вот и Ставросу шоколадку подарить. А я бы, наверное, достанься, например, он мне по жребию, ломала бы голову, какой подарок ему сделать... И, уж конечно, решила бы, что шоколад – это несерьезно. Правда, Лари никогда и не была „серьезной“, да и не нужно ей это... А вот мне всегда не хватало такой легкости. Но у Лари это природное, а если я буду так себя вести, это, наверное, будет выглядеть фальшиво... Или я опять рефлексировать попусту, а надо *просто жить*, и всё?»

По окончании рабочего дня все скинули халаты, и началась неофициальная часть: сначала пир горой, а часа через полтора, когда коллеги более-менее напились, наелись и наболтались – даже Ставрос разговорился и рассказал несколько баек из жизни Антиохийского Университета, – Контоглу встал и объявил:

– А теперь подарки!

Все весело зашумели и принялись искать свои сумки. Аристидис пришел в восхищение от подарка Дарьи, в порыве благодарности поцеловал ей по очереди обе руки и тут же принялся хвастаться фотоальбомом перед Александром Йоркасом, тоже любителем конских бегов, хоть и не столь пламенным. Дарья с улыбкой смотрела на них, когда услышала сзади бархатный голос:

– Госпожа Феотоки, вы позволите?

Она повернулась, и Ставрос протянул ей маленькую черную коробочку.

– Моим жребием оказались вы, – сказал он, еле заметно улыбаясь. – Соболаговолите принять, с наилучшими пожеланиями. Пусть ваш дракон, наконец, поймает себя за хвост и великое дело увенчается успехом.

– Спасибо! – растерянно проговорила Дарья. Она не ожидала, что делать ей подарок выпадет Алхимику. Точнее, мысль об этом мелькнула, когда все разбирали свои жребии, но Дарья тут же отогнала ее. А сейчас ей стало очень приятно, она открыла коробочку и ахнула.

На черном бархате поблескивал кулон изумительной работы – это понимала даже Дарья, хотя не очень разбиралась в украшениях. На золотой цепочке – заключенный в тонкую оправу дракон, пожирающий свой хвост. Уроборос! Символ «великого делания» алхимиков и, как уже знала Дарья из прочитанной книги, символ единства всего сущего и вечности. Он напоминал картинку из одной греческой рукописи: спина и вся внешняя часть «кольца» красные, внутренняя часть и лапки – зеленые. Зеленый камень походил на нефрит, о красном Дарья не знала, что и думать: родонит, агат?.. Впрочем, и без того было ясно: перед ней дорогая вещь. В лапках дракон держал золотую шестиконечную звезду – символ завершения «великого делания». Потрясенная Дарья подняла глаза на Ставроса.

– Не беспокойтесь, это меня не разорило! – Он снова улыбнулся. – На здешнем Базаре можно купить и не такое, причем по вполне божеским ценам. Надеюсь, вам нравится?

– Вы еще спрашиваете! – тихо ответила Дарья. – Разве такое может не нравиться? Невероятно красиво!

– Тогда примерьте. Мне хочется увидеть, как это будет смотреться на вас.

– Да, конечно. – Она чуть смущенно кивнула, осторожно вынула кулон из коробочки и подошла к зеркалу, благо оно висело на стене почти рядом. Дарья в этот день надела вишневую юбку и нарядную белую блузку с вырезом-лодочкой, и кулон как раз поместился в него. Камни, словно согревшись от соприкосновения с теплой кожей, загорелись таинственным огнем... Конечно, игра света, но всё же дракончик, оказавшись на груди, определенно стал смотреться живее, чем на черном бархате в коробке. – По-моему, прекрасно! – сказала Дарья, с улыбкой поворачиваясь к Алхимику. Он взглянул оценивающе, кивнул:

– По-моему, тоже. Что ж, я рад!

В его темных глазах что-то вспыхнуло, и Дарья внезапно ощутила, как ее сердце забило быстрее. Она смутилась, опустила взгляд и проговорила:

– Большое спасибо! Это так неожиданно...

– О Боже, Дари, что это за красота?! – К ней подлетела Эванна. – Это подарок? – Она посмотрела на Ставроса. – Это... вы? Послушайте, у вас бездна вкуса!

– Не сомневаюсь! – Алхимик хмыкнул и шагнул в сторону как раз вовремя: вокруг Дарьи в мгновение ока столпилась вся женская часть лаборатории, а мужская тоже тянула шеи взглянуть, что произвело подобный фурор...

Потом еще пили, ели, травили байки и анекдоты до десяти вечера. В какой-то момент Дарья осознала, что она давно так не веселилась. «А может, и не увольняться? – подумала она. – Что это я, в самом деле, как ребенок? Я же хотела приблизиться к другим граням жизни – ну вот, пожалуйста, что ж теперь бежать из-за первых же искушений? Этак никогда ничего не поймешь и ничему не научишься, так и останешься тепличным растением... Работает же Лари в этом институте, хотя наверняка тоже со всяким сталкивается, и ничего с ней до сих пор ужасного не случилось...»

Вечером на улице было совсем прохладно – не больше пяти градусов. Но, по сравнению с морозами в это же время в Сибири, здесь царило почти лето! Несмотря на выпитое вино, Дарья бодро дошла до остановки трамвая и вскоре уже ехала в сторону Феодосиевых стен. Вагон был почти пуст. Дарья рассеянно глядела в окно, вспоминая прошедший вечер, и внезапно вздрогнула. «Пусть ваш дракон, наконец, поймает себя за хвост...» Почему Алхимик это сказал? Неужели... он о чем-то догадывается?

Когда Дарья пришла домой, дети уже спали. Василий с сонным видом вышел в коридор встречать жену.

– Я тебя заждался. Ну что, как отпраздновали?

– Хорошо, было так весело! Мне очень понравилось.

Дарья сняла туфли и, подойдя к мужу, чмокнула в щеку. Он помог ей снять куртку и спросил:

– Как твой подарок, оценили?

– О, да! – Дарья засмеялась. – Аристидис в восторге! Но все решили, что лучший подарок на этот раз сделали мне. Смотри, какая красота!

– Ого! – проговорил Василий, рассматривая кулон у нее на груди. – Кто это тебе такое подарил? Это же целое состояние!

– Да нет, я сначала тоже испугалась, но он сказал: это не слишком дорого, просто места надо знать. Это Севир Ставрос, тот самый Алхимик, помнишь, я говорила? Видишь, уроборос – алхимический символ вечности.

Про «великое делание» она решила не упоминать: с христианской точки зрения, вечность привлекательнее, и Дарья мысленно порадовалась, что вовремя прочла книгу об алхимии. «А все-таки что он имел в виду, сказав про моего дракона?» – опять подумала она.

– Ну, я не знаю, может, это и не очень дорого, – протянул Василий с сомнением, – но это далеко не обычный подарок. – Он слегка нахмурился. – И, по-моему, дарить такое малознакомой женщине это... как-то неприлично!

Дарья растерялась: она не ожидала, что муж посмотрит на подарок Ставроса с такой стороны.

– Какая ерунда! Что ты выдумал? – с досадой проговорила она. – Там так принято, сегодня всем женщинам подарили дорогие вещи, ничего в этом такого нет! Эванне, например, Контоглу знаешь, какое красивое кольцо преподнес? Лейле серьги подарили, Софии часы... В общем, это обычное дело, все хорошо зарабатывают, могут себе позволить... Что тут неприличного? Ты б еще сказал, что он за мной ухаживает! – Дарья фыркнула. – Вытянул жребий и начал...

Она сердито повернулась и прошла в гостиную, а оттуда в спальню. Василий ничего не ответил, но, снимая и пряча в коробочку кулон, Дарья видела в боковой створке трюмо, что муж стоит в дверях и наблюдает за ней. Неужели ревнует? Вот еще, не было печали! Вынув из волос несколько шпилек, она раздраженно принялась разорять праздничную прическу, ради которой утром встала на полчаса раньше. «Нет, чтобы заметить, как я уложила волосы, или

какая у меня красивая блузка...» Блузку она купила нарочно ради нынешнего празднования и впервые надела, обновка ей очень шла, но муж ничего не сказал. Не заметил? Или ему всё равно?.. А впрочем, он почти никогда не говорит ей комплиментов насчет одежды, чего же она хочет? И раньше ее это как будто бы не задевало...

Вдруг она увидела в зеркале, как Василий подходит к ней. Положив руки ей на плечи, он тихо проговорил:

– Прости меня! Я не хотел тебя обидеть.

Поймав в зеркале его виноватый взгляд, она повернулась, и Василий, склонившись, поцеловал ее в губы. Дарья обхватила его за шею и прижалась к нему... но муж слегка отстранился, шепнув с улыбкой:

– Подождем еще немного.

«Ах да, еще же пост!» – вспомнила Дарья и внезапно ощутила острое разочарование. Станным образом непропорциональное случившемуся – ведь еще минуту назад ей вроде бы совсем не хотелось ничего такого...

Когда она, тихонько заглянув в детскую, где посапывали Макс и Дора, прошла в душ, а затем вернулась в спальню, Василий пожелал спокойной ночи и погасил свой ночник. «Не успеешь оглянуться, как заснет», – подумала Дарья, садясь на постель. Она ощущала досаду от того, что такой чудесный вечер под конец слегка испорчен, и к тому же легкую неудовлетворенность – неужели тем, что из-за поста отменилась близость с мужем? Она прислушалась к себе. Нет, вроде бы не особенно и хочется...

«Интересно, Богу правда так уж важно, чтобы мы не занимались любовью во все эти дни? – подумала она. – Отец Павел проповедует, что аскетические ограничения нужны не Богу, а нам... Вот только зачем? Неужели мы становимся намного ближе к Богу, вот так себя ограничивая? Почему-то я никогда не замечала, что мое состояние в посты сильно духовнее, чем в другое время. А в монастыре так вообще только есть хотелось от всех этих постных щей, а не молиться... Ну, или спать, если уработаешься. Правда, в Источнике всё было по-другому, но там это естественно: живешь постоянно в обители, ходишь на все службы, Иисусову молитву творишь... Посты и воздержание в такую жизнь сами собой вписываются, внутреннее сочетается с внешним. А у нас тут что? Живем мирскими интересами и делами, на службе только раз в неделю появляемся... Но при этом совершаем кучу всякого внешнего, что и монахи, только без внутреннего. Есть ли в этом смысл? Если есть, то должны же быть внутренние плоды. А где они? Интересно, Василь видит плоды от всего этого?»

– Василь! – тихонько позвала она.

Но он не ответил: уже уснул. Ну, ему ведь вставать завтра рано. Сейчас надо спать, а не обсуждать православную аскетику. Дарье стало смешно, когда она представила, как муж тарачится спросонья, пытаясь вникнуть в суть ее вопроса. Она зевнула и решила не придавать значения случившейся размолвке с Василем. Всё хорошо, скоро Рождество... Надо, кстати, не забыть купить гуся! И спечь побольше разных пирогов и пирожков, Дора вчера мечтала о ватрушке... Дарья улыбнулась. Медленно втирая в руки крем, она вспомнила, что не прочла вечерних молитв. Она раскрыла молитвослов, но вскоре осознала, что уже слишком сонная для чтения правила. Прочтя «Да воскреснет Бог» и перекрестив себя и подушку, Дарья выключила ночник, легла и быстро погрузилась в безмятежный сон.

Наутро она, подумав, вынула из шкафа темно-красную блузку с глубоким вырезом, чтобы снова надеть кулон. Когда дракончик прохладно коснулся кожи, Дарья испытала странное ощущение – приятное и будоражащее одновременно. Она до сих пор не носила украшений, за исключением серебряного браслета с малахитом, подаренного отцом, и жемчужных бус,

подарка мужа, да и те надевала редко, в гости или в театр. Обручальное кольцо на пальце и золотой крестик на шее, всегда спрятанный под одеждой благодаря длинной цепочке, – вот и всё, чем она украшалась в последние годы. В юности Дарья любила бусы, браслеты и серьги, но три года монастырской жизни положили конец этому увлечению, дырки в ушах заросли, а после замужества Василий не дарил ей драгоценностей, кроме бус на свадьбу, – видимо, считал чем-то излишним? Она никогда не задавалась этим вопросом. Муж не скупился на подарки, вовсе нет, но чаще всего дарил книги или технические штучки вроде мобильного, планшета, фотокамеры. Дарья не страдала без украшений, да и носить их было почти некуда – не учеников же в них принимать! Но теперь в ней проснулась «страсть молодости»: хотелось носить что-нибудь красивое, как вот этот кулон... Не купить ли к нему золотой браслет? Или попросить Василя? Может, он потому вчера и рассердился, что сам ничего такого до сих пор не дарил? Ну, а кто виноват? Мог бы и додуматься! Вон, Елизавете Панайотис каждый год что-то новенькое дарит...

Дарья уже надевала куртку в коридоре, когда из комнаты вышел Василий.

– Доброе утро! Убегаешь?

– Ага. Я там сварила кашку детям на завтрак, в кастрюле под полотенцем. Уже пора будить их, кстати. Сейчас Миранда должна придти... А ты сегодня надолго уйдешь? Надо бы в магазин сходить, купить кое-что к празднику. Боюсь, мне одной всё будет не утащить. Может, встретишь меня у института часа в три?

– В три?.. – Василий прикинул в уме. – Да, можно. Я позвоню. – Он прошел мимо жены к ванной и уже взялся за ручку двери, но вдруг обернулся. – Ну, а ты еще не надумала увольняться из лаборатории?

Дарья на миг замерла.

– Нет, думаю еще поработать, а что?

– Ничего, просто ты вроде осенью говорила: до нового года поработаешь, а там... Ну, тебе виднее. Счастливо!

«Разве я такое говорила?» – подумала Дарья. Выходя вниз из лифта, она нос к носу столкнулась с Мирандой: няня шла заниматься детьми, ведь Василий убежит через полчаса... Они поздоровались, и Дарья предупредила девушку, что сегодня она запланировала поход в магазин, поэтому вернется примерно на час позже. Выйдя на улицу, она с наслаждением вдохнула чистый утренний воздух. Было не холодно, а безоблачное небо обещало солнечный день – пожалуй, к обеду может и до двадцати градусов дойти, как позавчера... Плюс двадцать в конце декабря! В первые годы жизни в столице мира здешние зимы вызывали у Дарьи постоянное изумление: шутка ли, сорок градусов разницы с российскими! Но вскоре она привыкла, хотя иногда всё же весело удивлялась, сталкиваясь в зимние месяцы с почти летним теплом. Здесь она забыла, что такое шубы, меховые шапки и варежки...

В трамвае, усевшись на свободное место, Дарья расстегнула куртку и тут же поймала взгляд женщины напротив – конечно, причиной тому был уроборос. Дарья с улыбкой отвернулась к окну. «Все-таки красивые вещи придают уверенности в себе», – подумала она, ощущая прилив удовольствия, точно выиграла небольшой, но очень приятный приз.

На работе кулон, впрочем, скрылся под халатом и снова увидел свет лишь за чаем в «трапезной». Дарья как раз вешала халат на крючок у двери, когда вошел Ставрос и, скользнув взглядом по ее груди, посмотрел в глаза и чуть заметно улыбнулся, точно спрашивая: «Дракончик прижился?» Она возвратила улыбку: «Да, ему хорошо», – и прошла к привычному месту. Алхимик сел, как всегда, слева от нее у окна, и она странным образом ощущала, что благодаря подарку, сделанному по случайно выпавшему жребию, они стали ближе, хотя по-прежнему почти ничего не знали друг о друге. И Дарье всё больше хотелось поговорить со Ставросом – ну, хотя бы об алхимии, о том, как он заинтересовался этими исследованиями... или о том, где же все-таки он купил кулон. Вдруг там продается что-нибудь еще такое же красивое...

серьги, например? Правда, об этом Дарья могла бы спросить и за чаепитием, но стеснялась. Может, улучшить момент во вторую смену, отдавая Алхимику ключ перед уходом?..

Аристидис и Йоркас между тем заспорили о том, каковы будут итоги приближавшегося Золотого Ипподрома: очередные бега открывались на следующий день после Рождества и заканчивались в первый день нового года. Спор, правда, шел не о том, кто выиграет – оба мужчины верили в победу Феотоки, – а о том, в скольких заездах ему удастся прийти первым. Василий уже третий раз собирался взять Великий приз этих знаменитых на весь мир колесничных бегов. Победителю, занявшему одно из трех мест, разрешалось снова принять участие в Ипподроме только спустя четыре сезона. Правда, при переходе в партию другого цвета этот запрет снимался, и некоторые возницы то и дело делали такие переходы, чтобы чаще попадать на знаменитые бега, но Феотоки неизменно оставался верен красным. Второй раз он выиграл Великий приз в августе две тысячи двенадцатого года, но в мае четырнадцатого пришел лишь вторым, и сейчас настало время вновь попытать счастье.

– Вы всерьез думаете, что сумеете угадать число заездов, которые он выиграет в каждый конкретный день? – со смехом спросила Дарья, прислушавшись к спору. – По-моему, это невозможно. Это же колесо судьбы! Если только случайно повезет угадать...

– Боюсь, вы правы, – согласился Йоркас, не так азартно настроенный, как его собеседник. – Помню, в две тысячи десятом какой был скандал, когда все на него ставили, а он так неудачно навернулся!

– Ой, да, это было нечто! – подхватила Лейла. – Моего папу тогда чуть удар не хватил, он сто-о-олько проиграл! Кстати, Дарья, просвети нас, ты же наверняка знаешь, что тогда такое случилось? Кто говорил, что его подкупили, кто – будто он не выпался...

– Да это сам Феотоки и говорил, что не выпался, – вмешался Аристидис. – Сразу после бегов, в интервью.

– Это как-то банально! – наморщив нос, сказала Марфа, хорошенькая белокурая аспирантка, писавшая диссертацию под руководством Контоглу.

– Банально, но так и было. – Дарья улыбнулась. – Он правда тогда сильно не выпался, спал, наверное, часа два всего. Так получилось, разговоры всякие... – Тут она умолкла. Все-таки не стоило вдаваться в подробности, с кем и о чем он разговаривал. Ведь это она тогда заболтала Василия – точнее, они заболтали друг друга: именно в ту ночь они объяснились в любви... Но не рассказывать же об этом на публику!

– Разговоры всю ночь? – удивилась Лейла.

– А что такого? – Эванна засмеялась. – Для «сов» в самый раз!

– Да, у меня внук тоже каждый день в пять утра ложится! – Тетя Вера вздохнула. – У него своя компьютерная химия, Бог знает, что такое, я в этом не разбираюсь...

– Все-таки это легкомысленно, – заявила Лейла. – Я имею в виду – болтать всю ночь, когда завтра такой ответственный день и надо быть в форме!

– Это смотря о чем болтать, – вдруг подал голос Алхимик.

Дарья краем глаза заметила, что он наблюдает за ней, и слегка смутилась. Но не успела она еще сообразить с ответом, как в беседе вмешался Мишель Перье:

– Да ладно вам! Не знаю, как у вас, а у нас выражение «ночные разговоры» обычно служит символическим обозначением куда более захватывающего времяпровождения. – Француз весело посмотрел на Дарью. – Не считите за бестактность, госпожа Феотоки! Просто очевидно, что такая женщина, как вы, способна заставить забыть обо всем на свете, даже об очень важном! Так что это чистой воды комплимент, и скажу без лести: вашему супругу очень повезло!

Дарья залилась румянцем.

– О, галлы! – София воздела глаза к потолку. – Вы вечно об одном!

– Что же удивительного? Любовь и есть символ вечности, – заметил Йоркас. – Говорят, там нас ожидает экстаз божественного эроса...

– Экстаз адского пламени вас там ожидает, – проворчала тетя Вера преувеличенно сердито. – Вечно вы, мужики, всё сведете к одному...

– Но нельзя же сказать, что это маловажно! – возразил Аристидис. – Если б не оно, род человеческий прекратился бы!

– Благодетели вы наши! – воскликнула София. – А вы не находите, что мы уже засиделись?

– Твоя правда, – согласился Контоглу, бросив взгляд на часы, и встал: «французский» поворот беседы с Дарьей в главной роли, кажется, не доставил ему удовольствия.

Все поспешно опрокинули в себя остатки чая из кружек и, поднявшись, устремились к вешалке за халатами. Возникла некоторая толкотня, Дарья решила подождать и стояла, опершись на спинку стула. Щеки у нее еще горели. А если кто-нибудь и правда решил, что той ночью они с Василем не разговаривали, а... «Но вообще-то что в этом такого?.. То есть *для них* в этом нет ничего такого, – поправилась она. – Тут ведь, наверное, почти никто не считает, что до брака нельзя...» Ей не пришло в голову, что коллеги просто не знают или не помнят, что в то время они с Василием еще не поженились, и потому в реплике француза в любом случае не было ничего неприличного. Она вспомнила, как смутилась в тот вечер, когда Евстолия предложила остаться у них переночевать. Ей тогда на миг представилось... Ох, чего ей только тогда не представилось, хотя она, конечно, тут же одернула себя, рассудив, что бесстыдно думает «неизвестно о чем», а Василию и в голову не придет ничего такого... Ему и не пришло. Несмотря на признание в любви, он даже не поцеловал ее в ту ночь. Только держал за руку, смотрел в глаза и улыбался... А ей ничего и не надо было другого. Возможно, он боялся ее смутить, ведь она вошла в его дом еще как послушница. Впервые поцеловались они при следующей встрече; Дарья к тому моменту уже объявила игуменье, что не чувствует призвания к монашеству и думает вернуться к светской жизни. А в ту ночь были только разговоры, разговоры... и радость обретения одновременно друга и любимого наполняла жизнь светом, танцевала в душе солнечными зайчиками. В какой момент этот свет померк, подернувшись дымкой странной тоски, которая погнала ее от мирной домашней жизни сюда, к чужим людям с неизвестными ей интересами?..

Дарья услышала рядом какой-то шорох и повернулась: в двух шагах от нее стоял Алхимик и застегивал пуговицы на черном халате. Ставрос пристально взглянул на нее, и она вдруг ляпнула:

– Мы просто разговаривали!

«О Боже, зачем я...» Она еще не успела додумать и ужаснуться, как он неуловимо улыбнулся и ответил:

– Не сомневаюсь.

А затем все мысли улетучились у нее из головы, потому что Алхимик шагнул к ней, его рука легла на спинку стула буквально в сантиметре от ее, и его голос прошелестел почти в самое ухо:

– Но иногда хочется немного большего, не так ли?

Всё это произошло за несколько секунд, и в следующий миг Алхимик уже выходил из «трапезной», словно и не стоял только что рядом с Дарьей. Пожалуй, никто из коллег не заметил этого эпизода, а между тем Дарья в эти мгновенья перестала что-либо соображать, воспринимая по-настоящему только две вещи: невозможно красивую руку, оказавшуюся в такой близости от ее руки, и невозможно шелковистый голос – казалось, он скользнул по коже, как нежная ткань и нырнул за пазуху, заставив сердце стремительно забиться. Смысл произнесенных слов дошел до нее, когда Ставрос уже скрылся за дверью, и Дарью бросило в жар. Как он мог узнать?!

«Стоп! Ничего он знать не может. Это совпадение! Но что он тогда имел в виду?»

«Зачем я сама-то ему сказала это?..»

«Что же это такое?!»

Последнее относилось к ощущениям, испытанным от мгновенной близости Алхимика. Пожалуй, так выйдет, что Василий не зря начал ревновать...

«Нет, это невозможно! Я ничего к нему такого не питаю! Он просто на меня... как-то странно действует...»

– Дари, ты идешь? – Голос Эванны вернул к реальности, и Дарья увидела, что в «трапезной» уже никого нет, на вешалке одиноко грустит ее халат, а ирландка стоит в дверях и смотрит вопросительно.

– Да-да, иду, я задумалась...

За оставшуюся часть рабочего дня Дарья несколько раз роняла колбы и пробирки – к счастью, пластмассовые, обошлось без стеклянных брызг, – чуть не перепутала цифры, заноса в компьютер результаты химических анализов, а когда понесла Ставросу чистые сосуды и инструменты, у нее едва не подкашивались ноги – так она боялась встретить его взгляд или услышать еще что-нибудь «непонятное»... Но Алхимик, пока она находилась в его «пещере», даже ни разу не посмотрел в ее сторону.

В смятении она позабыла, что собиралась после работы пойти с мужем в магазин, и на миг растерялась, увидев его имя на экране зазвонившего мобильного. Василий уже ждал внизу, у дверей института. Дарья попрощалась с коллегами – перед Рождеством был укороченный рабочий день, и они тоже собирались уходить, – и быстро посмотрелась в зеркало у двери: всё как обычно, только чуть больше румянца на щеках... Заметив краем глаза, что Алхимик тоже направляется к выходу, она поскорей выскользнула из лаборатории, почти бегом полетела по коридору... и едва не сбила с ног старичка в белом халате. Он как раз вышел из бокового коридорчика, Дарья задела папку у него в руках, и та со смачным шлепком упала на пол.

– Ой! – Дарья притормозила и бросилась поднимать уроненное. – Простите, пожалуйста!

В этот момент из лаборатории вышел Ставрос и направился в их сторону. Дарья поскорей вручила старичку папку, с досадой подумав, что поговорка «поспешешь – людей насмешишь» решила оправдаться как нельзя некстати.

– Куда ж вы так торопитесь, красавица? – Старичок покачал головой, взглянув на нее поверх аккуратных очков. – Как ни беги, от судьбы не удерешь, поверьте человеку с солидным жизненным опытом!

– Спасибо! – брякнула Дарья и, кивнув в знак прощанья, устремилась к дверям на лестницу. Почему-то было очень досадно от того, что Алхимик видел эту сцену и даже, наверное, слышал разговор...

– Привет! Ты чего такая запыхавшаяся? – удивился Василий, когда она вышла из института.

– Не терпелось тебя увидеть! – улыбнулась она, беря его под руку. И почувствовала легкий укол совести. На самом-то деле она бежала вовсе не к мужу. Надо называть вещи своими именами: она убегала от Алхимика. От его пристального взгляда, от фраз с подтекстом, от колдовского голоса, от... Она вспомнила, как изящные пальцы коснулись спинки стула рядом с ее рукой, и почувствовала, как по спине побежали мурашки. Вот наказание! И ведь никому не расскажешь и ни с кем не посоветуешься, что тут делать... Или, может, это знак, что надо увольняться из лаборатории, от греха подальше?..

«Если я сейчас уволюсь, то никогда не узнаю, что всё это значило и почему он говорил мне такие вещи, – подумала она. – Что он имел в виду? Какой странный человек! Молчит, молчит, а потом как скажет... Не может же он знать о том, как мы с Василем объяснились и о чем я в тот день думала! Значит, он имел в виду другое. Только как же с ним об этом заговоришь?..»

Когда они с мужем уже стояли в мясной лавке, ожидая, пока им взвесят и упакуют гуся, Дарье пришла в голову другая мысль: должна ли она сказать на исповеди обо всех странностях

последних недель? С одной стороны, во всем этом было вроде бы что-то «не то», но с другой – как об этом рассказать? Если это грех, то для начала надо его как-то обозначить. Например, только что она по сути соврала мужу, и это грех лжи, тут всё понятно. А вот как назвать ощущения, подобные испытанным сегодня, когда она услышала над ухом шелковый голос Алхимика? Это и не дело, ведь она ничего не сделала, и не помысел – она ни о чем связанном в тот момент не думала... Это было некое ощущение. А разве в ощущениях каются?.. Рассказать о случившемся и спросить у отца Павла, что всё это может значить? Дарья как-то не была готова к подобной откровенности с духовником... Или... Она вдруг вспомнила одну читанную еще в Казанском монастыре на родине брошюрку с длинным подробным списком грехов, где одним из пунктов значилось «блудное ощущение». Дарья слегка покраснела и прикусила губу. Но тогда уж, видимо, надо покаяться и в том, что вчера вечером ей захотелось... вкусить любовных удовольствий, несмотря на пост? Нет, так можно далеко зайти! Не хватало еще превращать исповедь в стриптиз!

«Скажу просто: согрешила нечистыми помыслами, и всё, – решила она. – Бог ведь знает, что я обозначаю этим словом, а отцу Павлу это знать не обязательно!»

Рождество Христово пришлось на четверг, и впереди были четыре выходных дня. В праздничную ночь Феотоки всей семьей пошли на службу в обитель Живоносного Источника, а затем, по приглашению игуменьи, приняли участие в монастырской трапезе. Вернувшись домой, они проспали почти до обеда, после чего наступило время для подарков. Дарья подарила мужу рубашку, он ей – роман Феодора Киннама «Аттическая соль». Книга вышла недавно, Дарья не знала об этом и обрадовалась: она очень любила «Записки великого ритора» – серию, где издавались романы ректора Афинской Академии. Детям достались игрушки, сказки в картинках и любимые ими леденцы в металлической баночке, которыми можно было не только лакомиться, но и здорово греметь. На улице между тем похолодало, ветер вздыбил посеревшую Пропонтиду белыми барашками, рвался в окна, пришлось закрыть форточки. Пока дети играли, а Василий читал свежий номер «Синописа», Дарья готовила гуся, с которым все весело расправились за ужином. Вечер закончился игрой «Бегство в Египет», где Василий изображал осла, Феодора с пупсом – Деву Марию с Младенцем, а Максим – Иосифа, который водил «осла» по комнате за уздечку из длинного шарфа. «Осел» через каждые несколько шагов упрямылся, и чтобы заставить его идти, всадница и поводырь разгадывали загадки и отвечали на вопросы из евангельской истории. Дарья тем временем, устроившись на диване, углубилась в роман Киннама. За окнами в темноте бушевали ветер и море.

Укладывая детей спать, Дарья задумалась о том, как встречали Рождество коллеги по лаборатории. Для Веры и Анастасии это такой же праздник, как и для нее, для Лейлы – обычный выходной день, а для остальных? Ходил ли кто-нибудь из них на службу? София – возможно, она вроде бы верующая, хоть и не соблюдает постов. Марфа увлечена буддизмом... Эванна собиралась пойти в Великую церковь, она навещала туда по большим праздникам, но скорее как на концерт: ее восхищало пение тамошних хоров и патриаршая служба. По крещению ирландка была католичкой и в православие переходить не собиралась, хотя ей нравилось его византийское воплощение. Контоглу вряд ли тесно соприкасается с церковной жизнью, да и остальные мужчины тоже... Дарья уже привыкла, что среди византийцев немногие еженедельно ходят на службы, часто исповедуются и причащаются, но порой это всё же удивляло. У нее на родине таких верующих было больше – и в то же время качество этой самой веры, думалось Дарье, выше у византийцев: даже люди не особенно церковные здесь, кажется, понимали глубинную суть христианства, смысл религии как отношений с Богом,

а не как набора обязательных обрядов, якобы гарантирующих приобщение к божественной жизни и подлежащих неременному исполнению...

Мысли Дарьи обратились к Алхимику, и она подумала, что он похож на монаха от науки: занят только исследованиями, ходит в черном, почти молчальник... Но что же это за женщины, с которыми он ужинал в ресторане? Почему Эванна уверена, что это его любовницы? А может, просто знакомые?.. Как он проводит этот вечер, когда на улице завывает ветер, а большинство византийцев так или иначе празднуют? Поужинал в ресторане – вряд ли он готовит себе дома, – пришел в свою, конечно, съемную квартиру и... сидит читает книгу? Какую? Читает ли он, например, романы? Или считает это пустой тратой времени и у него в библиотеке только научные книги?.. Внезапно Дарье пришло в голову, что Ставрос вполне может скоротать этот вечер с какой-нибудь женщиной... и ее щеки вспыхнули.

«Так, стоп, об этом я думать не буду. И вообще, хватит уже думать об Алхимике. У меня есть свой мужчина, чтобы думать о нем!»

На следующий день начался Золотой Ипподром. Василий снова соревновался за красных, хотя в последний год его усердно пытались переманить и синие, и зеленые, по жребью попал в первую четверку возниц и выиграл два забега из трех. День стоял пасмурный, но дождя, по счастью, не было. Солнце даже не пробивалось сквозь слой туч, и огромный цирк выглядел бы мрачновато, если б не яркие костюмы возниц и цветные флажки, которыми размахивали болельщики, да еще воздушные шары, всплывавшие в серое небо и тут же уносимые ветром в сторону материка.

Дарья смотрела, как цепочка колесниц, запряженных четверками коней, поворачивает у сфенды ипподрома, огибая украшенную древними статуями и обелисками спину, и каждый раз у нее замирало сердце: она знала, что этот поворот – самое опасное место, где сломали шею или погибли под копытами лошадей многие возницы... Немало было и таких, кто получил серьезные травмы при падении с колесницы, но Василию в этом смысле везло: он дважды падал на тренировочных соревнованиях, а один раз – на том Ипподроме в августе две тысячи десятого, когда после бессонной ночи жестоко обманул ожидания болельщиков, однако отделялся только царапинами и синяками.

– Ужас! – Илария передернула плечами, когда на третьем забеге колесницы в шестой раз пронеслись по полукругу сфенды. – У тебя, наверное, железные нервы! Если б там был мой Грига, я бы умерла со страху!

– Ну, ты хочешь, чтобы я тут кричала и в обморок падала на каждом круге? – ответила Дарья. – Вряд ли Василь будет этому рад. Конечно, мне страшно, но что же делать, если он возница! И, в конце концов, надо уметь держать себя в руках...

Они с Иларией и Елизаветой сидели в двадцатом ряду по центру сфенды, откуда хорошо просматривалась арена. Это были дорогие места, и здесь почти никогда не попадались любители буянить и разворачивать огромные полотнища с ободряющими лозунгами, загораживая обзор сзади сидящим. Панайотис вместе с коллегами из «Синописа» заседал, как выражалась Лизи, довольно далеко отсюда – в секторе напротив императорской ложи. Место Григория рядом с Иларией пустовало: по окончании второго забега он покинул ипподром, чтобы посмотреть, как дела в таверне, владельцем которой он уже три года являлся, и всё ли готово к наплыву посетителей после бегов: на Рождество в заведении обновили меню, и Григорий немного беспокоился за его успешное воплощение в жизнь.

Наконец, колесницы одна за другой финишировали у белой черты перед императорской Кафизмой, зрители восторженно завопили, приветствуя «несравненного Феотоки», и Дарья расслабилась: до седьмого забега за мужа можно больше не волноваться. Лизи поежилась и предложила:

– Пойдемте в кофейню сходим, а? Жаль, что здесь нельзя выпить глинтвейна, что-то сегодня так холодно! Я не откажусь от чайничка зеленого чая с имбирем.

– Ой, а я хочу большой капуччино! – воскликнула Илария. – А ты, Дари?

– Да я не замерзла, выпью просто чашечку кофе.

– Ну да, вы, сибиряки, холода не боитесь! – Лари засмеялась.

В кофейне – одной из многих, расположенных в помещениях под трибунами ипподрома – былолюдно: в этот прохладный и ветреный день зрители спешили согреться, хотя приходилось довольствоваться безалкогольными напитками; спиртного во время представлений не продавали не только на ипподроме, но и в ближайших окрестностях. Подруги едва нашли свободный столик. Дарья подумала, что если бы тут знали, чья она жена, ей бы, наверное, сразу выделили лучшее место и даже бесплатно обслужили... Однако такая перспектива ее не прельщала.

– А ты будешь сегодня на балу? – поинтересовалась у нее Лизи.

– Да ну, какой бал? – Дарья махнула рукой. – У меня и платья нет, и танцевать я уже, наверное, разучилась. Я же полтора года не танцевала, да и раньше-то почти ничего не умела, что я сейчас пойду, позориться только...

На бал в Большом Дворце ей довелось попасть только однажды. В две тысячи двенадцатом году, когда муж второй раз взял Великий приз Золотого Ипподрома, у Дарьи шел восьмой месяц второй беременности, и ей было не до танцев. Следующий случай попасть на бал представился в мае две тысячи четырнадцатого: хотя на тех бегах Василий в итоге не добился главного приза, однако в первый день выиграл в трех заездах и, таким образом, получил приглашение на бал. Но тот бал у Дарьи оставил впечатления не самые приятные. Хоть она и ходила на уроки танцев, но, постоянно занятая детьми, так и не успела как следует научиться ничему, кроме вальсов, и пришлось отказывать кавалерам, пытавшимся пригласить ее на другие танцы. Василий же так увлекся разговором с Панайотисом, что вообще позабыл о жене, а когда Дарья в итоге позволила себя увести знаменитому вознице зеленых Михаилу Нотарасу, с которым станцевала два вальса и в перерывах весело проводила время – молодой человек оказался остроумным и интересным собеседником, – муж вдруг принялся искать ее по всему залу, а найдя, слегка попенял на то, что она его «бросила»... К тому же он мало с кем ее познакомил – а она-то надеялась на общение с новыми людьми, а не всё с тем же Паном или Лизи, – да еще наступил на ногу, танцуя с женой открывшую бал африсму. Правда, долго извинялся, но настроение у Дарьи было подпорчено... Словом, праздник не задался, и на заключительный бал того Ипподрома Дарья не пошла, отговорившись плохим самочувствием, а платье сдала в магазин поддержанной одежды. Теперь она вспомнила эту историю, и в ней всколыхнулась волна досады и обиды неизвестно на кого и на что.

– Не огорчайся! – весело утешила ее Илария. – Я вот и вообще никогда не умела танцевать.

– И зря! – заявила Лизи. – Танцы это классно! Сразу чувствуешь себя женщиной на двести процентов и больше. Да и в целом полезно для координации движений и общего здоровья.

– Ну, ты-то бываешь с Паном на всяких светских приемах, а мы что? – сказала Дарья.

– Кто же вам мешает? Взяли бы своих драгоценных да и пошли бы в какой-нибудь клуб! В Городе полно мест вполне приличных, где можно потанцевать и пообщаться, при чем тут приемы?

Дарья хмыкнула, представив, как бы отреагировал Василий на подобную идею: если он даже к тем балам, куда получает приглашения, относится прохладно, то сам по себе «для удовольствия» ходить по клубам тем более не стал бы. Вот и во время этого Золотого Ипподрома он не собирался появляться на придворных вечерах, хотя возницы, победившие в первый день бегах по крайней мере в двух заездах, получали приглашения на светские мероприятия всей недели празднеств. Из этих мероприятий Феотоки и в прошлые разы участвовали только в походах по музеям и театрам и в круизе по Босфору. Правда, зимой таких круизов не бывало – в декабре пролив превращался в огромную трубу, где бесился холодный ветер, – зато до самого богоявленского сочельника в Городе отмечали Календы и шумел традицион-

ный карнавал, а вместо двух балов давались целых три: третьим был новогодний бал-маскарад, проводившийся во Дворце в ночь на первое января. Он вызывал дежурные нарекания у церковных деятелей, которые сокрушались о том, что цвет столичного общества рядится в разные «личины» и нечестиво веселится вместо подготовки к причастию на праздник святителя Василия Великого, но эти lamentации никто не принимал всерьез. Впрочем, Дарья с Василием на этот праздник всегда причащались, собирались поступить так же и в этом году... Хотя Дарья порой ловила себя на мысли, что любопытно было бы хоть одним глазком взглянуть на этот самый бал-маскарад, вместо того чтобы в очередной раз читать: «прости ми грешной, и непотребной, и недостойной рабе Твоей прегрешения и грехопадения...»

Илария между тем тряхнула рыжей шевелюрой и засмеялась:

– Мы с Григой раньше иногда на танцы бегали, но только такие, современные – подергаться, попрыгать... А все эти вальсы, эрим, танго... это ж целое искусство! Специально учиться, чтобы потом куда-то ходить танцевать? Не знаю... Как по мне, я лучше на Принцесы съезжу и погуляю там, чем в клубе торчать! Общения мне и на работе хватает... Это ты, Лизи, бываешь на всяких светских вечерах, потому что у Пана такое положение. А вот представь: если б ему не надо было в такие места ходить, не получал бы он приглашений... Стала бы ты тогда нарочно танцам учиться? Да ты же ведь и не умела, пока замуж не вышла.

– Не умела, но теперь считаю, что это неправильно! – решительно сказала Лизи. – Настоящая женщина должна уметь танцевать, стильно одеваться и вообще подать себя в свете, не важно, часто это приходится делать или нет! Это полезно, хотя бы для самооценки. Правда, у благочестивых христиан самооценка должна быть ниже плинтуса, – насмешливо добавила она.

– Да почему?! – возразила Илария. – Просто вот лично я не ощущаю такой потребности – блистать в обществе. Если б ощущала, то научилась бы, это же, наверное, не сложнее генетики!

Дарья молчала. В душе она больше соглашалась с Елизаветой и вдруг осознала, что совсем не прочь иногда посещать танцы и вечера, куда можно красиво одеться, надеть украшения – это действительно придавало уверенности в себе и приятно возбуждало, как она убедилась на опыте, получив в подарок уроборос... Только вот у Василия нет никакой тяги к подобной жизни. Однажды он даже пожалел Панайотиса, который «должен таскаться на все эти бесконечные встречи», и порадовался, что над ним с Дарьей не тяготееют никакие светские обязанности. Дарья тогда с ним согласилась, а теперь... Надо признать, что в последние месяцы ее внутренние ориентиры незаметно стали меняться, и она не могла решить, хорошо это или плохо. Лизи считает, что блистать в обществе, уметь танцевать, вызывать восхищение – хорошо... Но, в сущности, это довольно далеко от христианских идеалов, изложенных у святых отцов. Получается, Дарье эти идеалы... наскучили? Эта мысль привела ее в некоторую растерянность. Если такие устремления плохи, то с ними надо бороться, каяться в них на исповеди... Но если они не плохи? Откуда-то ведь берутся такие потребности... Вот, Лари говорит, что у нее нет потребности в бурной светской жизни. А если б она появилась? Наверное, подруга нашла бы способ осуществить свои желания и не думала бы, что это не по-христиански...

«Меня, кажется, всё еще держат в плену мои прежние понятия о благочестии, – подумала Дарья. – Того нельзя, этого нельзя... А почему нельзя, непонятно. В конце концов, Христос вроде бы не запрещал вести светскую жизнь или танцевать... Он вот и сам на свадьбе в Кане пировал, а там же наверняка танцы были тоже, все и пили, и ели, и веселились... Беременная, когда чего-то хочет, соленого там или кислого, берет и ест, потому что это означает определенную потребность организма. Но с душой разве не так? Если человек ощутил какое-то желание, никак себя не накручивая и ничего такого, а просто вдруг появилась потребность, то не значит ли это, что душе это требуется для развития? А если это желание не удовлетворить, не будет ли душа обделена? Насколько всё это самоограничение правильно? И до каких пределов оно должно простираться?»

– Всё с тобой ясно! – улыбнулась тем временем Лизи на реплику Иларии. – Ты у нас вообще такая... воробышек. А ты, Дари? Или у тебя совсем никаких светских потребностей нет? Ты ж из нас троих самая благочестивая!

– Ну, почему? – Дарья смутилась и, помолчав, призналась: – На самом деле я бы сходила на бал, только... Василь ведь не любит всё это, не одной же туда идти, это будет выглядеть странно.

– Нашла проблему! – Лизи фыркнула. – Василя под ручку и вперед! Если он не хочет танцевать, то и Бог с ним: там бильярдная есть, фуршетные столы и куча народа вроде моего Пана! Пан там общается с кем ему надо, а я танцую, и всё хорошо, все довольны, да еще я его всякими сплетнями снабжаю полезными, на балу ведь чего только не услышишь! В общем, Дари, советую тебе обработать Василя в этом направлении. Он, конечно, у тебя немного тюфяк, но думаю, расшевелить его реально!

– Ну, это если только к следующему Ипподрому. На эту неделю у нас уже всё распланировано, да и бального платья у меня нет.

На миг Дарья представила, как могла бы выглядеть в темно-красном шелковом платье, вроде того, в какое одета принцесса на фотографии в последнем номере «Синописа», с красиво уложенными волосами и с кулоном на шее... Вот только муж почему-то рядом не рисовался. Наоборот, опять вспомнилось, как он наступил ей на ногу во время танца, и Дарье снова стало досадно, но она постаралась ничем не выдать своего настроения: не хотелось показывать подругам, что она огорчена. Да и откуда взялось в ней такое острое огорчение? Неужели от нескольких фраз, сказанных Елизаветой? Но Лизи и раньше порой пеняла Дарье и Иларии при встречах, что они слишком уж «домоседствуют», однако никогда ее полушутливые укоры не вызвали досады...

Громкая музыкальная трель возвестила о конце перерыва между забегами, и Дарья облегченно вздохнула: сейчас они вернутся на свои места, вновь рванутся с места лошади, взорвутся криками трибуны, полетят в небо разноцветные шары, и неприятные мысли разбегутся из головы перед лицом этой бешеной гонки тяжелых квадриг по семнадцативековой арене...

На другой день в перерыве после первого забега Елизавета сказала Дарье:

– Зря вы с Василем не пошли на бал! Подумаешь, танцуете не очень, там таких танцоров пруд пруди: ученые, например, далеко не все умеют хорошо танцевать... Зато уж если умеют, так умеют! – Она оживилась. – Меня в этот раз сам Киннам пригласил, представляешь? Вот он танцует просто сказочно, я до сих пор под впечатлением! А Пан меня приревновал к нему. – Лизи рассмеялась.

– Да ну? Что же он сказал? – любопытствовала Дарья.

– Надулся, как индюк, и заявил, что у Киннама «аморальное прошлое» и поддаваться его очарованию опасно.

– И что ты ответила?

– Предложила ему обсудить это с госпожой Киннам. И он сразу сдулся!

Дарья засмеялась и подумала: «Какая Лизи находчивая, никогда не теряется с ответом! А я вечно то смущаюсь, то раздражаюсь...»

– Вчера ведь еще принц первый раз был на взрослом балу, – продолжала Лизи, – ему уже пятнадцать, теперь будет зажигать! Красавчик! Сейчас-то еще молодо-зелено, а вот года через три-четыре все девушки будут у его ног! Смотрите-ка, вон как раз его показывают, ну, разве не красавец?

– Ой, не говори! – воскликнула Илария. – Прямо удивительно, что бывают такие красивые люди!

Пока циркачи готовились давать представление перед Кафизмой, на больших экранах ипподрома показывали императорскую ложу. Темноволосый и синеглазый, с высоким лбом, упрямым подбородком, красивыми густыми бровями, озорным веселым взглядом и заразной улыбкой, Кесарий в самом деле был чудо как хорош. Его златокудрая сестра сидела справа от него рядом с мужем и чему-то смеялась. Дарья вспомнила, как на дне рождения Фроси пять лет назад принцесса с Елизаветой подкалывали ее с Василем... Как давно это было! Даже не верится, что она сидела за одним столом с ее высочеством и та ела испеченные ею пироги... Впрочем, Катерина помнила ее и даже подошла к ней на балу полтора года назад, спросила, как жизнь. Дарья ответила, что у нее всё хорошо... Тогда и правда всё было хорошо. Но если бы и не так, она бы, конечно, ни в чем не призналась принцессе. Интересно, как живет Катерина со своим Луиджи? Об их помолвке официально объявили через два с небольшим месяца после того Ипподрома, но свадьбу сыграли только спустя три года. Три года ждать свадьбы, наверное, можно только при действительно большой любви... Детей у них до сих пор не было, хотя в первый год после свадьбы принцессы в прессе постоянно мусолилась тема пополнения в семействе молодого кесаря – Луиджи Врачки получил этот титул вместе с рукой ее высочества. Но, видимо, принцесса не собиралась торопиться, ведь она еще даже не закончила учебу. Однако сейчас она училась на последнем курсе Университета, и, может, года через полтора-два император станет дедушкой?..

«А если бы нам с Василем пришлось ждать свадьбы три года?» – подумала вдруг Дарья. Эта мысль вызвала у нее неясное смущение. Она начала сознавать, что вышла замуж очень быстро, не успев толком очухаться от монастырского прошлого, – и не могла понять, хорошо это или плохо. Может, и хорошо сохранить чистоту чувств и незамутненность восприятия, но при этом получилось так, что Дарья, будучи старше и Иларии, и Елизаветы, и тем более принцессы, меньше них знала жизнь: даже на родине, учась в институте, она во многом отгораживалась от нее, потому что уже тогда старалась быть благочестивой, затем была обитель, потом приезд в Византию, а вскоре – можно сказать, не приходя в сознание – замужество...

«Неужели моя тоска связана с тем, что я не успела до свадьбы пожить сама по себе, в свое удовольствие?» – эта мысль показалась ей банальной и даже обидной. Но все-таки нельзя отрицать, что, например, Лизи и пять лет назад разбиралась в жизни и людях лучше Дарьи, а уж теперь и говорить нечего... Да и Илария, в общем-то, тоже, ведь в послушницах в обители Живоносного Источника она провела всего два года, не бросая притом учебу в Университете. Ну, с принцессой вообще всё понятно: у кого еще столько возможностей насыщенно жить, везде ездить, общаться с интересными людьми и делать то, что хочется! И вот, все живут и радуются, а Дарья тоскует, словно ей чего-то не хватает, а чего, непонятно...

«Какой-нибудь благочестивец, наверное, сказал бы: рожна надо – по голове бревном дать, и сразу тогда поймешь, что раньше было счастье. – Дарья усмехнулась и вздохнула. – Станный все-таки способ – урезонивать собственные желания мыслью о том, что всё может быть куда хуже! А ведь в человеке, наоборот, заложено постоянное стремление к большему и лучшему... Впрочем, это стремление вроде как надо обращать к Богу, а не к земному – вот и выход из положения. То есть, получается, чтобы мне избавиться от тоски, надо не новизны в жизни искать, а побольше читать Псалтирь и четки перебирать?.. Аскетически логично, только... вряд ли поможет!»

Дни Золотого Ипподрома промелькнули быстро. Василий с Дарьей посетили несколько музеев, побывали в Большом театре на премьере комедии «Аристипп Киренский», в сокровищнице Святой Софии, на традиционной экскурсии по Дворцу и неформальному ужину после нее. Как ни странно, интереснее всего оказался визит в Художественный музей, где на Рож-

дество открылась выставка современной русской живописи: были представлены художники и из Сибири, и из Московии. Дарья немного опасалась, не увидят ли они что-нибудь «неудобь сказуемое» в духе авангардизма, но большинство картин оказались вполне реалистическими, местами с налетом сюрреализма, иногда мистицизма, а московиты неожиданно порадовали яркими красками и почти детской наивностью восприятия.

Во Дворце Дарья старалась держаться рядом с Елизаветой, присматриваясь к тому, как она ведет себя и общается с другими гостями. На Лизи было красивое коктейльное платье из голубого шелка, а Дарья, за неимением платья – она, как всегда, слишком поздно вспомнила о том, что при дворе оно будет смотреться органичней, – оделась так же, как на празднование годовщины открытия лаборатории. Очень хотелось надеть и кулон с уроборосом, но она подумала, что Лизи непременно заметит, станет расспрашивать, а если это случится в присутствии Василия, то может вызвать определенную неловкость... И дракончик остался скучать дома, запертый в черной коробочке, и вместо него Дарья надела давний подарок мужа – жемчужные бусы. Однако не могла отделаться от ощущения, что уроборос смотрелся бы с ее нарядом куда лучше.

Василий весь ужин проболтал с Панайотисом о политике – обсуждали британские интриги в Африке и возможность военных действий в ближайшем будущем: североафриканские исламские государства в последнее время занимали по отношению к Империи всё более вызывающую позицию, и, хотя пока всё ограничивалось словесными заявлениями и планами по созданию Африканского Союза, временами на границе Египта и Эфиопии, а также в Айлатском заливе происходили небольшие, но малоприятные инциденты, распространявшие отчетливый запах пороха. Было уже вполне очевидно, что воду мутят английские спецслужбы, стараясь взять реванш за резкое усиление византийского влияния на севере после Московской революции две тысячи десятого года. Правда, Стратиотис уверял, что император не позволит событиям пойти на поводу у англичан, ибо у него в запасе множество рычагов влияния, «о которых мы даже понятия не имеем». Василий был настроен более скептически, хотя, конечно, надеялся на то, что до военных действий не дойдет. Краем уха слушая их разговор, Дарья думала, что по сравнению с событиями такого масштаба страдания от тайной тоски, а тем более от оставленного дома кулона не имеют никакого значения, но, однако, ее занимают именно они, а происходящее в Африке кажется столь же эфемерным, как война миров из фантастического боевика.

– Ну, а ты как, Дари, всё еще лаборантствуешь? – спросила Лизи.

– Да, – ответила Дарья небрежно, – но, наверное, скоро уйду оттуда.

– Не понравилось?

– Нет, почему, там хорошие люди и работать нетрудно, но я же туда пошла так, развеяться немного.

– А мой-то Пан всё удивляется, что ты из дома побежала в лаборантки, он вот меня хочет дома посадить, ворчит: мол, денег он и сам заработает, а детям лучше с матерью, чем с няней... Но я без работы не могу, мне нужна какая-то область приложения себя помимо семейных ценностей. Да и на людях побыть хочется. Тем более, в «Гелиосе» сейчас такие проекты – одно освоение Луны чего стоит! Нет, я оттуда ни за что не уйду!

– Ну да, понятно.

– А детей я всё равно с февраля в садик отправляю. Пан сначала не хотел, бубнил про «растлевающее влияние», но я сказала, что не собираюсь растить будущих монахов, и он в итоге согласился: пусть уже привыкают к общественной жизни «как животные общественные». – Лизи рассмеялась.

Дарья подумала, что, пожалуй, она тоже может отправить детей в садик прямо с нового года: Феодоре в октябре исполнилось три, а Максиму в ноябре четыре, и лучше вывести их в свет, чем продолжать тратиться на няню... К тому же она сама не знала, долго ли еще пропра-

богатеет в лаборатории и что будет делать после ухода оттуда. Она не была уверена, что захочет опять безвылазно сидеть дома, как раньше, – скорее, предполагала обратное, хотя пока не представляла, чем будет заниматься помимо переводов и частных уроков. Идти преподавать в гимназию не хотелось, но куда еще можно приложить свои силы?.. Дарья снова ощутила глухое раздражение: и на себя – за то, что она так и не сумела разобраться, чего же ей надо, и на мужа – за то, что он не понимал ее тоски и, похоже, втайне мечтал вернуть всё на круги своя, и на собственную жизнь – за то, что из нее вдруг словно исчез стержень, а почему, неясно, ведь она как будто не так уж отличалась от жизни подруг: семья, муж, дети, работа, всё как у людей... Если поначалу Дарья еще надеялась на решение проблемы с помощью устройства на новую работу, то теперь видела, что это не помогло... А значит, дело в другом, но в чем?! Впрочем, на мужа злиться несправедливо: как может он понять, чего ей не хватает, если она сама не может этого понять? Интересно, это вообще можно понять?.. Лари всё списывала на домоседство, так что смысла опять говорить с ней об этом, наверное, нет. Может, поговорить с Лизи?.. Но с Лизи она была не так близка и откровенна, как с Иларией, и не решилась говорить о подобных вещах.

И всё же один случайный разговор с Елизаветой у Дарьи состоялся. В последний день бегов Лари осталась дома – у нее внезапно затемпературила дочка, и пришлось вызвать врача, – а Лизи с Дарьей в перерыве после третьего забега, как водится, пошли в кофейню погреться и слегка перекусить. Дарья еще с утра заметила, что Елизавета раздражена, и за чаем – они взяли традиционный турецкий чайник на двоих и по фруктовому пудингу – спросила, почему она не в настроении.

– Да вчера на ужин свекровь заходила, – недовольно ответила Лизи. – Нет, я ее уважаю и всё такое, она, в общем, неплохая дама и неглупая вроде, но некоторые взгляды у нее... пахнут плесенью! Обычно ничего, обходится, но иногда она на Пана действует как демотиватор!

– То есть как? – удивилась Дарья. – Уныние наводит, что ли?

– Ну, – кивнула Елизавета. – Она, видишь ли, дама очень благочестивая... нет, не такая зануда, как Пан, – Лизи улыбнулась, – и, слава Богу, не пичкает нас духовными наставлениями, но она страх как любит всякие истории про подвижников. Представляешь, при каждой возможности ездит по монастырям, святым местам, отовсюду привозит иконки, книжки, сувениры всякие... Ну, она это называет «святостями», но как по мне, это те же сувениры, только церковные. У нее не квартира, а целый склад всяких таких штук, хоть музей устраивай! И вот, она как придет к нам, так начинает рассказывать, где в последний раз была, что видела... Не, иногда это даже интересно, но вот если она начнет про современных подвижников вещать, то это беда! Причем она это без задней мысли, у нее восторг и всё такое, чайку попьет, расскажет про подвиги очередного отца Панкратия или там матери Елпидии, у которых она «сподобилась взять благословение», и уйдет. А Пан мой потом ходит в печали и ноет: мол, он прожигает жизнь в душепагубных занятиях, христианин из него никакой, и так далее, и тому подобное. Уж, право, отец Григорий из нашего храма и то куда лучше в этом смысле, чем свекровь: он мастак про духовную жизнь вещать, но ссылается всё больше на святых отцов, а святые отцы что – они ж когда-то раньше жили, чаще всего давно, притом они святые, возведены на пьедестал... ну, понятно. Но вот эти Панкратии и Елпидии...

– Они живут сейчас, и Пан сокрушается, что его современники живут вот так, а он нет, – догадалась Дарья.

– Точно! Не, я его, в общем, быстро в чувство привожу, – с некоторым самодовольством сказала Лизи, – но иногда всё это страшно бесит! Почему вообще человеку надо доказывать, что он не должен жить так, как отец Панкратий, просто оттого, что он и не отец, и не Панкратий?! Ведь это же очевидно! Что за стремление загонять себя в чужую программу? Не понимаю!

– «Колея эта только моя, выбирайтесь своей колеей!» – пробормотала Дарья по-русски.

– Что-что?

Дарья перевела и пояснила:

– Это песня такая есть у одного московского барда, «Чужая колея» называется. Там человек сознаёт, что сам виноват в своих бедах, сам заехал «в чужую колею». Хотя вроде в колее уютно, «условия нормальные», многие по ней едут, и чего бы не ехать – «доеду туда, куда все». Но в конце концов он понимает, что так нельзя, выбираться из этой колеи на собственную дорогу и других призывает к тому же. Ну, это, конечно, в советских реалиях еще писалось, когда в Московии все ходили строем в одну сторону, но это для жизни в любой системе подходит, наверное. В христианстве такого тоже много, к сожалению. Здесь-то, в Византии, еще не так, в России это куда заметнее, я когда в монастыре жила, так много чего повидала... Обычно считается: чтобы спастись, надо жить по определенным стандартам, непременно соблюдать кучу правил, иначе впадешь в заблуждение или вообще погибнешь... Знаешь, может, всё еще не было бы так плохо, если бы сами эти подвижники не говорили, что если ты не будешь жить так и так, то не спасешься. Но они ведь всё время это повторяют...

– То есть абсолютизируют свой опыт? Если я достиг совершенства таким способом, то уже никаким другим его не достичь?

– Вроде того. Хотя это и странно.

– Да уж! – фыркнула Лизи. – Особенно на фоне так прославляемой добродетели смирения! Но и от нее есть своя польза: я всегда призываю Пана смириться и успокоиться мыслью, что он просто не может дотянуть до уровня отца такого-то, и потому лучше ему держаться своего уровня. «Держи, что имеешь», и так далее. – Она засмеялась. – Он вообще-то уже ничего, не так заиклен на всех этих правилах, как раньше, но иногда у него случаются э-э... припадочки благочестия.

– И в чем они выражаются? – с улыбкой поинтересовалась Дарья, отметив, что Лизи, несмотря на всю свою светскость, кажется, неплохо знакома с Новым Заветом.

– Ну, он пытается меня убедить каждое воскресенье причащаться, например. Или, – Лизи усмехнулась, – периодически всё еще пеняет, что я не хочу воздерживаться в посты, кроме Великого, и еще там во всякие кануны праздников... Ты понимаешь, о чем я, да? Ну, конечно, мы не занимаемся любовью накануне причастия, но насчет остального я ему сразу сказала, что не собираюсь так «поститься» чуть не круглый год. Я же сразу посчитала – это больше двух третей года, обалдеть вообще!

Дарья едва не поперхнулась чаем: она не ожидала такого поворота темы, и тем более для нее стала открытием позиция Панайотиса.

– И что, – проговорила она, – он... согласился не воздерживаться?

– Еще как согласился! – Елизавета рассмеялась. – Ну, я, конечно, выступила с его же оружием, процитировала апостола, что «муж не владеет своим телом, но жена», да еще припугнула... нежелательными последствиями в случае, если он заупрямится и будет держать меня на голодном пайке. И он сразу сделался милым и стоворчивым! Ну, а потом ему и самому понравилось. – Лизи подмигнула Дарье.

– Находчивая ты! – сказала та с невольным вздохом. Лизи внимательно взглянула на нее и спросила удивленно:

– А разве вы с Василем соблюдаете... все эти дни?

– Ага, – призналась Дарья. – Мы это и не обсуждали даже... Ну, это, в общем, не так уж и сложно, – добавила она, к собственной досаде ощущая, что в ее голосе не хватает уверенности.

– Хмм, – протянула Лизи недоверчиво и, не удержавшись, спросила: – И что, Василь никогда не пытается приласкаться в неположенное время?!

Дарья качнула головой. Ей было трудно да и не хотелось обсуждать эту тему. Не потому, что она сочла вопрос Лизи бестактным: может, она бы и поговорила об этом... если бы сама была так же уверена в собственной правоте, как Елизавета – в своей. Но такой уверенности Дарья

не ощущала. Напротив, сейчас она почувствовала себя уязвленной: Лизи так легко смогла заставить мужа делать то, что ей нравится, тогда как Дарья...

– Извини, я разлюбопытствовалась, – сказала Елизавета. – Я просто думала, что если уж мой такой благочестивый Пан... Ладно, сменим тему.

– Да ничего! – Дарья улыбнулась как можно беспечнее.

Они заговорили о другом, но Дарья никак не могла отделаться от неприятного ощущения, что кто-то обвел ее вокруг пальца. «Неужели я завидую Лизи? – подумала она, когда они снова усаживались на свои места на трибуне ипподрома. – И значит ли это, что мне не хватает... любовных удовольствий? Или все-таки чего-то другого? Но как это понять? И как мне вообще выбрать... на свою колею?»

Ипподром окончился, принеся Василию победу и долгожданный приз – четверку великолепных коней из императорских конюшен. Муж был вне себя от восторга, и Дарья радовалась с ним и за него, ходила вместе с детьми смотреть на лошадей и искренне восхищалась вороными красавцами... Но тоска продолжала ворочаться на дне души, и Дарья чувствовала, что независимо от того, удастся или нет ей в ближайшее время понять, какие «демоны» ее терзают, к прежней жизни возврата уже не будет.

Алхимия вкуса

Январь подошел к концу, а Дарья по-прежнему работала в лаборатории. Зачем? Она сама толком не понимала, чего ждет, но все-таки не увольнялась, а детей после нового года отдала в детский сад. Няня огорчилась, когда Дарья сообщила, что больше не нуждается в ее услугах.

– Мне пришлось по душе ваши дети, – сказала Миранда. – Жаль, что мы так быстро расстанемся... Что ж, если вам когда-нибудь понадобятся услуги няни, имейте меня в виду.

– Обязательно! – уверила ее Дарья: девушка понравилась и ей, и детям.

Впрочем, Макс и Дора вскоре забыли о няне. В садике на них обрушилась масса новых впечатлений, завелись новые друзья... и даже первые враги, с которыми Максим порой лез в драку. Феодора быстро стала в группе звездой по рисованию, и воспитательница посоветовала Дарье в будущем отдать дочь в художественную школу. Словом, за детей можно было только порадоваться. Василий целыми днями объезжал выигранную четверку лошадей и готовился к скачкам, проводившимся ежегодно 25 февраля по случаю дня рождения августы. В общем, все были довольны, а Дарья делала довольный вид.

Правда, случилось то, чего она опасалась: Макс начал клянчить наладонник с играми – другие мальчишки вовсю «резались» в пиратов и «спасателей», и ему тоже хотелось похвастаться, что он прошел очередную ступень... Дарья не была принципиальной противницей подобных развлечений, хотя сама считала компьютерные игры бессмысленной тратой времени и никогда в них не играла, но она боялась, как бы дети, пристрастившись к ним так рано, не стали бы в итоге компьютерными маньяками, которые, вместо того чтобы читать книги и гулять, проводят время, прилипнув к экрану. Дарья не хотела такой участи для своих детей и категорически отказалась покупать сыну игры, как он ни клянчил и не возмущался.

– Ну почему ты так непреклонна, мама?! – в конце концов воскликнул он пафосно. – Почему ты не хочешь? Ведь у всех...

– Мне не интересно, что там «у всех», – строго ответила она. – И тебе это не должно быть интересно. Ты должен хотеть чего-то не потому, что оно есть у других, хотя бы и у всех, а потому, что оно нужно лично тебе. И ты должен понимать, зачем это тебе нужно. Когда я была маленькой, у нас не было никаких компьютерных игр, но мы с друзьями никогда не скучали. Мы сами придумывали себе игры, сочиняли целые миры, героев и их приключения. Мы годами играли в них и всегда могли придумать что-нибудь новое. И я хочу, чтобы ты понял: лучше самому придумать для себя игры, чем играть в игры, навязанные тебе другими.

Макс задумался, грызя ногти – дурная привычка, но Дарья не сделала замечания, чтобы не отвлекать от важных мыслей.

– Я понял, – серьезно проговорил он. – Лучше мы с Дорой сами сочиним игру, да?

– Конечно! Это гораздо интереснее.

– Мы сами будем пиратами! – Глаза сына загорелись: идея ему явно понравилась, и он уже начал что-то придумывать.

Мальчик побежал к сестре, а Дарья задумалась. Она сказала ребенку правильную вещь... а между тем сама лишь недавно осознала, что уже несколько лет играет в игру, навязанную ей другими, пусть даже из хороших побуждений. И теперь она не знала, можно ли выйти из этой программы. И если да, то как.

Собственно от работы в лаборатории и общения с коллегами она едва ли могла получить что-то новое – этот ресурс исчерпан: мнение о людях она составила, на химические реакции насмотрелась, а реакция, шедшая в ней самой, так и не стала для нее ясной. Наоборот, всё еще больше запуталось – и виной тому был Ставрос. Единственный человек в лаборатории, оставшийся для нее знаком вопроса. Что греха таить, очень хотелось разрешить загадку по имени Алхимик! Или хотя бы понять, что означали те несколько фраз, которые он сказал ей за время

знакомства. Когда она думала об этом, ей представлялись разные объяснения, но ни на одном она не могла остановиться. То казалось, что эти слова ничего не значили, вернее, были просто общими фразами, так подошедшими к ситуации именно по своей универсальности, а вовсе не из-за догадок Ставроса о Дарьиных тайнах. В самом деле, что может быть банальнее пожелания успеха в «великом делании», если понимать это как символ жизненного пути, или замечания, что человеку иногда хочется большего? Такое истолкование представлялось успокоительным, но... чересчур простым. Слишком обычным для объяснения слов такого человека, как Алхимик. И его фразы начинали казаться Дарье непонятными и интригующими, с глубоким двойным дном...

Как же узнать правду? Будь на месте Ставроса, например, Аристидис или Йоркас, Дарья давно бы завела наводящий разговор. Но Алхимик был слишком закрыт, слишком молчалив, слишком язвителен... Правда, над ней он до сих пор ни разу не насмешничал и вроде бы даже проявлял некоторую симпатию... Нет, это слово тут не подходило. Он... выказывал благоволение. Благородно снизошел до того, чтобы защитить от Контоглу, блеснул под Рождество великолепным подарком... А еще наблюдал за ней и наверняка пришел к каким-то умозаключениям. Вот что хотелось узнать! Если его слова имели скрытый смысл, то он, конечно, проистекал из тех выводов, которые сделал Ставрос относительно нее. Что он там о ней напридумывал?!

Всё чаще в те моменты, когда она ловила на себе его взгляд, ей хотелось прямо взглянуть в обсидиановые глаза и насмешливо спросить: «Ну, и к каким же выводам вы пришли?» Однако она сознавала, что у нее вряд ли выйдет задать вопрос так насмешливо, как вообразилось, а Ставрос в ответ, пожалуй, съязвит или, в лучшем случае, выдаст очередную фразу с двойным дном, да и не говорить же об этом с ним за чаем, при всех!.. Если же заговорить с ним вечером, когда они изредка оставались в лаборатории одни, то это выглядело бы вызывающе или, по крайней мере, странно: малознакомая сотрудница вдруг ни с того, ни с сего требует отчета в том, что о ней думают... Как будто человек не имеет полного права думать о других что угодно, ни перед кем не отчитываясь!

Наконец, пятого февраля мироздание решило сжалиться над ней. В тот день она работала во вторую смену, Эванна отпросилась уйти на час раньше – торопилась попасть к зубному, – и Дарья, в одиночестве убирая использованные пробирки, расставляя по коробкам «зелья», как она мысленно называла результаты экспериментов, и заполняя компьютерный журнал, не заметила, как осталась в лаборатории одна, если не считать Алхимика, который, как обычно, еще возился в своей стеклянной «пещере». Он вышел оттуда как раз тогда, когда Дарья застегнула молнию на сумочке, готовясь уходить. Она сняла с крючка ключ от лаборатории, чтобы отдать Ставросу, и, повернувшись, внезапно почти столкнулась с ним самим.

– Я тоже ухожу, – сказал он.

– А, хорошо, – ответила Дарья и вдруг спросила, сама не зная, зачем: – Сегодня решили закончить пораньше?

– Нет, это вы сегодня задержались.

– Разве? – Она взглянула на часы и увидела, что действительно провозилась дольше обычного. – Да, и правда...

Алхимик не сводил с нее своих бездонных глаз, и это смущало. Она взяла сумочку и, неловко шагнув в сторону, пробормотала:

– Что ж, тогда пойдемте, – и направилась к двери.

Ставрос последовал за ней, но у выхода быстрым и по-кошачьи грациозным движением обогнал и распахнул дверь лаборатории. Дарья смущенно улыбнулась и вышла. Она думала, что Алхимик сразу же простится и уйдет, но он остановился рядом и, когда она повернула ключ в замке, сказал:

– Раз уж сегодня мы синхронно закончили работу, госпожа Феотоки, быть может, вы составите мне компанию? Я собираюсь поужинать в ресторане здесь неподалеку.

Сердце Дарьи сделало кувырок в груди. Вот она, возможность с ним поговорить, наконец-то! Правда, Дарья не могла с ходу сообразить, как завести разговор с Алхимиком о том, что ее в последнее время так сильно интересовало... Но не упускать же случай пообщаться в неофициальной обстановке с тем, кто давно будоражит любопытство!

– Спасибо, я не против, – ответила она с улыбкой.

Дарья хотела по дороге спросить Ставроса, какой опыт он сегодня проводил – она заметила, что реакция была многоэтапной и долгой, – но у нее зазвонил мобильник, и она проболтала с Иларией до самого ресторана. Она догадывалась, куда Ставрос поведет ее, и действительно, минут через десять они усаживались за столик в «Алхимии вкуса». Ресторан был очень уютным и оформлен соответственно названию: приглушенное освещение, отделанные под камень стены и сводчатый потолок, электрические камины в виде древних печей с горном, там и сям на перегородках между столиками котелки и пробирки, в которых вместо химических смесей представлены яства и вина, на столах графины с водой в виде колб, салфетки с узором из алхимических знаков и свечи в тяжелых медных подсвечниках. Дарья с восхищением оглядывалась вокруг. Она так редко бывала в хороших ресторанах, что едва могла вспомнить, когда в последний раз посещала подобное заведение. Пожалуй, полтора года назад, когда Елизавета пригласила их с Иларией отметить свое новое назначение: о том, чтобы стать ведущим программистом в «Гелиосе», она мечтала несколько лет. С мужем Дарья иногда ходила в «Мега-Никс» или небольшие таверны, которые наводняли Константинополь, особенно в черте старого Города. Но в целом Василий предпочитал домашнюю стряпню, и Дарье после свадьбы пришлось не только еженедельно совершенствовать свой талант в области выпечки пирогов, но и пристально изучить поваренную книгу и тонкости греческо-турецкой кухни. Колдовать у плиты, конечно, было интересно, но иногда всё же утомительно...

– Нравится вам здесь? – спросил Ставрос.

– Да, красиво!

– Кормят тоже очень недурно. Рекомендую на будущее. Но сегодня вы моя гостья, так что прошу не стесняться и пробовать всё, чего пожелаете.

Официант принес меню и лучезарно улыбнулся Алхимику как постоянному посетителю. Меню оказалось столь богатым, что у Дарьи разбежались глаза. Видя ее растерянность, Ставрос взял инициативу в свои руки:

– Чего бы вы хотели – мяса, рыбы? Вы любите острое? Пряности? Какое вино предпочитаете – сухое или послаще?

Скоро заказ был сделан: набор закусок, наполовину пряных для Дарьи, наполовину острых для Алхимика; рыбная чорба для нее, суп с потрохами для него; турецкие кёфте для нее, мусака для него; красное полусладкое для нее, сухое для него, а на десерт кофе и ассорти из медово-ореховых сладостей.

– Предлагаю выпить за хорошую еду, – Алхимик поднял бокал, – и за способных оценить ее по достоинству.

Дарья улыбнулась, и они чокнулись.

– Но вы, наверное, изначально выбрали этот ресторан из-за названия? – спросила она.

– Вы угадали. Но после первого же снятия пробы понял, что здешняя кухня достойна более пристального исследования.

– Да, очень вкусно! – согласилась Дарья, уже успевшая попробовать цацик. Казалось бы невелика премудрость – приготовить эту традиционную закуску из йогурта с огурцами и чесноком, однако далеко не везде она выходила одинаково вкусной. Здешние же «алхимики» явно положили туда, помимо традиционной мяты, еще какие-то пряности, отчего цацик приобрел

оригинальный и приятный привкус, с примесью некоторой таинственности: как ни пыталась Дарья определить, что там намешано, у нее не получалось.

– Как вам наша лаборатория? – полюбопытствовал Ставрос. – Нравится работа?

– В общем, да... Я не сталкивалась с химией со школы, интересно обновить впечатления.

А сама работа у меня не трудная.

– Да, но и с ней не всякий хорошо справится. Вы быстро научились ловко орудовать пробирками. По сравнению с вами предыдущая лаборантка походила на слона в посудной лавке.

– Что ж, это мне льстит. – Дарья улыбнулась.

– Как долго вы намерены у нас проработать?

– Не знаю... Я еще не решила. Наверное, пока не соскучусь.

– И тогда пойдете куда-нибудь еще? Или вернетесь к прежнему образу жизни?

– Может, и вернусь. Это зависит... – Тут она осеклась и умолкла.

– От чего? – Он внимательно глядел на нее.

– От того, насколько быстро мне удастся отдохнуть от прежних занятий, – ответила Дарья, надеясь, что ее голос звучит уверенно и твердо. – В любом случае я не собираюсь задерживаться в лаборатории слишком долго. Может быть, до лета поработаю...

Она изумилась сама себе, назвав этот срок, ведь прежде у нее и в мыслях не было оставаться на этой работе столько времени.

– Летом поплаваешь в море, и с новыми силами за переводы? А вам не приходило в голову, например, сменить обстановку, поехать на работу в другой город?

– Зачем? – удивилась Дарья. – По-моему, здесь и так можно найти массу разных занятий, а обстановка мне пока не наскучила. Если и хочется куда-то съездить, то просто в путешествие, а не по работе. Я пока мало что видела в Византии, только вот в Каппадокии была один раз и еще в Трое и Смирне. А посмотреть хочется много чего...

– Значит, восточнее Анатолии вы не были? Эдесса, Дамаск, Иерусалим?

– Пока нет. Но надеюсь, еще всё впереди!

– Что ж, за это надо выпить!

Они снова чокнулись, Ставрос задумчиво отправил в рот ломтик лаваша, обильно покрытый аджикой – такой острой, что у Дарьи полились слезы, когда она рискнула ее попробовать, – невозмутимо прожевал, словно это был хлеб с маслом, и сказал:

– Но я бы не советовал вам откладывать в долгий ящик. Сколько людей не осуществили свои мечты только потому, что слишком долго их откладывали!

– Ну, не всегда же можно так вот сразу всё бросить и сорваться с места. Бывают разные обстоятельства...

– Да, сначала это всего лишь обстоятельства, а потом они становятся рутинной, которая опутывает человека цепями, и он уже не освобождается из них до пенсии. А выйдя на пенсию, тоже не всегда удается предаться жизни исключительно в свое удовольствие.

– Тогда выпьем за то, чтобы рутина не затянула нас в свое болото! – засмеялась Дарья.

– В болото? – переспросил Алхимик, чокаясь с ней. – Занятное сравнение.

– Это у меня русское. – Дарья улыбнулась. – В Византии-то болот, наверное, почти нет, а в Сибири их очень много. Например, Васюганские болота на северо-востоке от Омска – вообще одни из самых больших в мире.

– Вот как? Интересно. Очень топкие?

– Летом почти непроходимы. Оттуда вытекает много рек, и еще там озер несколько сотен. Целые поля воды, только зимой можно перебраться. Зимой там нефть добывают, но в последние годы добычу сворачивать стали, потому что это плохо влияет на животный мир и растения, там много редких видов. Может, когда-нибудь додумаются, как проложить там мосты, и сделают национальный парк, но это так, мечты экологов пока. Я по телевизору видела фильм про эти болота, там правда очень красиво, хоть и топко.

Официант принес суп в небольших глиняных мисках и снял с них крышки. Запахло так аппетитно, что Дарья едва не облизнулась, выжимая в миску половинку лимона. Алхимик щедро сдобрил свой суп красным перцем и спросил:

– Вы скучаете по России?

– Нет, – призналась Дарья. – Я здесь быстро прижилась, обратно не тянет...

– Значит, у вас не сильно развита привязанность к местам. Это еще больше сглаживает дорогу к путешествиям.

– Ну, путешествия это все-таки ненадолго, это же не переселение с места на место.

– Тем не менее, бывают люди, которые настолько прикипают к тому или иному месту, что им трудно уехать даже ненадолго.

– Нет, это точно не про меня!

Рыбная чорба привела Дарью в восторг, она давно не ела такой вкуснятины и подумала: «Надо придти сюда с Василем как-нибудь».

– Кстати, – сказал Алхимик, – в августе я возвращаюсь в Антиохию и хочу открыть там собственную лабораторию. Мне понадобятся помощники, и я подумываю пригласить кого-нибудь из здешних знакомых. По крайней мере, на первые месяцы.

«Это что, намек? Он серьезно?!» Дарье сделалось немного не по себе. Не хватало еще, чтобы теперь вместо Контоглу ее стал обхаживать Ставрос! Да еще начав с таких странных предложений!

– Что ж, думаю, вы легко сможете найти помощников, – сказала она любезным тоном, чуть пожав плечами.

– А вы успели очень привязаться к Константинополю? – Алхимик не сводил с Дарьи глаз, и это нервировало.

– Я живу здесь уже пять лет, я замужем, и у меня двое маленьких детей. Константинополь мне очень нравится. В ближайшее время я не планирую уезжать отсюда. – У нее получилось ответить холодно. «Кажется, этого должно хватить, чтобы расставить точки над *i*!»

– Да, я слышал, что русским женщинам свойственна почти маниакальная жертвенность.

– О чем вы? – Она недоуменно посмотрела на него, но тут же опустила глаза: его бездонный взгляд действовал на нее слишком сильно и совсем не так, как нужно.

– Жертвовать ради других собой, своими интересами, склонностями, чувствами. Губить свою жизнь ради того, чтобы другие жили припеваючи. Отказываться от того, что дает радость и счастье, чтобы не причинять неудобства другим.

– Я вовсе не гублю свою жизнь, с чего вы взяли? – резко проговорила она. – И никому не жертвую склонностями и чувствами. Я счастлива и довольна жизнью!

– Тогда зачем вы пришли работать в лабораторию? – спокойно поинтересовался Алхимик.

Дарья вспыхнула. «Значит, он и правда догадался! – подумала она. – Те слова про дракона и эта фраза о желании большего... Наверное, глупо пытаться обмануть его. У него наверняка много жизненного опыта, чтобы понять, что у меня есть проблемы... Но ничто не обязывает меня ему исповедаться!»

– Думаю, это вас не касается, господин Ставрос, – ответила она, улыбнувшись, чтобы скрасить резкость ответа. – Захотела и пришла. Я вовсе не собираюсь ни перед кем отчитываться. К тому же это странная тема для светской беседы за ужином.

– Как скажете, – удивительно легко согласился сотрапезник. – Какую музыку вы любите?

Переход был столь внезапным, что Дарья невольно рассмеялась. В музыке Ставрос оказался любителем классики и – неожиданно – в особенности русской, девятнадцатого века. Дарья, к своему стыду, в этой области была довольно невежественна и тут же мысленно пообещала себе заполнить пробел в образовании. Она больше любила инструментал и – в этом она призналась с некоторым смущением – музыку из историко-приключенческих фильмов вроде

«Под сенью столпа», о времени святого Даниила Столпника, или сериала «Юстиниан и Феодора». Потом разговор перешел на кино. Алхимик не являлся его страстным поклонником, но кое-какие общие любимые фильмы у них нашлись – большей частью трактующие известные древние сюжеты, вроде «Троянского коня» или «Обеда в Пританее». Впрочем, в основном говорила Дарья, Ставрос же был весьма краток в оценках и часто довольно резок. Но над самой Дарьей он не язвил и никаких намеков на ее личную жизнь не делал, так что она расслабилась и получила от общения с Алхимиком большое удовольствие.

Они уже прощались возле трамвайной остановки, когда он спросил:

– Скажите, госпожа Феотоки, если б вашему мужу предложили на два-три месяца поехать за границу, например, для участия в серии соревнований жокеев, он отказался бы или оставил бы вас с детьми здесь и поехал?

Дарья растерянно смотрела на Ставроса, не зная, что ответить и нужно ли вообще отвечать на такой дерзкий вопрос. Алхимик, иронично изогнув бровь, сказал:

– Вижу, я дал вам повод для размышления. До свидания, было приятно провести с вами вечер. – И, чуть поклонившись, он исчез в толпе.

Разговор с Алхимиком, от которого Дарья подсознательно ждала столь многого, не внес ясности в ее душевное состояние. Она поняла, что Ставрос догадался о ее неудовлетворенности жизнью, что сам он – человек весьма разносторонних интересов... но и только. Не так уж много она узнала о его вкусах и предпочтениях, ощущала, что прикоснулась лишь к верхушке айсберга, – и это только еще больше разожгло любопытство. Дарья не могла решить, насколько такое любопытство допустимо и не является ли ее интерес к этому человеку... чрезмерным? Кто он ей, в самом деле? Ведь их ничто не связывает!

С другой стороны, Алхимик ее разозлил. Предложенный им вариант – сменить обстановку и уехать работать в другой город – представлялся ей совершенно неприемлемым, и она не могла поверить, что Ставрос всерьез предлагал ей поработать в будущем в его лаборатории. Зачем ему это?.. Может, он просто хотел раздражить ее, осудив жертвование собой ради других? Да еще этот прозрачный намек, что муж вовсе не стал бы отказываться от своих интересов ради нее и детей... Как Ставрос вообще смел такое говорить?! И эти слова про чувства!.. Как будто он залез к ней в душу и увидел, что там за чувства и насколько она ими кому-то «жертвует»! Что за наглость, в самом деле?!..

«Страшный циник и хам» – вспомнила она характеристику, которую Ставрос дал сам себе в разговоре с Эванной. Удобная позиция, ничего не скажешь! Попробуй, упрекни его в том, что он лезет не в свое дело, – скажет: «а я вот такой», и всё... Дарье вспомнились стихи английского поэта семнадцатого века, попавшиеся ей недавно в качестве эпиграфа к одному роману:

«А если счастлив я таким, как есть,
К чему мне ваша доблесть, ум и честь?
Несносен я, несносен буду впредь —
Не мне себя, а вам меня терпеть!»

«Пожалуй, Ставрос тоже мог бы так о себе сказать. – Она усмехнулась. – Удобно, наверное, жить по своим понятиям, ни с кем не считаясь, но что бы было, если бы все начали так жить? Покусили бы друг друга, и настала бы полная неразбериха... Какое же общество из волков-одиночек? Хорошо ему предлагать такие варианты изменения жизни, которые подойдут

только для свободных, ничем не связанных людей! Как вообще он себе это представляет: что я брошу детей и на несколько месяцев уеду? Бред!.. Да ну, даже и думать об этом не буду!»

Однако кое о чем другом из всплывшего во время их беседы, Дарья не могла не думать. Она вдруг вспомнила, что той ночью, когда они с Василием объяснились в любви, толчком к объяснению послужил именно разговор о путешествиях! Тогда она сказала, что хотела бы поехать по Византии, где столько всего интересного, а он ответил, что тоже хочет попутешествовать, но не один, а с тем, в ком найдет родную душу... И что же? Единственное большое путешествие, длиной в месяц, они с мужем предприняли в первую весну после свадьбы. Потом родился Максим, а еще через год Феодора, стало не до того, да и Василий, чья карьера возницы после победы на Золотом Ипподроме быстро пошла в гору, похоже, уже позабыл об «охоте к перемене мест», и Дарье оставалось большей частью только мечтать о путешествиях... Хотя автомобиль, полученный Василием в составе второго Великого приза три с половиной года назад, расширил их возможности, дальше Каппадокии на восток и Адрианополя на запад они не заезжали. Причина была вроде бы уважительная: маленькие дети, которым тяжело переносить длительные переезды и целыми днями ходить с родителями по достопримечательностям. Но ведь они вполне могли бы оставить детей на попечение бабушки и куда-нибудь съездить вдвоем...

«Надо будет обсудить это с Василем ближе к Пасхе, – подумала Дарья. – Что там Ставрос говорил: Эдесса, Дамаск, Иерусалим... С ума сойти, я даже в Иерусалиме до сих пор не была! И в Афинах тоже, а ведь это почти вторая столица... Да, тут Алхимик, конечно, прав: нельзя бесконечно откладывать, годы-то идут...»

Что ж, спасибо Ставросу: по крайней мере, одну хорошую идею он подсказал. А в остальном... Очевидно, его способы сделать жизнь насыщенной пригодны для людей, не связанных семьей и детьми. Неизвестно, как с этим у него самого, но уж если он может себе позволить на полтора года уехать работать в другой город и посвящать почти всё свободное время исследованиям, семейные обязанности его явно не тяготят... Видимо, Дарье не стоит больше ожидать полезных советов от Алхимика, и этот последний сюжет ее лабораторной жизни надо считать исчерпанным. А значит... пора и увольняться?

Дарья думала об этом весь следующий день. Работа шла своим чередом, только Контоглу был почему-то мрачным, не улыбался и даже растерял вальяжность. Эванна на вопрос Дарьи, что с ним такое, не смогла сказать ничего вразумительного, только предположила: «Может, что-то семейное...» Ставрос за чаем имел отсутствующий вид и не принимал никакого участия в разговоре, на Дарью не глядел, а когда она вечером зашла к нему отдать ключ, поблагодарил и попрощался, едва оторвавшись от микроскопа, даже не улыбнулся. Дарье стало немного обидно. «Чего же я хотела? – одернула она себя. – Чтобы он рассыпался в комплиментах? вспомнил о вчерашнем ужине? пригласил снова?» Хотя... признаться, она вовсе не против нового приглашения. Но, впрочем, это было бы уже как-то... слишком похоже на ухаживание. И, строго говоря, мечтать о таком не следует.

По дороге домой она снова задумалась о том, что Алхимик, помимо любопытства и теперь еще негодования, вызывал у нее порой и другие ощущения. И надо, наконец, признаться себе честно: ощущения эти были совсем не такими, какие должна испытывать замужняя женщина рядом с посторонним мужчиной. И раз уже нечего ожидать, что общение со Ставросом поможет ей разобраться в своей жизни, то надо держаться от него подальше. А значит, всё в итоге опять-таки сводилось к увольнению.

Но что же потом? Она прислушивалась к себе и не могла понять, что стало с ее «внутренним демоном». Он не исчез, нет, но как будто трансформировался из неясной тоски в какое-то желание, тоже неясное. Однако появились и желания вполне определенные: например, очень хотелось путешествовать, увидеть разные византийские города и исторические памятники. Еще вдруг захотелось обновить гардероб, и после работы она отправилась на Большой Базар,

где купила два новых летних костюма – один брючный, ярко-желтый, другой голубой с синеватым узором, с юбкой ниже колен, но не до щиколоток, как она носила до сих пор. Проходя мимо ювелирных лавок, которые находились в базарном квартале сразу при входе со Средней улицы, Дарья вспомнила, что так и не спросила у Алхимика, где он покупал кулон и нельзя ли там же приобрести серьги или браслет. «Спрошу в понедельник», – подумала она.

Но с понедельника по среду Ставроса, как и Контоглу, не было в лаборатории: оказалось, оба уехали в Смирну на химическую конференцию. В четверг за чаем разговор вертелся вокруг бывших там докладов и не представилось случая заговорить с Алхимиком о чем-то другом. А в пятницу произошло событие, которое заставило Дарью позабыть об украшениях.

Анастасия принесла к чаю пирожные собственного приготовления – медовые, с фруктами и сбитыми сливками: «Решила просто так спечь, а то скоро уже Великий пост». Пирожные оказались невероятно вкусными, и Дарья, съев свое, нерешительно посмотрела на тарелку в центре стола, где красовалось последнее, украшенное аппетитной клубничной.

– Ешь, Дарья, ешь, – засмеялась Анастасия, перехватив ее взгляд. – Тебе можно, если и потолстеешь, то в пост сбросишь!

Смущенно улыбнувшись, Дарья потянулась к тарелке, взяла пирожное... и чуть не опрокинула свою чашку. Она бы задела ее и уронила на себя, если б не Алхимик: молниеносным движением он ухватил Дарью за руку, когда ее локоть был уже в двух сантиметрах от края чашки. Дарья замерла и даже перестала дышать, когда длинные пальцы стиснули ее предплечье. Повернув голову, она недоуменно взглянула на Ставроса. Он чуть улыбнулся и сказал:

– Осторожнее! Вы едва не разлили свой чай.

Ослабив хватку, он отвел ее руку от чашки и выпустил.

– Спасибо! – пробормотала Дарья, краснея.

– Какая у вас реакция! – воскликнула Марфа, восхищенно глядя на Алхимика. – Я ведь тоже подумала, что Дарья сейчас заденет, но даже ничего сообразить не успела... Ой, что я сказала: подумала, но не успела сообразить! – Она расхохоталась.

– Вот-вот, так вы и диссертацию пишете, – проворчал Контоглу. – Думаете, а не соображаете.

Марфа обиженно надула губы, но промолчала.

– Какой же химик без быстроты реакции? – заметил Аристидис. – Медленно будешь соображать, так можно и без кожи остаться или, не дай Бог, без глаз. Конечно, техника безопасности и приборы теперь не те, что раньше, но тоже всякое бывает...

– Вот именно, – кивнул Ставрос.

Дарья принялась за пирожное, но почти не ощущала вкуса, пытаясь отдать себе отчет, почему прикосновение Алхимика, даже через одежду, так взволновало ее. Но отчет никак не вырисовывался в голове, а сердце колотилось так, будто случилось нечто из ряда выходящее. Хотя ничего ведь особенного, Ставрос всего лишь помог избежать неприятности, естественный жест, только... Его движение, когда он отводил ее руку в сторону, было... очень плавным, и властным, и нежным одновременно. Словно фигура танца. Дарье вдруг представилось, как Алхимик мог бы таким же движением развернуть ее к себе и... По телу волной прошел трепет, и она быстро поставила на стол чашку.

«Почему я об этом думаю?!» Дарья ощутила, как ее щеки запылали, но, к счастью, этого вроде бы никто не замечал: все увлеклось воспоминаниями о несчастных случаях, происходивших в их практике во время химических опытов. Видел ли Ставрос, что с ней творится? Боясь, как бы он о чем-нибудь не догадался, она не решалась взглянуть на Алхимика, хотя сознавала, что плохо поблагодарила его за избавление ее юбки и коленей от неприятной встречи с горячим чаем.

– И тут опыт вышел из-под контроля, и... – точно сквозь вату донесся до нее голос Йоркаса, и она вздрогнула.

Опыт вышел из-под контроля! Вот как всё это называется. Неизвестно, когда и почему это произошло, но Дарья, похоже, уже не в состоянии контролировать мысли и эмоции, которые вызывает у нее Алхимик. И к тому же не понимает, почему он так действует на нее. Но надо ли понимать это? Кажется, довольно и понимая, что она утрачивает власть над собой. «Я должна уволиться, – подумала она. – Наверное, это единственный выход».

Вечером она окончательно утвердилась в этой мысли, когда посмотрела с мужем один фильм. Хотя после упрёка, брошенного Евстолией брату, они и не стали ходить в кино так же часто, как в музеи, но дома начали по пятницам смотреть вместе фильмы, а потом за поздним чаем обсуждали увиденное. Правда, Василий предпочитал кино о войне и боевики, а Дарья не любила смотреть, как люди гибнут или избивают друг друга. Ее больше тянуло на картины с приключениями, любовными историями и счастливым концом. Однако теперь она порой задумывалась о том, что счастливый конец обычно совпадал со свадьбой героев или с рождением первенца, а дальнейшее не показывали – словно бы отныне жизнь непременно потечет счастливо и безоблачно... В конце января, блуждая по интернету, Дарья наткнулась на отзыв о фильме «Право на ошибку» – как значилось в аннотации, драма рассказывала о коллизии, случившейся с героями после нескольких лет безмятежной семейной жизни, – и сегодня решила посмотреть его вместе с мужем.

Василию фильм не понравился. Точнее, снят он был хорошо и актеры играли прекрасно, но поведение героя Василий считал слишком жестоким: конечно, чувства обманутого мужа понятны, но зачем прямо-таки убивать любовника жены? Оправдать можно лишь состоянием аффекта... Но еще больше Василия возмутило поведение героини.

– Нет, я ее не понимаю! – решительно заявил он. – Чего ей не хватало в жизни? Муж любит, красивый, умный, работающий, ребенок чудесный, дом – полная чаша, любимая работа, светская жизнь... Чего ее понесло за этим ловеласом? Неужели только из-за того, что он... был так хорош в постели?

– Судя по фильму, ее муж в этом смысле тоже был неплох, – заметила Дарья, чуть покраснев. – Так что дело не в этом, мне кажется...

– А в чем? Ты поняла? Я совсем не понял. Как будто... вожжа под хвост попала, и лошадь понесло! Так бывает, конечно... с лошадьми. Но мы же люди! Должны же быть более разумные причины...

– Может, ей стало не хватать романтики? – предположила Дарья. – Муж много работает, дома надо с ребенком заниматься, готовить, весь этот быт... А тут как бы такое легкое всё, веселое: прогулки, рестораны, море, карусель...

– И постель... Нда... И что, ради этого стоило вот так всё разрушать?

– Но она же в итоге сама поняла, что не стоило.

– Когда уже было поздно!

– Так что ж! – вздохнула Дарья. – Люди часто совершают поступки, не думая о последствиях. Наверное, в этом и мораль: прежде чем поддаться порыву, подумай, к чему это может привести...

– Ну да, – проворчал Василий, – только откуда этот порыв изначально возник, я так и не понял. Прямо напрашивается банальное «бес попутал»...

– Ну, а почему нет? – Дарья усмехнулась. – Вон, в патериках полно историй вроде: двое встретились, бес попутал, и они пали, чуть ли не в ту же минуту... Всё просто, никакой тебе психологии! Не то что тут – на несколько дней завязку растянули... Какой-нибудь отец Никанор отсюда вывел бы мораль, что надо заниматься непрерывной молитвой и не смотреть по сторонам... а еще лучше ходить в парандже!

Они посмеялись, на том разговор и кончился. Но ночью Дарья долго не могла уснуть. Василий давно спал, раскинувшись поперек кровати и даже немного оттеснив жену к краю, а она все еще думала о фильме. На самом деле она поняла, что двигало героиней, но говорить

об этом с мужем представлялось нереальным. Разве объяснишь эту магию случайного взгляда, поворота головы, улыбки, жеста или фразы, после которых мысль снова и снова возвращается к человеку, даже помимо воли и желания? Или как объяснить очарование первого знакомства, смутное желание проникнуть в чужую душу... и подспудное – заинтересовать собой, подружиться, быть может... Здесь была некая тайная алхимия, и можно ли точно знать, почему в одном случае начинает идти реакция, а в другом нет? Это понятно как некий феномен – но, наверное, только тогда, когда сам имеешь похожий опыт. Именно это Дарью и напугало: не потому ли она поняла героиню фильма, что сама в последнее время испытывала подобное?

«И вот, к чему это может привести! – подумала она. – Если, конечно, вовремя не остановиться... Но разве стоило это мимолетное приключение того, что случилось потом?! Брр... Нет, всё это нужно вырвать, пока оно не пустило слишком большие корни! Повезло мне наткнуться на этот фильм! Теперь я уж точно знаю, что делать». Наутро она сказала мужу:

– Знаешь, я решила уволиться. Думаю, я уже достаточно проработала, кое-что почерпнула для себя, а больше мне там делать нечего. Подналягу опять на переводы, а там, может, еще что-нибудь придумаю...

Василий обрадовался ее решению, а когда она завела разговор о поездке в Иерусалим после Пасхи, воскликнул:

– Хорошая идея! Только не прямо на Светлой, там же будут толпы! Ну, обсудим еще, надо сориентироваться, что у меня со скачками.

В понедельник, перед тем как отправиться в лабораторию, Дарья зашла в отдел по персоналу и написала заявление об уходе. Согласно контракту, после подачи заявления она должна была проработать еще десять дней.

Когда Дарья объявила коллегам по лаборатории, что увольняется, больше всего огорчились Эванна, тетя Вера и Аристидис. Впрочем, все женщины так или иначе поохали, Контоглу посетовал на «завистницу-судьбу», которая отнимает у лаборатории самое восхитительное украшение, Перье согласился с ним, а Йоркас поспешил всех утешить соображением, что «надо делиться с ближними» и госпожа Феотоки, конечно, украсит своим присутствием и талантами какой-нибудь другой достойный коллектив... А вот Ставрос не сказал ничего, и Дарью это слегка разочаровало. Хотя поначалу она, напротив, боялась его возможной реакции: выйдя из отдела по персоналу, она вдруг подумала, что Алхимик может догадаться, почему она решила так внезапно «сбежать» из лаборатории. Она тут же сочинила правдоподобное объяснение: ей предложили сделать срочный перевод, интересный и за хорошие деньги, а она, в общем-то, уже отдохнула и решила вернуться к прежним занятиям. Кажется, все должны поверить, но что подумает Ставрос? Мысль о том, что он может заподозрить истинную причину, была невыносима. Дарья мужественно готовилась поймать косой насмешливый взгляд или даже услышать двусмысленную реплику... Но вместо этого Алхимик ее попросту проигнорировал. Если не считать того, что, когда Лопес бодро пожелал Дарье дальнейших успехов на жизненном поприще, Ставрос сказал:

– Да, это главное.

С этого дня Алхимик перестал обращать на нее внимание: ни разу больше она не встретила его улыбки, не ловила на себе взглядов за чаем, а его «здравствуйте» и «до свидания» были абсолютно сухи и невыразительны. Казалось, Ставрос потерял к ней всякий интерес: так сказать, уходите – и скатертью дорога. Строго говоря, надо было этому радоваться. Но почему она чувствовала обиду? В конце концов, они чужие люди, всегда такими были и будут, а через две недели она уйдет с работы и, скорее всего, никогда больше его не увидит. В целом она общалась с ним меньше, чем с другими коллегами по лаборатории, если не считать того ужина в ресто-

ране. Они почти ничего не знают друг о друге, а единственная беседа наедине не выявила между ними особенной общности или близости. Так в чем же дело? Почему ей хочется... чтобы он пожалел о ее уходе? Да, хотелось именно этого, надо быть честной перед собой. Неужели дело в той виденной в кино алхимии, которая в конечном счете ведет ко греху, к падению, к ужасным последствиям?.. Но почему именно Ставрос подействовал на нее так странно? И почему она поддалась этому воздействию – она, у которой есть любимый муж, любящий ее, заботливый и красивый, к тому же готовый пойти навстречу ее пожеланиям? Что вообще происходит?!

Такие мысли занимали ее всю неделю, но ответа на свои вопросы Дарья так и не нашла, а от равнодушия Алхимика становилось всё обиднее. Во вторник на Масленице – последней ее рабочей неделе в лаборатории – Дарья снова вспомнила, что хотела спросить Ставроса о том, где он покупал кулон: она работала во вторую смену, и это было удобно сделать вечером, когда остальные разойдутся. Она сознавала, что ей даже больше хотелось не узнать о кулоне, а снова обратить на себя внимание Алхимика... Но Дарья отмела все аскетические соображения: еще несколько дней – и они распрощаются навсегда, а значит, какая разница, искустся ли она немного больше от разговора с ним или нет! Зайдя к нему отдать ключ от лаборатории, она, набравшись смелости, сказала:

– Господин Ставрос, простите, можно вам задать один вопрос?

Он посмотрел на нее не удивленно или с любопытством, а внимательно и остро. Дарья невольно порозовела.

– Да, пожалуйста, я вас слушаю, госпожа Феотоки.

Очень вежливо и в то же время... словно бы с тайной усмешкой. Или это показалось ее разыгравшемуся от нервов воображению?

– Я только хотела спросить... где именно вы купили этот кулон? – Она дотронулась до дракончика. – Я подумала... может быть, там продается что-нибудь еще в таком же стиле... серьги или браслет, например.

– Мечтаете о комплекте?

– Что-то в этом роде.

– Видите ли, я могу сказать, где купил кулон, это одна не слишком помпезная ювелирная лавка на Большом Базаре. Но дополнения к нему в том же стиле вы там не найдете. – Говоря это, Ставрос поглаживал кончиками пальцев колбу с красноватой жидкостью, стоявшую перед ним на столе. Взгляд Дарьи приковался к его руке, и эти медленные круговые движения почему-то вызвали у нее сердцебиение и странную сухость во рту. Она слотнула и вдруг осознала, что Алхимик уже закончил говорить и пристально смотрит на нее.

– Почему? – спросила она, вспыхнув, ужасно раздосадованная и его ответом, и тем, что он поймал ее на любовании его руками, и собственной «дурацкой» реакцией на всё это.

– Потому, что этот кулон мне делали на заказ.

Дарья едва поверила своим ушам.

– То есть вы... нарочно заказывали его...

– Для вас, – спокойно окончил за нее Ставрос. – Почему вас это так удивляет?

– Но... – Все ее мысли вдруг рассыпались, точно бусы с порванной нитки. – Вы же тогда сказали, что это... было не очень дорого... и там можно найти и не такое...

– Найти или заказать, не всё ли равно. – Алхимик пожал плечами. – Там действительно делают вещи на заказ относительно недорого.

– Относительно?.. Но... это не... – Она судорожно принялась тереть кулон. – Я не...

Ставрос скрестил руки на груди.

– Уж не собираетесь ли вы вернуть его? – спросил он холодно. – Я не затем делал вам подарок, чтобы принимать его обратно только потому, что вам взбрела в голову идиотская

мысль, будто подарки от чужих людей непременно должны быть безвкусной и легко доступной дешевкой!

Дарья отчаянно покраснела. Ей хотелось провалиться сквозь землю. Уж чего она меньше всего ожидала, это ссоры с Алхимиком в результате этого разговора!

– Простите меня! – проговорила она. – Я не хотела вас обидеть! Я вовсе не думала, что ваш подарок должен быть... дешевкой... Я просто не ожидала...

– Похоже, вас еще будет подстерегать в жизни много неожиданностей. – Ставрос хмыкнул. – Ладно, будем считать, что этого разговора не было. Обещаю, к завтрашнему дню я напишу вам и даже нарисую, где искать эту лавку. Вы легко сможете заказать там что-нибудь для комплекта, показав им кулон. А сейчас прошу меня извинить, мне нужно еще закончить эксперимент.

– Да, конечно, – пробормотала Дарья. – Спасибо!

На следующий вечер Алхимик вручил ей листочек со схемой, как попасть на Базаре в искомую лавку: с улицы Златокузнецов свернуть после магазина «Офирское золото» в узкий проход и спуститься вниз по лестнице – именно там, в подвале, находилась хорошо известная ценителям ювелирная мастерская под названием «Пояс Афродиты».

– Путь туда мрачноват, но бояться нечего, там никого не грабят и не убивают, – добавил Ставрос. – Там вам сделают именно то, что нужно.

Поблагодарив Алхимика и попрощавшись, Дарья отправилась домой в смутных чувствах. Вероятно, это был их последний разговор наедине: ей оставалось работать всего два дня, но завтра будет обычный день, а в пятницу она собиралась принести на прощальное чаепитие блины и пироги собственного приготовления, которые вряд ли заставят Ставроса разговариваться... А между тем в голове неотступно вертелся вопрос: «Почему?» Почему он заказал для нее кулон, а не купил готовое украшение? Почему выбрал именно уроборос? Почему говорил фразы с двойным дном? Почему позвал в ресторан? Почему предлагал работу в своей будущей лаборатории? Почему делал все эти намеки на грани нахальства? Почему игнорировал ее поначалу, когда она только пришла в лабораторию, и в эти последние дни, когда она решила уволиться? Почему он вообще ведет себя так... своеобразно?..

Но, разумеется, она уже ничего не узнает, надо с этим смириться. Еще два дня, и их жизненные пути, скорее всего, больше никогда не пересекутся. И от этой мысли Дарье было почему-то обидно, если не горько. Еще одно «почему», на которое, пожалуй, лучше и не искать ответа...

– Ты чего грустная? – спросил Василий за ужином. – Что-то случилось?

– Нет, – мотнула она головой. – Просто... немного жаль уходить из лаборатории. Оказывается, я уже там ко всем привыкла. А тут получается: уйду и всё, больше ни с кем и не увижусь никогда, наверное... Разве что случайно встретимся. Жалко...

– Понятно. Ну, это пройдет.

– Да, конечно, пройдет!

«Ну и хороша же я врать! – думала Дарья, лежа час спустя в пенной ванне. – Врать, лукавить... И ведь уже не первый раз. Это что же, вот плоды этого „лабораторного“ опыта? Научилась лгать мужу, получила в подарок эксклюзивное украшение... Испытала всякие... гм... неприличные эмоции... А каков итог? Что я поняла в своей жизни? Кажется, только еще больше непонятого стало! Почему, например, Василию я могу солгать и не покраснею, а Ставросу не могу? Ведь куда правильной было бы совсем наоборот!.. Наверное, потому, что знаю: Василь мне верит и не ждет от меня вранья, а вот Ставрос... Почему иногда такое чувство, что он меня насквозь видит? Или это просто эффект от его черных глаз?.. Все-таки я ужасная, ужасная! Главное, вроде и стыдно перед Василем, а прощения не попросишь... Зачем, в самом деле, его огорчать? Лучше пусть ничего не знает. Всё равно послезавтра эта эпопея, наконец,

закончится! Да вот, это воскресенье Прощеное как раз, попрошу прощения у него за всё, хоть так...»

В четверг вечером Эванна отпустила Дарью, сказав, что задержится в лаборатории, чтобы доделать отчет. Остальные коллеги уже разбежались, Алхимик вроде бы тоже собирался уходить. Дарья вышла из лаборатории и задумчиво побрела по коридору. Вот и всё, ей оставался здесь один день работы. Завтра она простится с коллегами, Эванна вручит ей свои координаты для связи и, наверное, пригласит в гости... Интересно, как бы отнесся Василий к ее поездке в одиночное путешествие? До сих пор они везде ездили вместе... Правда, иногда она путешествовала с Иларией, но только на день-два и недалеко.

«В Ирландию съездить было бы здорово! – подумала Дарья, медленно спускаясь по лестнице. – Ну ладно, посмотрим, не буду загадывать! К тому же меня еще никто и не приглашал...»

– Я вижу, вы не очень торопитесь? – вдруг раздался у нее за спиной бархатный голос, и через секунду рядом оказался Ставрос.

– Нет, – ответила она, внутренне подбираясь. Сегодня и правда некуда было спешить: детей до завтрашнего вечера забрала к себе соскучившаяся бабушка, а муж сказал, что вернется с ипподрома поздно. Но к чему этот вопрос? Искоса глянув на Алхимика, она поймала улыбку, которой не видела уже давно... да нет, всего недели две, а казалось – уже так давно, давно... Дарья поскорей отвела взгляд, чтобы Ставрос, чего доброго, не отгадал по глазам, как она обрадовалась его улыбке.

– Не хотите составить мне компанию в «Алхимии вкуса»?

У Дарьи занялось дыхание. Она чувствовала, что не должна соглашаться, и могла бы легко отговориться необходимостью идти домой к детям. Но осторожность притуплялась сознанием, что скоро она уволится и больше никогда не увидит Ставроса – и эта же мысль невольно подталкивала принять предложение: может она получит-таки ответы на какие-нибудь из своих «почему»? К тому же прошлая беседа с Алхимиком навела ее на некоторые хорошие соображения – например, насчет путешествий... Что, если и теперь, вольно или невольно, он подаст ей интересные идеи на будущее? Да и что такого, если она поужинает с ним? Никакого греха здесь нет, ничего плохого она делать не собирается... За прошлым ужином он, конечно, порой говорил несколько дерзкие вещи, но это были только рассуждения, он ведь не приставал к ней и не намекал ни на что подобное, чего же ей бояться?..

– Спасибо, с удовольствием, – ответила она и улыбнулась. – Я до сих пор вспоминаю тамошнюю еду.

– Почему же не побывали там снова, раз вам так понравилось?

– Да как-то всё некогда...

– Рутину затягивает в болото? – насмешливо спросил Алхимик.

– Все нет! Просто было много дел. Вот уволюсь, так будет больше времени на всякие развлечения.

– То есть вы не собираетесь снова с головой окунаться в переводы? Что ж, это разумно – время от времени менять декорации. Без этого жизнь скучна и одноцветна.

– А что, вы сами много развлекаетесь? – рискнула съязвить Дарья, раздосадованная его замечанием. – Вы, по-моему, не просто с головой погружены в алхимию, но так углубились в толщу научного моря, что долго всплывать придется!

Ставрос неожиданно рассмеялся.

– В морских глубинах тоже есть свои развлечения, – ответил он. – И, как видите, я нахожу время отдать должное и алхимии вкуса.

– Ну, надо же вам где-то есть, – пробормотала Дарья. – А я в общем-то привыкла есть дома.

– Вы любите готовить?

– Да, и говорят, хорошо умею это делать. – Она улыбнулась. – Вот, завтра угощу всех вас на прощанье блинами и пирогами.

– Блины это что-то русское, как я понимаю?

– Да, в России их очень любят. А здесь совсем не пекут... Разве что гёзлеме немного похоже, но всё равно не то.

– Вы любите гёзлеме?

– Да, а вы нет?

– Люблю, но, не в обиду Константинополю будет сказано, лучшего гёзлеме, чем в Антиохии, я не едал нигде. Но мое любимое вам бы не понравилось, наверное.

– Какое?

– С брынзой и острым перцем.

– Да уж! – Дарья засмеялась. – У вас действительно слишком острый вкус... Но ведь гёзлеме – турецкое блюдо. Наверное, его лучше всего готовят в Турции?

– Возможно, хотя насчет его происхождения вы ошибаетесь, это вполне византийская еда. Оно было особенно популярно в Анатолии, но за время турецкого завоевания поменяло название, да так с ним и осталось. Турки изначально были кочевниками, с кухней у них дело обстояло неважно. Большую часть блюд они позаимствовали у византийцев. Но в Турции гёзлеме мне попробовать не довелось. Три дня в Куябе – слишком мало даже для очень беглого знакомства с их кухней. К тому же мы ели в таких местах, где подают вещи получше лепешек с начинкой. Здешние повара в целом не уступают тамошним, но вот ничего подобного куябскому «султан-кебабу» я у нас не ел. Если когда-нибудь окажетесь там, непременно попробуйте!

– Вы были в Куябе? – Дарья оживилась. – Я хотела туда съездить, еще когда училась в институте, но не сложилось... Сначала не было денег, а потом... Глупо, наверное, но я поддалась на отговоры знакомых. В Сибири ведь турок страшно не любят: «нечестивые», «осквернили мать городов русских» и всё такое... Название «Куяба» вообще не употребляют, это считается неприличным. Только Киев!

– Понятно. – Ставрос усмехнулся. – Да, турки много храмов порушили или переделали в мечети, но так бывает при победе любой религии. Современные христиане не задумываются о том, что их предки когда-то разорили сотни красивейших античных храмов, перебили и изуродовали массу изумительных статуй. С нашей нынешней точки зрения это дикость, но в те времена так не считали.

– Ну да, – согласилась Дарья, – стремление сохранять памятники только в последние сто лет так усилилось... Когда турки превращали киевскую Святую Софию в мечеть, они ни о чем таком наверняка и не думали... А вы были в тамошней Софии?

– Конечно. Турки о ней очень заботятся, как-никак музей мирового значения. Хотя неплохо бы им выделять побольше средств на реставрацию. Но в общем там всё в приличном виде, мозаики и фрески постепенно расчищают. Это ведь трудоемкая и долгая работа. А вообще, столкновение турецкой культуры с южно-русской дало очень интересный сплав: особая архитектура мечетей, минаретов, своеобразное оформление... Совсем не такое, как в Сирии или Палестине под византийским влиянием.

Беседуя таким образом, они дошли до ресторана и заняли тот же столик, за которым ужинали прошлый раз – видимо, это было любимое место Алхимика. Дарья уже смело принялась листать меню, решив сделать заказ самостоятельно.

– У вас в целом восточный вкус, – заметил Ставрос, – но вам еще надо научиться любить острое.

– Это обязательно? – Дарья рассмеялась.

– Для вас – думаю, да.

– Почему? – удивилась она.

– Человек должен питаться созвучно своему внутреннему устройению, в противном случае он будет ощущать дисгармонию.

– Хм... Никогда не ощущала тяги к чрезмерной язвительности и острословию.

– Это не важно. Индийцы говорят – и думаю, они правы, – что главные составляющие острого вкуса это огонь и воздух, и потому острое влияет на сознание и чувства в сторону пробуждения их к активному действию. Бодрит, согревает, проясняет ум.

– В самом деле? – заинтересовалась Дарья. – Вот почему вы едите такое острое? Для ясности ума и активности?

– Я бы сказал: не для, а потому, что такая пища с ними лучше всего сочетается.

– Ну, со мной острое точно не сочетается, у меня от него сразу слезы и жажда!

– Это с непривычки. Или, скорее, потому, что вы подавили в себе вашу истинную сущность.

Сердце Дарьи глухо стукнуло. Вот опять он начинает говорить намеками! Ужасно!.. Или не ужасно, а наоборот – случай узнать, наконец, что же он про нее «насочинял»? Она хмыкнула и насмешливо сказала:

– Вы так уверенно говорите, как будто постигли мою сущность!

Тут им принесли вино и оливки.

– До конца постичь человека, кто бы он ни был, невозможно, – ответил Алхимик, когда официант отошел. – Но кое-что о вас я, думаю, понял.

Его тон был вполне серьезен, и Дарья, чувствуя, как сердце колотится всё быстрее, спросила уже без насмешки:

– Что же именно?

– Давайте выпьем, а потом я скажу. – Он улыбнулся. – За непостижимость!

Они сдвинули бокалы, и Дарья подумала: «Да, хорошо ему пить за это, он и правда какой-то непостижимый... А я... Что он сейчас про меня выдаст?» – и она вдруг почувствовала себя неуверенной и даже незащитной, словно на экзамене, к которому плохо подготовилась.

– Итак, – заговорил Ставрос, – могу сказать, например, что вы целеустремленны, упорны и, пожалуй, скрытны. Между прочим, неплохие качества для ученого, а вот для лаборантки – бесполезные. Для нее хватит только внимания и аккуратности. Впрочем, их вам тоже не занимать. Вы должны быть очень хорошим переводчиком. Кстати, я так понимаю, вы с нами окончательно заскучали, раз решили уволиться, не дожидаясь лета?

Вопрос застиг Дарью врасплох.

– Нет, я не заскучала, – быстро проговорила она, – просто...

– Просто вам подвернулся срочный перевод. – В голосе Алхимика прозвучала явная насмешка.

Дарья покраснела. «Ну, раз я упорная, – подумала она, – то где упорство, там и упрямство! Буду стоять на своем!»

– Да, перевод. И вообще... работа лаборантки – не та область, где можно раскрыться. – Она пожала плечами. – Я поработала, посмотрела на людей, вспомнила химию – ну, и хватит. Что еще я могла бы почерпнуть или понять, даже если б и проработала до лета?

– Значит, я отгадал: вы хотели что-то понять. Но не поняли. Поэтому и решили уйти.

И снова ее сердце запрыгало в груди, а в душе плеснулась досада. Нет, от Алхимика решительно невозможно спрятаться за дежурными фразами! Но она ничего ему не скажет, ничего.

– Я решила уйти потому, что мне предложили выгодную работу по переводу, – сказала она так, словно вдалбливала урок непонятливому ученику. – Иногда хочется познакомиться

с разными сторонами жизни... Но жизнь слишком многогранна, чтобы знакомиться с каждой гранью чересчур долго.

– Вы правы, для такого знакомства больше подходят путешествия. Кстати, вы еще не надумали куда-нибудь отправиться?

– Да, я собираюсь поехать с мужем в Иерусалим этой весной, – бодро ответила Дарья.

Официант принес закуски, и она, наблюдая, как он выгружает их с подноса, вдруг сообщила, что Василий после их разговора о Святом городе так ничего и не сказал ей по поводу сроков поездки, хотя прошло уже полторы недели. Он собирался прикинуть, что у него со скачками... Прикинул? Надо сегодня же спросить!

Алхимик предложил выпить за удачу ее будущей поездки, и Дарья, закусив жареными мидиями, подумала, что он и за прошлым ужином, и сегодня поднимал тосты за то, чтобы в ее жизни сложилось то или другое, и ей надо бы тоже чего-нибудь пожелать ему, а то выходит невежливо.

– Давайте выпьем и за успех ваших алхимических изысканий. – Она подняла бокал. – Наверное, это очень захватывающее занятие!

– О, да! Спасибо!

Довольная тем, что удалось уйти от разговора об истинных причинах ее появления в лаборатории, Дарья решила: «Надо вести светскую беседу, говорить о том, что его может интересовать, тогда он, наверное, перестанет любопытствовать». Бессознательно любуясь, как изящно Алхимик орудует ножом и вилкой, закусывая запеченным в перце сыром, она спросила:

– А вы пробовали воспроизвести рецепт изготовления философского камня?

– И не раз! Таких рецептов существует несколько, но ни один даже близко не ведет к получению золота или эликсира мудрецов. В основном вполне банальные реакции, хотя иные из них для своего времени могли быть открытиями. Некоторые символически изображают уроборос, то есть это получение на выходе того же вещества, что было на входе. Но порой в рецептах самое красивое – их текст. Например: «Киммерийские тени покроют реторту темным покрывалом, и ты найдешь внутри нее истинного дракона...»

– А, да, я читала! Там еще ацетон образуется, но автор рецепта не понял, что он и есть главный продукт реакции...

– Вы читали книгу об алхимии? – Ставрос чуть вздернул бровь. – Какую, если не секрет?

– «Алхимия на Востоке и Западе», – ответила она, слегка смутившись, сознавая, что невольно проговорила. – Захотелось узнать о ней поподробнее.

– Да, это хорошая книга. – Алхимик улыбнулся и вдруг, остро глянув на Дарью, спросил: – Так как там поживает ваш дракон?

Дарья чуть вздрогнула и ощутила, как в ней закипает раздражение. Ну, что он привязался, в самом деле?!.. Ставрос с начала ужина практически не спускал с нее глаз: когда бы она ни смотрела на него, она почти каждый раз встречала его взгляд, который и притягивал, и пугал, и завораживал одновременно. Дарья чувствовала всё большую беззащитность перед этим человеком – от его вопросов и пронизательного взгляда, от его ума и бархатистого голоса... и вообще от него самого.

«Нет, не надо было идти с ним сюда! – подумала она. – И ведь я это знала! Разве я не знала, как он на меня действует? Я не должна чувствовать ничего такого, всё это ужасно... и опасно! От него надо держаться подальше, а я... Господи, зачем я опять поддалась на всё это?!»

Ощущения, которые приходили к ней в обществе Алхимика, и правда несколько не походили на те, что вызывал у нее собственный муж, не говоря уж о других мужчинах, к которым она не испытывала ничего, кроме мимолетного любопытства или чисто дружеских чувств. Если не считать одной институтской влюбленности, невзаимной и окончившейся ничем, но это слу-

чилось давно, и тогда Дарья была полна романтики и девических мечтаний, почти невинных. В монастыре не могло идти и речи о «всяких таких» помыслах о мужчинах – они считались грехом мысленного блуда и подлежали немедленному «врачеванию через исповедь», – а после знакомства с Василием и их скорого объяснения в любви она, разумеется, уже не засматривалась на других парней. Впрочем, при своем образе жизни она мало общалась с посторонними мужчинами, помимо ипподромных друзей Василия и мужей своих подруг, а недавние приставания Контоглу вызвали у нее лишь раздражение. Ее любовь к мужу напоминала огонь лампы, которая, раз зажженная, горит ровно и спокойно, наполняя пространство приятным золотистым светом. Общительный, хотя не излишне болтливый, Василий никогда не замыкался в себе; он был не прочь пошутить, но не имел склонности к сарказму; ходил ли он по дому или несся по ипподрому на колеснице, в его уверенных движениях не было ни стремительности, ни кошачьей грации, которые так причудливо сочетались в Алхимике. Рядом с мужем Дарья ощущала уют и тепло, он был спокойным и надежным, нежным, заботливым и... пожалуй, по сравнению со Ставросом, предсказуемым. Тогда как чего ждать от этого странного человека с поразительно темными глазами, затягивающими, словно черная дыра, было совершенно непонятно.

Нет, все-таки надо его осадить! Она в упор посмотрела на Алхимика:

– Вам не кажется, что вы слишком любопытны?

– Мне кажется, – ответил он медленно и даже вкрадчиво, – что я могу назвать еще одно ваше качество. Оно плохо уживается со скрытностью, хотя в конечном счете они могут давать интересные сочетания... взрывоопасные, пожалуй.

– Что вы хотите сказать? – спросила она почти раздраженно.

– Вы очень горячая, – ответил Алхимик по-прежнему медленно и негромко. – Очень много огня. И вы напрасно пытаетесь закидать его землей. Никакая скрытность не поможет погасить это пламя, когда реакция уже пошла. Огонь надо использовать, а не гасить.

– Я вас не понимаю! – решительно заявила Дарья, отчаянно пытаясь казаться спокойной, хотя сердце трепыхалось в груди загнанной в ловушку птицы, а на щеках снова разгорался румянец. Она яснее, чем когда бы то ни было раньше, почувствовала, как рядом с Алхимиком в ней начинает шевелиться нечто неукротимое и опасное, тяжелое и горячее, словно расплавленная магма в жерле вулкана, который еще не начал извергаться, но уже издает утробный гул и всё сильнее колыхает землю. – Вы постоянно намекаете, будто я что-то подавляю, скрываю, зарываю... Что за ерунда! Безосновательные предположения!

– Вы так полагаете? Значит, я ошибся в своих оценках? – Тон Алхимика становился всё вкрадчивее, и у Дарьи по спине поползли мурашки. – На самом деле вы ничего не скрываете и ничего особенного не стремитесь понять. Вы пришли в лабораторию просто проветриться, а сейчас с легкой душой и радостным сердцем возвращаетесь к прежнему образу жизни. Ваша жизнь идеальна, лучшей вы не можете себе и представить. Вы живете в красивейшем Городе мира, у вас обеспеченная семья, муж – писанный красавец и герой Золотого Ипподрома, любимые дети, с работой нет проблем – напротив, даже захотелось сделать перерыв, и для этого есть материальные возможности. То есть всё прекрасно, не правда ли?

«Нет, это уже слишком! Как хорошо, что я увольняюсь и завтра мы простимся навсегда!» – подумала Дарья и, подняв на него глаза, ответила с вызовом:

– Да, всё прекрасно! И я уже сказала вам прошлый раз, что моя личная жизнь вас не касается. Вообще не понимаю, почему вы ко мне привязались с этими дурацкими вопросами!

– Не понимаете? А может быть, боитесь понять? – Голос Ставроса стал теперь таким глубоким и бархатистым, что Дарья ощутила, как ее словно обволакивает мягким теплом, а от мерцания в глубине его черных глаз внезапно стало нечем дышать.

Она смотрела ему в глаза, не в силах отвести взгляд, точно заколдованная. И тут Алхимик протянул руку и медленно провел кончиками пальцев по ее кисти от запястья вниз и опять

наверх, до края рукава у сгиба локтя. Ощущения были непередаваемыми. Ее сердце пропустило удар, а затем принялось исполнять дикий танец. Дарья и не подозревала, что легкое прикосновение пальцев можно так чувствовать, что вообще у нее на коже столько нервных окончаний, от которых по всему телу мгновенно прошла волна сладкой дрожи. Она была неспособна даже шевельнуться, а не то что отдернуть руку или произнести хоть слово. Всё ее существо, казалось, сосредоточилось на мерцающих глазах сидящего напротив мужчины и на его пальцах, которые неторопливо скользили по ее коже, словно приоткрывая дверь в неизвестную, но безумно заманчивую страну... И когда Ставрос убрал руку, Дарью охватило чувство, близкое к разочарованию. Алхимик еле заметно улыбнулся, и тут она, наконец, опомнилась, быстро откинулась на спинку стула и прошипела:

– Как вы смеете распускать ваши мерзкие руки?!

– Так вы сейчас трепетали от омерзения? – ядовито спросил Ставрос.

Дарья вспыхнула и несколько секунд молчала, сверля его испепеляющим взглядом. Ее грудь порывисто вздымалась, а место на руке, где только что скользили его пальцы, горело, как от ожога. Алхимик поднес к губам бокал и, медленно потягивая вино, глядел на Дарью, казалось, забавляясь ее реакцией.

– Вам не удастся меня соблазнить! – наконец, выпалила она.

– Соблазнить? – Он насмешливо скривил губы. – Какая у вас бедная фантазия, госпожа Феотоки, – Он опустил бокал на стол и добавил неожиданно жестким тоном: – Запомните хорошенько: я вам не ловелас Контоглу, и не стоит приписывать мне столь идиотские мотивы.

Дарья растерялась.

– Тогда зачем вы... Что означают все эти ваши... намеки?

– Катализатор.

Она вздрогнула и проговорила почти шепотом:

– Что вы имеете в виду?

– Способ показать вам, а заодно узнать самому, что за реакции идут у вас внутри. Ведь это из-за них вы пришли в лабораторию.

– Вы совершенно невозможны! – заявила она после небольшого молчания.

– Зато со мной не скучно, не так ли? – Он улыбнулся.

О, да, но признаваться в этом она вовсе не собиралась! Тут им принесли горячее, и Дарья принялась ожесточенно расправляться с порцией жареной рыбы, не глядя на Ставроса. Ее потрясло то, что он, по сути, назвал ее стремление разобраться в себе точно так, как она сама – поиском катализатора, – и одновременно это испугало даже сильнее, чем ощущения от его прикосновения.

«Мне действительно нужен катализатор, но... не такой же! – думала она. – Нет, нет, это невозможно! Господи, скорей бы уже завтра и конец этому дурацкому знакомству!»

К новым горизонтам

Никогда еще у Дарьи не было такого тяжелого Великого поста. Она не раз ругала себя за то, что согласилась поужинать со Ставросом накануне ухода из лаборатории. После его дерзкой выходки она поспешила закончить с ужином, почти не разговаривая с сотрапезником, и распрощалась с ним очень холодно, а на другой день Алхимик и сам игнорировал ее, если не считать вежливой похвалы печеностям, которыми она угостила коллег. Но было еще рукопожатие – Дарья не могла от него уклониться, поскольку все пожали ей руку на прощанье, – и оно снова привело ее в смятение. На секунду Ставрос задержал ее руку в своей, как и Контоглу, но если последнее вызвало у нее раздражение, то первое... Дарья не смогла сдержать мгновенный трепет, и Алхимик, конечно, почувствовал реакцию, а потом его пальцы скользнули по ее ладони, и он бархатно сказал:

– Успехов, госпожа Феотоки! До свидания.

– Спасибо, – ответила она. – До свидания.

Не могла же она при всех сказать: «Прощайте!» – хоть и хотелось... А теперь Алхимик стал ее наваждением. Только уйдя из лаборатории, Дарья сполна осознала, насколько он успел привязать к себе ее мысли. Вспоминалась каждая мелочь: горбоносый профиль на фоне окна, поворот головы, рука с черной чашкой, острый взгляд, еле заметная улыбка, кошачья грация... Вспоминалось даже то, на что она, казалось бы, не обращала внимания: например, расположение вещей на его рабочем столе или то, как Ставрос порой задумчиво потирал кончиками пальцев левую щеку, наблюдая за ходом очередной реакции. Но невыносимее всего были воспоминания о его прикосновениях – и помыслы о том, что могло бы случиться дальше. Как Дарья ни боролась с этими мыслями, как ни молилась об избавлении от них, ничто не помогало: ни Иисусова молитва, ни усиленные занятия переводами, ни земные поклоны. Первая неделя поста прошла словно в тумане. Едва ли не впервые в жизни многие покаянные тропари Великого канона наполнились для Дарьи реальным смыслом, но, несмотря на молитвы и слезы во время церковных служб, она ощущала полное внутреннее бессилие – и никакой помощи свыше. Вечером, когда дети уложены спать, домашние дела переделаны, молитвы прочитаны, взаимные пожелания мужу спокойной ночи высказаны, Василий засыпал – он вообще всегда удивлял, а теперь даже раздражал Дарью способностью отключаться почти мгновенно, – а она погружалась в свой персональный ад.

Ее прежняя тоска, неясные желания, неопределенные стремления обрели форму и направление: она хотела вновь увидеть Ставроса, услышать бархатистый голос, посмотреть в темные глаза, ощутить его пальцы на коже – и не только это... Нет, Дарья не считала это влюбленностью. Она называла это греховным вожелением, соблазном, искушением – но почти не могла противиться помыслам. Как и не могла невольно не сравнивать Алхимика с собственным мужем, а сравнение то и дело оборачивалось не в пользу Василия, пусть даже критериев для сопоставления имелось немного, ведь Ставрос так и остался для нее загадкой. Но он был чрезвычайно умен, прекрасно образован и, в отличие от Василия, использовал полученное образование с большим толком и вкусом. Помимо немалого, по-видимому, жизненного опыта, он имел широкий кругозор – очевидно, намного превосходящий кругозор как Василия, так и самой Дарьи, – и она не могла не думать о том, как интересно с ним было бы общаться, если бы... Могли ли они стать друзьями? Просто друзьями, ничего больше! Мечта заманчивая, но неосуществимая: после всего случившегося Дарья слишком хорошо сознавала, насколько Алхимик привлекал ее как мужчина.

Но почему именно он и сейчас? Она не понимала этого, так же как не могла разгадать и смысл его поведения по отношению к ней: если он не хотел ее соблазнять, тогда почему вел себя за последним ужином как соблазнитель? Неужели ей и правда нужен именно такой

«катализатор»?! Мысль унижительная!.. Однако утром Дарья чувствовала: ей действительно не хватало в жизни ощущений и опыта подобного рода. Она даже радовалась, что «ужасный» финал знакомства со Ставросом пришелся на канун поста и впереди было полтора месяца без физической близости с мужем: вряд ли Дарья смогла бы сделать вид, что всё хорошо и она не хотела бы большего. А она хотела – сама не зная толком, в чем это большее могло заключаться. Дарья чувствовала себя ужасной грешницей, но «постыдные мечтания» продолжали одолевать; иногда она противилась, иногда сдавалась и отдавалась их потоку. На исповеди она созналась, что ее мучают нечистые помыслы, связанные с посторонним мужчиной, с которым она познакомилась на оставленной теперь работе. Дарье стоило большого труда произнести это вслух, но отец Павел отреагировал на признание совершенно спокойно.

– Такое бывает от потери внутреннего трезвения, – сказал он, – но вы не должны держаться и нервничать. Это рабочий момент, такое случается нередко, и не надо думать, будто происходит что-то из ряда вон выходящее. Эти мысли только усилят искушение: бесы нарочно стараются внушить нам, что мы очень грешны, беспросветно порочны и не можем справиться с соблазном. Лучшее средство против таких помыслов – стараться не обращать на них внимания и продолжать молиться, работать и заниматься всеми необходимыми делами. Тогда помыслы постепенно ослабеют, а потом и совсем отойдут. Главное – не оставлять тело праздным, а ум без молитвы или хотя бы мыслей о работе и прочих обязанностях.

Дарья отнеслась к этому наставлению с долей скепсиса, но когда пост перевалил за середину, вдруг осознала, что стала меньше думать об Алхимике и вспоминать всё связанное с их знакомством. Это придало ей бодрости: значит, от искушения можно избавиться! – а когда уныние отступило, отгонять греховные мысли стало еще легче. Однако тут случилась другая неприятность: муж сообщил, что намеченную на конец апреля поездку в Иерусалим придется отложить. Его неожиданно пригласили принять участие в ежегодных послепасхальных состязаниях жокеев в Эфесе, где стараниями императрицы десять лет назад был построен большой прекрасно оборудованный ипподром.

– Я не могу отказаться, – пояснил Василий, – ты же понимаешь: такая возможность отличиться! Сама августа там будет, и туда приглашают обычно по ее рекомендации...

– Ты просто не хочешь отказываться! – раздраженно ответила Дарья, сидевшая перед зеркалом, заплетая на ночь косу. – Уж конечно, все эти скачки для тебя важнее всего, в том числе путешествия со мной!

– Ну, ты что? – примирительно сказал муж. – Что ты придумала? Я же не отказываюсь вообще от Иерусалима! Мы отложим поездку ненадолго, вот и всё.

– Но я уже заказала отель, билеты! Что теперь, всё отменять? Или переносить на другие даты? Тогда на какие?

– Я уже подумал об этом: почему бы не на начало мая? Иерусалим же не разрушится за две недели.

– «Не разрушится»! – передразнила Дарья, еще больше раздражаясь и не обращая внимания на улыбку мужа. – Только вот не успеешь оглянуться, как состаришься, так и не повидав ничего интересного! Помнится, до свадьбы ты мечтал о путешествиях, а теперь тебя с места не сдвинуть, кроме как ради очередных соревнований!

– Да что ж ты так злишься, Дари? – наконец, удивился Василий. – Ничего же не случилось! Я прошу перенести поездку на две недели, только и всего.

– И ты сообщаешь об этом так, походя, между вечерним умыванием и ночными грезами, как будто это не имеет никакого значения! – Дарья резко перекинула на спину косу, встала и повернулась к мужу. – В начале поста ты говорил, что мы точно поедем в конце апреля, сейчас говоришь про начало мая, а подойдет май, так ты еще что-нибудь скажешь... Что лошадь захромала и надо за ней ухаживать! Да ведь одиннадцатого мая начнется Золотой Ипподром,

тебя наверняка попросят помочь на тренировках... И когда мы поедем? Когда на пенсию выйдем?

– Послушай, ну, так нельзя! – расстроено проговорил Василий. – Мы ссоримся на пустом месте! Я понимаю, что тебе хочется попутешествовать, мне и самому интересно побывать в Иерусалиме, но пойми и ты меня! Я возница, для меня соревнования действительно очень важны. Не так уж много у меня осталось впереди активной жизни, потом на смену придут молодые. И мне хочется в ближайшие годы принять участие во всех возможных соревнованиях, сразиться за все призы, какие бывают. Вот сойду с дистанции, стану тренером, тогда у меня будет больше времени, а пока мне не хочется упускать лишний шанс победить! И разве ты не будешь за меня рада? Раньше ты всегда болела за мои победы, а теперь тебе словно бы всё равно! – добавил он с легкой обидой.

Дарья смутилась. Она вдруг осознала, что муж прав: его победы на бегах и скачках в последние год-полтора стали трогать ее куда меньше, чем прежде, а ведь это должно задевать Василия, наверное, еще больше, чем ее – его нежелание путешествовать...

– Нет, что ты, мне вовсе не всё равно! – взяв себя в руки, сказала она. – Прости меня, я уже настроилась на эту поездку, вот и вспыхнула... Конечно, Иерусалим не убежит. Давай я перезакажу отель и билеты на конец мая. Семнадцатого Ипподром окончится, а где-нибудь двадцатого мы сможем уехать. Как ты думаешь?

– Это было бы идеально! – обрадовался муж и, подойдя к ней, нежно обнял. – Вот видишь, и ссориться не из-за чего! Прости и ты меня! Глупо я тебя обвинил... Ну, будем считать это великопостным искушением! – добавил он с легким смешком.

– Угу, – ответила Дарья, потершись носом о его плечо.

Но ни облегчения, ни радости она в этот момент, в отличие от мужа, не ощутила, поскольку откуда-то из подсознания послышался насмешливый голос: «Да, я слышал, что русским женщинам свойственна почти маниакальная жертвенность»...

Утром, включив компьютер и собираясь менять даты на билеты и отель в Иерусалиме, Дарья пребывала в унылом состоянии духа. Однако в почте она обнаружила письмо, придавшее ей мыслям новое направление. Писали из «Логоса» – переводческой фирмы, где она работала уже четыре года, имея на ее сайте страничку с резюме и списком работ. Дарье предлагали принять участие в двухнедельной конференции, посвященной истории науки, в качестве синхронного переводчика с греческого и немецкого языков на русский. Главным организатором конференции выступал профессор Мануил Димитриадис – имя, ничего Дарье не говорившее, – которому рекомендовали госпожу Феотоки как высокопрофессионального переводчика. «Логос» также дал положительную рекомендацию, и профессор с коллегами предлагали ей сотрудничество.

Письмо польстило Дарье, но одновременно удивило. Хотя она нередко переводила научные тексты, а в последние три года подтянула немецкий настолько, что могла легко переводить и с него, однако в синхронном переводе у нее до сих пор было мало опыта, всего несколько случаев не более чем дневной продолжительности, и Дарья не считала себя большим специалистом в этом деле. Почему ее рекомендовали этому Димитриадису, если у нее в резюме даже не упомянут синхронный перевод? И кто, собственно, ее рекомендовал? Она попыталась вспомнить кого-нибудь из тех, для кого она переводила, но лица сливались в памяти, и невозможно было предположить, кто из них дал ей рекомендацию. Впрочем, разве это важно? Слово всё равно за ней: в случае согласия Дарья должна сообщить в ответном письме свои данные, чтобы организаторы конференции заказали ей билет до Дамаска – именно там будет проходить

это научное мероприятие. Конференция начиналась сразу после Пасхи, в понедельник Светлой седмицы.

«Здорово! Поеду!» – решила Дарья. Но потом задумалась: «А если не справлюсь?» В течение двух недель переводить научные доклады – работа непростая и ответственная, есть риск оказаться не на высоте и не оправдать надежд приглашавших. Но, с другой стороны, это возможность как раз усовершенствовать навыки устного перевода. А еще перспектива пообщаться с представителями ученого мира, побывать в Дамаске – целое путешествие, пусть и с рабочими целями, но что-нибудь в городе она наверняка сможет посмотреть... Древний город, богатый историей и памятниками, к тому же в Сирии – имперской провинции, о которой Дарья имела довольно смутное представление, а познакомиться очень хотелось! Кроме того, предложение чрезвычайно заманчиво финансово: за две недели работы Дарья могла получить сумму, которую обычно зарабатывала переводами и уроками за два месяца.

«В конце концов, это не я им предложила свои услуги, а они сами меня приглашают, значит, риски они берут на себя, даже если я не совсем оправдаю их надежды... – думала она. – А может, и оправдаю! До Пасхи еще есть время, посмотрю в сети какие-нибудь ролики на научные темы, потренирую понимание и синхронный перевод, подучу научные термины... А Василь в конце Светлой всё равно едет в Эфес. Правда, тогда не удастся с детьми съездить на пикник... Ну, ничего, побудут с бабушкой, а когда я вернусь, еще успею погулять до праздника Города!»

Мысль о том, что до ответа на письмо надо посоветоваться с мужем, Дарья сразу отбросила: он ведь не советовался с ней, когда решил вместо Иерусалима ехать на скачки в Эфес! К тому же вот случай проверить, насколько полезна перемена места работы, о которой говорил Алхимик, – пусть ненадолго, но и две недели тоже срок. Теперь, когда Дарья получила облегчение от искушения, она почувствовала, что ее прежняя тоска трансформировалась в вожделение лишь отчасти... или, возможно, просто была им заглушена. Но стоило внутренней буре улеться, как Дарья вновь ощутила присутствие «демона», а значит, придется снова искать пути избавления от него. Так почему бы не попробовать средство, предложенное Ставросом, раз уж оно подвернулось само собой? Вот и выяснится, работает ли его... алхимический рецепт или всё это одна болтовня!

Воодушевившись, Дарья быстро написала ответное письмо в «Логос», принимая предложение. Василий, узнав о предстоящей ей командировке, был немного обескуражен, что она уезжает сразу после Пасхи, но не стал возражать – видимо, не решаясь после отложенного по его вине иерусалимского путешествия критиковать поездку жены, тем более сулившую хорошие деньги.

Дарья предполагала, что полетит в Дамаск на самолете. Однако, к ее удивлению, на другой день из «Логоса» пришло сообщение: ей куплен билет с электронной регистрацией на поезд «Восточный экспресс», который отправлялся с азиатского берега Константинополя, из Халкидона, вечером в воскресенье Пасхи; сопровождать Дарью должен один из участников конференции, но кто именно, точно пока не известно. В любом случае, госпожа Феотоки не должна ни о чем беспокоиться – ей оставалось только придти восемнадцатого апреля к пяти вечера на Халкидонский вокзал.

«Что ж, – подумала Дарья, – это даже интересно! На этом экспрессе я еще ни разу не ездила». И она принялась составлять список вещей для путешествия в Дамаск.

Высокоскоростной экспресс, который следовал в Иерусалим через Никомидию, Дорилей, Анкиру, Кесарию Каппадокийскую, Тарс, Антиохию, Алеппо и Дамаск, был пущен шесть лет назад и быстро завоевал популярность у византийцев и иностранных туристов, хотя билеты

на него не отличались дешевизной. Но они стоили дешевле авиабилетов, и располагавшие лишним временем могли путешествовать с комфортом, созерцая прекрасные виды за окном белой стрелы с покатыми боками, чей путь пролегал в основном по холмистой местности, а на отрезке между Алеппо и Иерусалимом даже через несколько тоннелей в горах.

Халкидонский вокзал, откуда отправлялись поезда из столицы в Азию, был построен еще в конце позапрошлого века, и хотя с тех пор расширялся и модернизировался, старое здание в классическом стиле, с белыми колоннами и стенами цвета охры, по-прежнему возвышалось на берегу Пропонтиды у самой воды, рядом с гаванью, где приставали вереницы пассажирских корабликов, пришедших из европейских районов Города и с берегов Босфора. Стояла чудесная весенняя погода, воздух был прозрачен и вкусен, солнце пригревало почти по-летнему, галдели чайки, морская синь навевала мечты о дальних странствиях и приключениях. Дарья приплыла немного рано и успела выпить чашечку кофе в прибрежной кофейне, глядя на противоположный берег и думая о древних мегарцах, которые основали халкидонскую колонию и были позднее обруганы Геродотом за слепоту, поскольку предпочли это место прекрасному мысу, где впоследствии возник Византий. Зато теперь отсюда можно всласть любоваться на Око вселенной: Святая София, громада Ипподрома и здания Большого Дворца предстают как на ладони.

– Госпожа, возьмите на счастье! – раздался рядом тоненький голосок. – Всего одна драхма!

Дарья повернула голову: худенькая девочка лет десяти протягивала ей ворох из тонких плетеных браслетиков, разноцветный бисер весело блестел на солнце. Перебирая плетенки, Дарья увидела, что на них воспроизведены, хоть и не всегда умело, в основном древнегреческие геометрические узоры, которые, часто встречались и в обрамлении мозаик византийских церквей. Выбрав тонкий браслетик с сине-золотым греческим меандром, Дарья дала девочке две драхмы, заплатила за кофе и направилась в сторону вокзала.

Купе оказалось двухместным. «Ого! – подумала Дарья, оглядевшись. – С таким комфортом я еще никогда не ездила... Интересно, кто же поедет со мной?» Вытащив из чемодана пижаму, Дарья задвинула его в угол, глянула в зеркало на двери, заправила выбившуюся из прически прядь волос и села. Достала мобильник, написала мужу, что она в поезде и всё в порядке. Сразу получила ответ: «Счастливого пути!» Убрала телефон обратно в сумочку и принялась рассеянно глазеть в окно.

«До отправления скорого поезда „Восточный экспресс“, Константинополь – Иерусалим, остается три минуты...» – раздалось по громкой связи. «Ну, и где же мой сопровождающий? – подумала Дарья с беспокойством. – Не хватало еще, чтоб он опоздал на поезд!»

Тут дверь купе отодвинулась, и в проеме появился Севир Ставрос. Он был одет, как всегда, во всё черное: арапки, шелковая рубашка с длинным рукавом и вельветовая жилетка, на шее небрежно повязан платок, черный с фиолетовым отливом; кожаная сумка на плече и чемодан на колесиках довершали этот стильный образ.

– Добрый день, госпожа Феотоки! – произнес Алхимик, втащил чемодан в купе и закрыл дверь. – Рад вас видеть.

Ошеломленная Дарья была не в силах выдать даже слов приветствия. В голове у нее воцарился полный хаос, а руки стали влажными. Когда она, наконец, смогла заговорить, то выпалила:

– Зачем вам это нужно?!

Ставрос, уже успевший сесть напротив и придвинуть к себе одну из двух бутылок с минеральной водой, стоявших на столике у окна, изогнул бровь и уточнил:

– Что именно?

– Мне кажется, я достаточно ясно дала понять, что больше не намерена общаться с вами!

– От меня не так легко убежать, как вы думаете.

Дарья задохнулась от возмущения.

– Как вы смеете?! – почти закричала она. – Что вы себе позволяете?! Любой порядочный человек на вашем месте...

– С чего вы взяли, что я порядочный человек? – перебил он, глядя на нее с насмешливым интересом. На этот вопрос она не нашла, что ответить. Ее попутчика, похоже, ситуация забавляла, и только. Он спокойно открыл бутылку «Пруссы» и спросил: – Желаете?

– Нет, спасибо! – ответила Дарья почти грубо. На самом деле ей хотелось пить: при виде Алхимика у нее мгновенно пересохло в горле, – но услышанное так возмутило ее, что любезничать не возникало ни малейшего желания.

Вагон мягко качнуло, и перрон за окном поплыл. «Ну, вот и всё, – обреченно подумала Дарья. – Две недели с этим... нахалом! Господи, куда я влипла!»

«Нахал» между тем взял со столика пластиковый стаканчик, вынул из упаковки, налил воды и неторопливо выпил. Глаза Дарьи невольно приковались к его кадьку, двигавшемуся в такт глоткам. Она заметила как раз под ним три родинки, расположенные равносторонним треугольником – занятно...

– Надеюсь, вы не заняты выбором места, где чикнуть бритвой, пока я сплю? – поинтересовался Алхимик.

Дарья чуть не подпрыгнула и только тут осознала, что всё еще не отрывает глаз от его шеи, тогда как он уже отставил пустой стакан и насмешливо смотрит на нее.

– Что за глупости! – пробормотала она, краснея, и устремила взгляд в окно. – Лучше скажите, что вам от меня нужно!

– Вы невнимательно прочли письмо из «Логоса»? Нам нужна помощь в синхронном переводе.

– Пожалуйста, не корчите из себя дурачка! – вспыхнула Дарья. – В «Логосе» полно хороших переводчиков, в том числе русскоязычных. Я далеко не лучший специалист по синхронному переводу, у меня он даже в резюме не значится. Тем не менее, вы запросили именно меня, ведь это, конечно, вы рекомендовали меня Димитриадису. Итак, что вам от меня нужно?

– Вы умеете мыслить логически. Что ж, отвечаю: я не привык бросать химическую задачу, не решив ее.

– Что вы имеете в виду?

– Вы от чего-то бежите. И к чему-то стремитесь. Иначе бы вы никогда не появились в нашей лаборатории. Я хочу понять, что за реакция в вас идет. Мы с вами уже об этом однажды говорили.

– Зачем вам это? – вскинулась она.

– Любопытство ученого, если хотите. – Он слегка пожал плечами.

Дарья уже собралась разразиться тирадой о том, что она не подопытный кролик и не намерена удовлетворять Алхимикову тягу к знаниям... но вместо этого схватила вторую бутылку «Пруссы». Ставрос тут же ловко распечатал другой стаканчик и придвинул к ней.

– Спасибо, – пробурчала она. Ее рука слегка дрожала, когда она наливала себе воды. Осушив стакан торопливыми глотками, Дарья глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, и сказала: – Допустим, вам удастся это выяснить. Что вам это даст? Вы химик, копаетесь в древних рукописях и рецептах. Какое вам дело до реакций в человеческих душах?

– Видите ли, одна из распространенных ошибок ученых, даже тех, которые считают алхимию не шарлатанством, а законной предшественницей современной химии, состоит в том, что они вычлениают в ней чисто химическую составляющую, а всё остальное отметают, как ненужный сор, мифологию, устаревшую образность. Для них драконы, львы, киммерийские тени и прочие алхимические термины – не более чем причудливые обозначения веществ, придуманные людьми, не ведавшими научно-методологического подхода. А задача исследователя, по их мнению – расшифровать этот средневековый код и реконструировать тот или иной рецепт,

всего лишь химический рецепт, и только. Мало кто задумывается о том, что средневековый химик и химик современный видят мир по-разному. В новое и особенно новейшее время человечество накопило такую огромную сумму знаний и информации о мире, что это неминуемо повлекло специализацию каждой отрасли науки. Средневековые ученые были энциклопедистами, они знали все науки своего времени сразу, от литературы и истории до медицины и астрологии, причем великие люди обладали одинаково глубокими познаниями в каждой из них: автор философских сочинений мог одновременно быть алхимиком и астрологом, а практикующий врач – писать трактаты по истории или богословию. В наши дни подобное невозможно. Современный химик не будет таким же специалистом в литературе или физике, тогда как древнего алхимика интересовало устройство мира в целом: не только химия веществ, но и, так сказать, химия слов, образов, чувств, небесных сфер... Конечной целью алхимики имели не трансмутацию веществ как таковую – это всего лишь поделье. Настоящим делом было освобождение духа через материю и материи через дух. Алхимический рецепт включает в себе несколько уровней. Описание собственно химической реакции – только один из этих уровней, далеко не единственный. К тому же алхимики не были последовательными мыслителями. Химия как наука – точнее, та протонаука, которая существовала в те времена – руководила ими лишь отчасти. Алхимия вообще самая туманная наука из всех, оставленных нам в наследство предками: тонкость, двусмысленность, парадоксы, широта, неоднозначность... Алхимическая литература богата, есть и просто сборники рецептов для конкретных задач – например, для окраски тканей или стекла, очистки жемчуга и так далее, – и в них разобраться чаще всего не так уж сложно. Но чтобы понять алхимический трактат, надо знать на высоком уровне психологию бессознательного, не говоря уж о собственно химии.

То, о чем говорил Ставрос, было настолько интересно, что возмущение Дарьи почти улеглось. Правда, она уже читала подобные рассуждения в книги об алхимии, однако в устах Севира всё это звучало как-то красивее и увлекательнее. Конечно, Алхимик повел себя нагло, но если в результате Дарью ждет две недели таких занимательных бесед, то, возможно, оно того стоит... О том, что будет твориться с ней после двух недель такого общения, она предпочитала не думать.

В дверь постучали, и улыбающаяся проводница, войдя, проверила билеты, сообщила код от замка на двери купе, спросила, не надо ли чаю или кофе, пожелала хорошей поездки и вышла.

– То есть вы хотите сказать, – заговорила Дарья после небольшого молчания, – что алхимия затрагивает все сферы человеческой жизни?

– Конечно.

– Хм... Похоже на толкование «Изумрудной скрижали» в одном романе... Но даже если так, почему именно меня вы выбрали... в качестве объекта исследования? Вы правы, у меня есть некоторые... внутренние проблемы, но, в конце концов, вас это никак не касается! И вокруг полно людей со всякими проблемами! Зачем вам именно я?

– Думаю, я могу вам помочь.

– Какая самонадеянность!

– Ученый должен быть самонадеян, иначе он ничего не добьется.

– И с чего же вы собираетесь начать? – насмешливо спросила Дарья.

– Для начала вы расскажете, почему пришли работать в лабораторию.

«Всё равно он от меня не отстанет, – обреченно подумала она. – Но, впрочем, почему бы и не рассказать... без лишних деталей, конечно! Может, он и правда посоветует что-нибудь полезное?»

Она вкратце поведала о том, что побудило ее испробовать профессию лаборантки. Ставро́с слушал внимательно, глядя в окно – к несказанному облегчению Дарьи, которая поначалу боялась, что он так и будет непрерывно буравить ее обсидиановыми глазами. Когда она закончила, Алхимик какое-то время молчал, раздумывая, а затем промолвил:

– Вы чувствуете неудовлетворенность жизнью. Не самое плохое чувство.

– Но и не самое хорошее, – буркнула Дарья.

– Согласен. Но оно свидетельствует о том, что человек к чему-то стремится. Или что ему хотя бы есть, к чему стремиться. В отличие от человека, который всегда доволен собой и жизнью.

– Ну, недовольство недовольству рознь. Бывают люди, вечно всем недовольные, с ними пообщаешься, так подумаешь, что лучше б они были самодовольными добряками, – возразила Дарья, вспомнив свою сибирскую тетку.

– Да, но это обратная сторона того же явления. Брюзга точно так же не развивается внутренне, как и самодовольный. Но в вашем случае недовольство проистекает, скорее, из того, что ваши внутренние устремления не находят себе реализации в той жизни, которую вы ведете.

– Может, и так, но если я даже не понимаю, что это за устремления, как я могу найти пути к их реализации? – Дарья пожала плечами. – Ведь, например, как переводчик я вполне состоялась, и к чему тут стремиться, чем заняться? Пробовать себя в новых жанрах перевода? Но я это и так периодически делаю. Если б я еще сама была писателем...

Внутреннее напряжение постепенно ушло, и она слегка расслабилась: уж если им суждено провести вместе две недели и от этого никуда не деться, то стоит ли дергаться? Ведь отец Павел сказал: нервничать – только играть на руку демонам. Конечно, сейчас она вляпалась в искушение куда худшее всех прежних, связанных с Алхимиком, но ее вины здесь точно нет: разве могла она догадаться?! И всё равно ничего не изменишь, так не разумнее ли воспользоваться ситуацией? Ведь со Ставро́сом наверняка можно поговорить о массе интересных вещей...

– Вот, кстати, а как же творческие люди? – спросила она. – Неужели они творят свои шедевры из чувства неудовлетворенности? Или они всегда думают, что самое лучшее произведение еще не создано?

– И это тоже. Но дело не только и не столько в этом или в стремлении к славе. Творчество и наука – особые области. Неудовлетворенность в них это не какое-то туманное ощущение, а стремление вперед, в бесконечность и вечность, попытка ухватить неуловимое, объять необъятное, желание дойти до новых ступеней совершенства или до новых открытий, докопаться до еще больших глубин, измерить и взвесить вселенную еще точнее, выразить музыку небесных сфер еще ярче, достовернее...

Его глубокий голос хотелось слушать и слушать, а в сочетании с тем, что он говорил, эффект был попросту магическим. «Как есть алхимик!» – подумала Дарья. Казалось, не хватает только стен пещеры вместо купе, запахов сушеных трав и таинственных зелий, черной мантии на плечах Ставро́са...

– Кстати, о науке, – сказал он. – Ведь у вас филологическое образование, не так ли?

Вопрос вернул ее к реальности.

– Э... да, – ответила она, с трудом отводя глаза от Алхимика. – Греческая филология. Новогреческая, – уточнила она.

– Доктор наук?

– Нет, что вы!

– Почему же нет? Ведь вы не вчера окончили институт.

– Знаете, у меня были... всякие обстоятельства... В общем, я даже и не думала ни о какой диссертации до сих пор.

– Почему бы вам не подумать об этом сейчас? Научная работа очень хорошо стимулирует. И успешно прогоняет всякие неясные чувства вроде неудовлетворенного желания.

Последние слова, особенно в сочетании с его колдовским голосом, прозвучали двусмысленно... Или ей это только показалось? Кровь опять прилила к ее щекам, и Дарья уставилась в окно, за которым бежали зеленеющие поля и покрытые лесом холмы Вифинии.

– Вообще-то я одно время думала о диссертации, – призналась она, – когда только приехала в Константинополь. Познакомилась с разными людьми и... В общем, я тогда подумала, что могла бы продолжить образование, но... боюсь, литературоведение – не та область, которая мне интересна для исследований.

– Почему? Ведь вы пошли учиться на филолога из определенных соображений, а не случайно.

– Да, но... когда я поступала, я ничего не знала ни о литературоведении, ни о диссертациях... Я и не думала ни о чем таком! Мне просто очень нравился греческий язык. Точнее, сначала я заинтересовалась Византией, потому и пошла на греческий. Я бы на древнегреческий пошла, но в Хабаровске не было такой кафедры. А потом, когда на третьем курсе началась специализация, нас разделили на лингвистов и литературоведов. Лингвистика для меня вообще темный лес, я едва зачет-то по ней сдала, поэтому я пошла на литературоведение. Сначала мне нравилось, но постепенно я поняла, что заниматься этим дальше – значит или изучать историю появления тех или иных текстов, или углубляться в их сравнительный анализ, или в истолкования... Читать писателя, потом критиков, пытаться выяснить, правильно или нет они его поняли, опровергать одних, поддерживать других, исследовать, кто и что оказывало на писателя влияние, рыться в черновиках, выяснять, что хотел сказать автор на самом деле... Но ведь толковать текст можно очень по-разному, даже взаимоисключающими способами! А писатель, если оставил черновики и дневники, то еще можно выяснить, что он имел в виду, да и то... в подсознание не залезешь... В общем, мне не захотелось посвящать себя этому. Переводить книги или обучать языку, по-моему, куда более полезное и благодарное дело!

– Да, гуманитарные науки – особая область... Быть может, для вас больше подошла бы история. Хотя... разве не интересно было бы вам анализировать, скажем, исторический роман на предмет его соотносительности с реальной историей?

– Хм... – Она задумалась. – Это и правда может быть любопытно... Я очень люблю романы Кассии Скиату и, когда читаю их, часто думаю, откуда взято то или другое событие, характер, отношения героев... Я знакома с Кассией и знаю, что она старается основываться на реальных фактах, а там, где они неизвестны, придумывает так, чтобы создать видимость правдоподобия. Как она говорит, «и пусть кто-нибудь докажет, что этого не было на самом деле». – Дарья улыбнулась и посмотрела на Севира. Он слушал ее с интересом, положив руки на столик перед собой и сцепив длинные пальцы.

– Видите, быть может, вы еще не потеряны для литературоведения. Любая наука настолько широка, что каждый способен найти свою нишу и работать в этом направлении. На вашем месте я бы не стал отвергать такую возможность. Романы Скиату мне тоже нравятся. Истолкование «Изумрудной скрижали» в «Кассии», на мой взгляд, отличное. Как и сам толкователь.

– Там два толкователя. – Дарья улыбнулась.

– Философ и его женщина. Значит, все-таки один.

– Вы считаете, что без него она ничего не значила? – немного обиженно спросила Дарья.

– Нет, не считаю, но этот цветок раскрылся только в его руках. Это вполне очевидно, учитывая платонизм, соединение половин целого и прочие прекрасности, которыми набит весь этот роман.

В последних словах Дарье послышался легкий сарказм, и она быстро вскинула глаза на Ставроса. Вопрос сорвался с губ сам собой:

– Вы в это не верите или не довелось испытать?

Кажется, Алхимик чуть заметно напрягся, но в следующий миг уже расслабился и ответил с усмешкой:

– Просто я не витаю в облаках, в отличие от госпожи Скиату. Но женщинам вообще свойственно приписывать земным чувствам божественные атрибуты: вечность, бесконечность, неизменность, способность воскрешать мертвых и преображать мир... Особенно к этому склонны женщины, которые, – тон Алхимика стал особенно ядовитым, – сами никогда ничего подобного не испытывали.

– Откуда вы знаете, что Кассия испытывала, а что нет? – возмутилась Дарья.

– О, неужели вы не только знакомы с ней, но и знаете подробности ее интимной жизни? Быть может, она ушла в монастырь от несчастной любви и ее романы – всего лишь банальный способ сублимации? Я бы, впрочем, не удивился. – Ставрос усмехнулся и плеснул себе в стакан еще минералки.

– Какой же вы... – Дарья не могла найти слов от негодования.

– Какой? – лениво поинтересовался он. – Циничный, наглый, невежливый, самоуверенный, ядовитый, грубый, невыносимый, бесчувственный, бесцеремонный, бессердечный, бесчеловечный? Я могу продолжить.

– Не стоит, – сдержанно ответила Дарья. – Вы прекрасный автопортретист. Пожалуй, когда я встречусь с Кассией, расскажу ей о вашей рецензии.

– Что ж, я не против. – Уголки его рта дернулись в улыбке. – Но чтобы она не слишком огорчилась, можете сказать ей, что великий софист – один из моих любимых литературных героев.

Дарья рассмеялась. Все-таки общаться с этим человеком, при всей его странности и «невыносимости», было страшно интересно.

– Хорошо, – кивнула она. – Кассия будет рада, это и один из ее любимых героев тоже.

– Хоть что-то общее с благочестивыми монахами у меня нашлось. Не думал, что вы знакомы.

– Мы познакомились в общем-то случайно... – Разговор опять приблизился к ее монастырскому прошлому, и Дарья решила сменить тему. – Но еще больше мне нравятся романы Феодора Киннама. Только вот их, наверное, совсем невозможно анализировать.

– О да, это тексты не для холодного анализа, – согласился Ставрос. – Их надо пить, как хорошее вино, вдыхать, как пьянящий аромат... Редкой красоты и силы огонь, облеченный в редкую по совершенству и выразительности форму. Если бы философский камень существовал, его мог бы сотворить только химик, внутренне подобный Киннаму. Но с ним, я думаю, вы не знакомы?

– Нет, откуда? Вы думаете, я знаюсь с писателями? – Дарья хмыкнула. – Я и с Кассией познакомилась не на почве литературы, сначала я и не знала, что она писательница... А вы с самого детства хотели заниматься химией?

– Нет. Я учился в школе с химическим уклоном, но в итоге избрал другую стезю. Окончил истфак и защитился, но потом знакомство с некоторыми древними текстами зажгло во мне интерес к алхимии, и тогда я понял, что отец всё же не ошибся, отправив меня в детстве по химической линии.

– И вы написали целых две диссертации... Для меня это заоблачно. – Дарья вздохнула. – Наверное, я слишком глупая.

– Вы не глупая! – резко возразил Ставрос. – Просто вы, по-моему, не слишком разумно выбирали жизненные приоритеты. Хотя в юности это случается часто. Но меня удивляет, что вам понадобилось столько лет, чтобы это понять.

Дарья закусила губу. Кажется, избежать разговора о монастыре не удастся.

– У меня были сложные обстоятельства в семье, – ответила она сухо. – Родители разошлись, и каждый завел новую семью и новых детей. А я осталась болтаться между ними и чувствовала себя ненужной. Устроить личную жизнь мне так сразу не удалось, а тут я подружилась с одной девушкой... очень религиозной, и... В общем, после института я поступила в монастырь и провела там три года. В Византию я приехала в две тысячи десятом в качестве послушницы.

Она ждала удивления или даже язвительной реплики: Ставрос не походил на человека, который может хорошо относиться к «религиозному фанатизму», – но Алхимик только молча смотрел на Дарью, словно заново изучая. Под его взглядом она снова покраснела и пробормотала:

– Я знаю, это выглядит глупо...

– Достаточно закономерно, – спокойно сказал он. – Религия в наше время часто является прибежищем для социально несостоявшихся и обиженных жизнью людей или для временно потерявших ориентиры.

– Вы не верите в Бога?

В его глазах вспыхнуло что-то неопределенное, но все-таки не насмешка.

– Я не верю в Бога традиционных религий. Я крещен и формально принадлежу к православной Церкви, но я уверен, что Бог превыше любой из существующих религиозных систем. Мне вообще не нравятся претензии мировых религий на обладание абсолютной истиной. Скверные попытки руководить Богом.

– Руководить Богом? Что вы имеете в виду?

– Каждая религия состоит из множества догм, предписаний, обрядов. Вы должны лучше меня знать, чем это оборачивается: нарушивший канон или усомнившийся в догмате превращается в еретика, изгоя, грешника. Обладание истиной приравнивается к исполнению правил и вере в неизменяемую йоту. А Бог оказывается служителем и гарантом этой системы. Если она наложила на кого-то анафему от Его имени, Бог непременно должен согласиться с этой анафемой, ведь Он же сам якобы сказал: «Что свяжете на земле, то будет связано на небесах». Весьма удобно. Но я не настолько плохого мнения о Боге, чтобы верить в подобную чушь. К счастью, эпохе изолированных враждующих религий приходит конец.

– Значит, вы сторонник теории всеобщности?

Алхимик презрительно скривил губы.

– Теория всеобщности – такая же глупость, как теория единственной истинной религии. Всеобщники отрицают за любой отдельной религией обладание абсолютной истиной, но думают, что получают ее, если сложат «частичные истины» всех религий. Абсурд. Все равно, что ждать реакции от смешения в колбе множества разных веществ, не положив туда...

– Катализатор!

– Верно. Они, правда, считают катализатором некую абстрактную любовь к ближним, но это примерно такая же фикция, как любовь гуманистов. Легко любить человечество вообще, в отличие от отдельно взятых людей.

– Да уж, это точно! Но как же вы представляете себе выход религий из изоляции? Если это не объединение, о котором мечтают всеобщники, то что тогда?

– Всё очень просто. – Ставрос чуть потянулся, словно ему было лень объяснять такие элементарные вещи. – Не надо никого ни с кем объединять. Надо всего лишь признать право другого на познание истины путем, отличным от твоего. Мировые религии, особенно монотеистические, завели себя в тупик, огульно отрицая истинность чужого опыта. Каждая отрасль «правоверия» стремилась доказать, что только ее способ общения с Богом гарантирует причастие Ему, а остальные ведут в погибель. И потому, якобы, надо весь мир обратить к одной форме религии. К примеру, христиане не смогли пойти дальше утверждения, что некоторые

язычники, не принадлежавшие к «избранному народу», жили согласно с божественным словом и поэтому могут считаться «христианами до Христа». А в средние века и такая точка зрения стала редкостью, тогда даже незначительно расходящиеся в учении христиане уже с легкостью анафематствовали друг друга и отправляли на вечную погибель... Не знаю, как вам, а мне это кажется отвратительным, а главное – недостойным Бога. Конечно, в наши дни подобные концепции уже мало кого соблазняют, но сила традиционных взглядов всё еще велика. На самом деле каждый верующий должен признать, что верующие другой конфессии, будь то христиане, мусульмане, буддисты, язычники и кто угодно еще, тоже могут познавать Бога, неизвестным нам, но зато известным Богу образом. Разве Бог не всемогущ и не вездесущ? Насколько я знаю, православные признают в Нем неограниченное количество разных действий. Зачем же при этом загонять Его в узкие рамки одной религии, а остальное человечество делать пищей для ада? Нелепая идея.

Дарья слушала Ставрота с возрастающим интересом. Это был совсем другой взгляд, нежели принятый в ее окружении, где более церковные люди считали, что истина – только в православии, а Бог, хотя действует и на людей вне Церкви, однако лишь «призывающей благодатью», стремясь привести к истинной вере, которая может быть только одна. Люди же вроде Елизаветы или Григория не особо задумывались над подобными вопросами, хоть и полагали, что вечная участь не зависит от того, сколько человек постился и молился. А может, и задумывались... Только Дарье никогда не приходило в голову обсуждать с ними богословские проблемы. Да она и с мужем их почти не обсуждала, просто жила как живет, и всё: после дремучего традиционализма, с которым она столкнулась на родине в монастыре, византийская религиозность в духе монахинь обители Живоносного Источника до сих пор казалась Дарье идеальной, а в богословские тонкости она не стремилась углубляться. Правда, читая роман Киннама «Освобождение», она обратила внимание кое на какие любопытные мысли о границах православного традиционализма и религии вообще, отчасти сходные с теми, что высказал Алхимик, но, поскольку три года назад православная система ценностей не вызвала у Дарьи недоумений, идеи знаменитого писателя так и остались для нее всего лишь мыслями интеллектуала о религии. Рассуждение Ставрота в целом показалось Дарье логичным, вот только...

– А как же проповедь? – спросила она. – Получается, не надо никого обращать в свою веру как в более истинную? В какой вере родился, в такой и пригодился?

– Что значит «не надо»? Нельзя запретить человеку проповедовать, если он того хочет, проповедь – естественная составляющая религии. Вот чего не надо, так это превращать благую весть в пугало. Возвещать царство небесное, открытое для желающих, и пугать адом не желающих войти – разные вещи. Свободы никто не отменял. Нравится тебе христианство – верь в Христа, нравится ислам – поклоняйся Аллаху. Хочется проповедовать «четыре благородных истины» – Будда тебе в помощь. К тому же люди напрасно думают, будто проповедь – универсальный способ обратить всех в одну веру. Это невозможно по той простой причине, что принятие той или иной веры чаще всего культурно обусловлено. Мы с вами выросли в христианской цивилизации и поэтому нам куда легче принять христианство, чем, например, индуизм или какой-нибудь культ вуду. Причем это надо сказать даже о людях, воспитанных в атеизме. Возьмем Московию: там почти сто лет методично искореняли всякую религию, а когда перестали, к чему потянулся народ? К христианству, а конкретнее – к православию. И вовсе не потому, что в нем истина. Если б Московия была в Китае, там случились бы падение и новый взлет буддизма. Но Московия – область распространения русской культуры, поэтому там люди после религиозного голода, хотя интересуются разными учениями, больше склоняются к традиционным для их страны. Мы все с детства воспитываемся на определенных символах, в определенном культурном коде. Например, в зоне христианской культуры такие слова как «змея-искуситель» или «жизненный крест» употребляют и неверующие. Но это символика именно христианства, где змея и дракон несут вполне определенную смысловую нагрузку. В восточных

религиях они не имеют такой зловещей окраски. Кстати, у древних греков тоже не имели – у них змея была символом мудрости, обновления и исцеления. Христианские гностики шли по их стопам, и змея у них стала символом Христа, но официальная церковь быстро объявила это ересью. Любая религия замешана на определенном символическом коде, и чем больше он расходится с культурным кодом данного общества, тем труднее человеку, выросшему в этом обществе, воспринять религию с чужим кодом. Вы никогда не задумывались, почему в областях распространения буддизма или индуизма относительно мало христиан, хотя там побывало много проповедников Христа? Проповедь не всесильна.

– Но... – слегка растерянно проговорила Дарья, – все-таки есть люди на востоке, принимающие христианство, а на западе – восточные религии. Или вот ислам...

– Да, конечно. Но это не массовое явление. Трудно сломать свой культурный код настолько, чтобы принять чужой на глубинных уровнях сознания. Возможно, когда-нибудь человечество настолько перемешается в культурном плане, что людям будет легко принять какую угодно религию, но сейчас до этого еще далеко. Думаю, традиционные религии умрут раньше, чем это произойдет. Вот представьте, например, что вы почему-либо разочаровались в христианстве – смогли бы вы тогда принять ислам?

– Хм... Не думаю... Мусульмане как люди мне симпатичны, я уже к ним привыкла, пока живу здесь, но ислам мне кажется... чужим и странным.

– О чем я и говорю.

– Но ведь раньше было много массовых переходов из христианства в ислам и обратно, в той же Византии...

– Да, но смена религии во времена завоеваний не может считаться сознательной. Люди принимают религию завоевателей просто из желания иметь поменьше проблем. Собственно говоря, этих людей религия никак не пользует – им всё равно, во что верить, ходить ли в храм или в мечеть, для них религия – не связь с Богом, а набор ритуалов и способ социализации. В наше время религия сохраняет эту роль, но далеко не с той силой, как в традиционных обществах: мир стал слишком секулярным, чтобы эти функции религии работали так же, как раньше. В современном мире человек обычно свободен в выборе религии, ведь государство не требует от него принадлежности к определенной конфессии и не ущемляет в правах за «ложную» веру. Но, тем не менее, мы свободны в выборе не абсолютно, а лишь в меру своего воспитания, образования и культурных основ. Поэтому для вас и странен ислам. Думаю, индуизм вы способны принять еще меньше. Только представьте: все эти многорукие боги, «змеиная сила» шакти, богиня разрушения Кали, половые органы как божественные символы... Вряд ли вы смогли бы почитать их так же искренне, как Христа.

– Да уж!

– А вот индуистам, напротив, непонятно, что такого исключительного было в воплощении, смерти и воскресении Бога. В их религии такое в порядке вещей, им практически невозможно принять Христа как единственного истинного Бога. Уже одно это, по-моему, подтверждает, что Бог не может ограничивать свое действие одной религией, иначе надо было бы верить, будто Он постоянно создает миллионы людей как отбросы и пищу для ада.

– А вы смогли бы принять... индуизм какой-нибудь?

– Нет. Я прекрасно сознаю, что мой культурный код – эллинско-христианский. На самом деле в качестве религиозно-философской системы мне больше нравится платонизм, чем христианство. Против самого Христа я ничего в общем не имею, но христианство, как оно сформировалось за две тысячи лет, мне, скажем так, не симпатично. Впрочем, к религиозным проповедникам я отношусь терпимо, если, конечно, они не фанатики. Проповедовать религию, которая представляется тебе несущей более совершенное откровение о Боге, чем другие, – естественное желание. Только не надо при этом проклинать тех, кто не примет твою проповедь и захочет остаться при своей вере или принять какую-то третью. Христос учил умирать за свою

веру, но не учил убивать за чужую. Казалось бы, невелика премудрость, а сколько люди пролили крови во имя Бога, который, по их же проповеди, любит людей и хочет всех спасти!

– Но ведь Христос в Евангелии не только проповедует, Он и пугает: «если не покаетесь, все так же погибнете», «отрясите прах от ног ваших...»

– Ну, вы же взрослый человек и должны понимать, что записанное спустя несколько десятилетий после земной жизни Христа со слов то ли очевидцев, то ли тех, кто слышал от очевидцев, не может точно отражать сказанное Христом! Попробуйте вспомнить, что говорил вам тот или иной человек, сколь угодно уважаемый и любимый, даже не двадцать, а хотя бы пять лет назад. Многие ли вы вспомните дословно? Кое-что вспомните точно, конечно, но большую часть – лишь примерно, а многое вовсе не вспомните. Вроде бы и говорил о том и об этом, а что именно? Между тем писать-то надо, надо оставить потомкам связный рассказ о событиях, изложить необходимые заповеди, словом – записать этот самый Новый Завет, поскольку последние живые свидетели вот-вот умрут. Даже те рассказы, которые очевидцам приходилось годами постоянно пересказывать желающим их услышать, должны были претерпевать трансформацию, передаваться в разных вариантах, это неизбежное свойство человеческой памяти: что-то забывается, что-то с годами видится в ином свете... Притом не забудьте: у авторов Евангелий за плечами висела огромная иудейская традиция, выдержанная в стиле «только мы избранны, а остальные – грязь и прах, пища для огня». Легко представить, как это могло влиять на выходящие из-под их пера тексты, особенно с учетом всеобщего злонравия, в том числе среди новообращенных христиан.

– То есть, по-вашему, всё сказанное апостолами написано не по откровению, а только по-человечески? Мне в это трудно поверить.

– Смотря что подразумевать под откровением. Разве верующие не считают ветхозаветные и новозаветные книги одинаково богодухновенными?

– Почему же, считают. Ведь Бог обоих Заветов один и тот же.

– Если так, то механизм откровения во всех случаях одинаков?

– Ну да. – Дарья не понимала, к чему он клонит.

– А что такое, по-вашему, откровение? Человек слышит божественный глас и под его диктовку записывает? Вы верите, что Бог на Синае диктовал тому же Моисею Бытие или Второзаконие? Например, рассказывал о том, как Лия и Рахиль торговали друг у друга мужа за мандрагоры, или указывал до мелочей, как верующие должны есть, пить и ходить в туалет?

В первый момент Дарья не нашлась с ответом. Из Ветхого Завета она прочла лишь Бытие, Исход и книги, приписанные Соломону. Не считая Псалтири, конечно. А словосочетание «богодухновенное Писание» было чем-то привычным, не требующим объяснения... И вот, теперь Алхимик чуть насмешливо глядел на нее, а она растерянно думала: как же ей раньше не приходило в голову задаться подобными вопросами? Ведь, в самом деле, как минимум странно думать, что Бог мог дословно внушать Моисею подобные вещи!

– Нет, я думаю... Думаю, что у Моисея были какие-нибудь видения... например, о сотворении мира... Ну, может быть, Бог внушил ему, как в целом надо устроить жизнь израильтян, а дальше он уже на этой основе создавал всё законодательство до мелочей...

– Таким образом, вы признаёте сами, что часть Библии написана именно «по-человечески», а не под диктовку Божества?

– Да, но, – не сдавалась Дарья, – наверное, святой, когда пишет, как говорят, «в Духе», может ощущать, угодно ли написанное им Богу или нет. Я так думаю.

– Возможно. Но это лишь допущение. Если человек внутренне уверен в правильности своей жизни – допустим, он соблюдает заповеди своей религии, молится и у него мир на душе, – он вполне может сочинять с ощущением, что пишет, как говорится, «во славу Божию». Но это чисто психологическое явление, в нем нет ничего божественного.

– То есть вы вообще никакого откровения не признаёте?

– Я признаю откровение только в смысле мистического опыта. Во всех религиях встречаются люди, которые тем или иным способом выходят в область, запредельную нашему обычному опыту, и получают там некое знание: видения, мысленные внушения, ощущения... Но это обычно случается, говоря по-современному, в измененных состояниях сознания. Я сейчас нарочно не задаюсь вопросом, насколько правомерно считать такие состояния божественными – допустим, в контексте нашей беседы, что они действительно божественны. Но когда человек возвращается в обычное состояние, он вынужден «переводить» увиденное и узнанное им на обычный человеческий язык, а это трудно. Поэтому священные писания разных религий всегда символичны и нуждаются в истолковании. Древние философы поучали мифами, Христос – притчами... Но что касается собственно Нового Завета, то здесь всё прозрачно: Евангелия это воспоминания о жизни и учении Христа, а апостольские послания – вполне житейские рассуждения проповедников на разные темы, исходя из их понимания христианского учения. Будь апостолы сколь угодно святыми, писали они все-таки человеческим языком. Иначе с чего бы потомкам тратить тонны чернил на истолкование их слов? Ведь Бог вроде бы существо совершенное, так почему бы Ему сразу не внушить своим посланцам текст такой ясности и прозрачности, чтобы ни у кого не возникало ненужных разночтений? Представьте, скольких ересей и исторических трагедий можно было бы избежать!

– Честно говоря, вы меня озадачили, – призналась Дарья. – Я никогда не думала о Писании с такой точки зрения.

Ставрос усмехнулся.

– Нисколько не удивлен. Хотя сама по себе эта черта верующих весьма удивительна. Они твердо верят в богодухновенность Библии, но никогда не задумываются, что это может означать на деле. А ведь, если даже определенная доля богооткровенности в Библии есть, мы не можем знать точно, какова эта доля, и в любом случае полученное откровение излагали люди, а они делали это на принятом тогда языке, для определенной культурной среды, в тогдашней системе символов и так далее. Да и сам Христос общался с иудеями на том языке, который им был понятен, иначе Его никто и слушать бы не стал. Я уверен, что, если бы Он проповедовал в наши дни, Он говорил бы совсем другие притчи и использовал другие примеры.

– Пожалуй... Но было бы другим при этом их содержание?

– А вы сами как думаете?

– Мне кажется, содержание Его проповеди в целом не изменилось бы.

– А я думаю, Он внес бы определенные коррективы, с учетом современной культуры, права, всеобщей образованности, воззрений на человека и так далее. И если бы сейчас явился Моисей, он бы, уж конечно, свое законодательство излагал применительно к уровню развития современных людей, а не как он это делал для древних иудеев. Сколько бы христиане ни говорили о богодухновенности Библии, совершенно очевидно, что в ней много человеческих и исторических элементов, и не нужно быть библеистом, чтобы это понять. Если, конечно, вам не угодно верить, будто пророки и апостолы записывали свои сочинения методом автоматического письма. Это не значит, что те же Евангелия не ценны как собрания свидетельств, но к ним надо подходить критически, как к любому другому свидетельству, учитывая особенности людской памяти, возможные скрытые намерения писавших, уровень культурного развития, общепринятые традиции того времени и тому подобное.

– Но тогда... тогда, получается, вообще нельзя ничего узнать точно! В смысле – во что на самом деле надо верить.

– На самом деле надо верить не во что, а в кого, – насмешливо сказал Ставрос. – В Бога. И только, госпожа Феотоки. Это ведь так просто. Всё прочее – детали. Кстати, знаете ли вы, что, согласно последним научным изысканиям, единственное Евангелие, написанное непосредственно очевидцем и близким учеником Христа, это Евангелие от Иоанна? Много ли там правил поведения и угроз за их нарушение хотя бы в стиле Нагорной проповеди, не говоря

уж о позднейших навороченных предписаниях, так любезных поборникам благочестия и особенно попам? Если верить Иоанну, главная заповедь Христа состояла во взаимной любви, а христиане за семнадцать веков после Константина Великого пролили больше крови, чем их преследователи в первые три века. Станный способ исполнить волю Бога, вы не находите? Я уж не говорю о том, что находка «Изречений Господних» многое вообще представляет в другом свете.

– Находка чего?..

– Только не говорите, что вы ничего не знаете о рукописи Папия Иерапольского!

– Ну... – Дарья покраснела. – Я читала о ней, но... не вникла в подробности...

– Потрясающе! – Алхимик скривил губы. – Такое ощущение, что христиане живут в загоне за глухим забором. Правда, психологически это понятно: легче зажать уши и закрыть глаза, чем позволить сотрясти свой уютный мирок, ведь это так неудобно!

– А разве этот Папий так сильно расходится... с традиционной версией христианства? Я читала, что он верил в тысячелетнее царство Христа и у него есть вещи, противоречащие общей традиции, но в целом эти «Изречения» ее, скорее, подтверждают...

Ставрос изогнул бровь.

– То есть вы читали о нем, а его самого не читали? Он уже год как издан.

– Разве? Я не знала... – Дарья потерялась. – Я читала про находку рукописи... Ну, и переказы содержания были, пока ее исследовали. В общем, я как-то... Мне не показалось, что там может быть что-то сногшибательное... А потом я вообще забыла...

– А вы почитайте. – Алхимик улыбнулся. – Хотя бы чтобы исправить такое занятное положение, когда неблагочестивый тип вроде меня знает об истории христианства больше вашего. Впрочем, я прошу прощения, мне эта тема не так уж интересна, а вы меня вовлекли почти в богословский спор. Я человек грешный, непорядочный, циничный и так далее, в церковь не хожу и ходить не собираюсь. Посему лучше поговорим о более земном и насущном. Например, о ваших обязанностях на ближайшие две недели.

– Ой, да, – спохватилась Дарья, – я ведь еще ничего не знаю об этом!

Ставрос рассказал поподробнее о грядущей конференции – оказалось, что он один из ее главных кураторов, вместе с Димитриадисом. Она была посвящена развитию науки на рубеже средневековья и нового времени, поэтому доклады были заявлены на самые разные темы: история, литература, физика, химия, медицина, сельское хозяйство, даже военное дело. Первая неделя конференции посвящалась науке византийской, вторая – всей прочей: западноевропейской, арабской, турецкой, славянской, китайской. Ожидалось прибытие ученых со всего мира, в том числе большой делегации из Московии, и именно для нее понадобились переводчики: российские ученые плохо знали или, по крайней мере, плохо воспринимали на слух языки, на которых было больше половины намеченных докладов, в том числе греческого, немецкого и арабского, и организаторы решили пойти навстречу русским. Задача переводчиков облегчалась тем, что переводить они будут хоть и синхронно, но не чисто со слуха: тексты докладов в момент произнесения будут транслироваться переводчику на экран компьютера. И всё же Дарья слегка растерялась, даже испугалась, слишком уж большим оказался разброс тем, перевод требовал знания широкого круга лексики. Но перед Алхимиком она постаралась не выказывать своего испуга: не хотелось, чтобы он счел ее непрофессионалом. Ставрос выдал ей полный список докладов конференции, где были отмечены выступления на греческом – именно их Дарье предстояло переводить на русский, – и посоветовал прямо сейчас заняться проработкой: имена, должности и места работы докладчиков, а также темы их выступлений должны звучать безукоризненно. Дарья также получила глоссарий специфических терминов с готовым пере-

водом, а еще кое-какими вспомогательными материалами и шпаргалками Алхимик пообещал снабдить ее по приезду в Дамаск. Греческий доклад первого дня конференции имели филологическую и историческую направленность – область, Дарье знакомая; в дальнейшем Ставрос намеревался выдавать ей для ознакомления тексты докладов очередного дня накануне вечером, чтобы она могла проглядывать их заранее на предмет малопонятных терминов. Дарья внимательно прочла данные ей материалы, задала Алхимику несколько вопросов и почти успокоилась: вроде бы ее знаний должно было хватить для такой работы!

– Думаю, я смогу с этим справиться, – сказала, наконец, она, поднимая голову от бумаг. Ставрос одобрительно кивнул и сказал:

– Я тоже надеюсь, что не ошибся с выбором и вы будете на высоте.

Словно и не было никакого разговора о «химической задаче» и он позвал ее в Дамаск исключительно с деловыми целями. А может, так и есть, и он просто разыгрывает ее этими разговорами об алхимии?.. Больше всего Дарью сбивало с толку то, что Ставрос неожиданно мог перейти с чисто деловой беседы на личную, причем почти мгновенно сползти в двусмысленные намеки, а через пять минут уже сделать вид, будто ничего возмутительного не говорил, и переключиться совсем на другое... Совершенно непредсказуемый человек! Но в этом заключалось некое обаяние... Впрочем, в Ставросе и так слишком многое очаровывало, и Дарью опять пугало и манило это очарование неизведанного лабиринта, манило и притягивало...

Она уткнулась в программу конференции, чтобы ненароком снова не засмотреться на Алхимика и не нарваться на насмешливый взгляд или язвительную реплику.

Конечно, приятно, что она хорошо подготовилась к работе, но ее тревожило теперь другое: а если Ставрос в поисках «катализатора» для нее зайдет слишком далеко? Кто знает, какие методы он собирается использовать, чтобы помочь ей разобраться в себе и в своей жизни? К тому же он человек нецерковный, христианские понятия о грехе ему вряд ли близки...

«Всё же у нас деловая поездка. Расписание конференции плотное. Свободное время только вечером после ужина, да еще два выходных... Куча народу, наверняка будет много его знакомых, мы постоянно будем на виду... Нет, вряд ли он позволит себе что-нибудь такое...»

Ей снова вспомнились его прикосновение и собственные ощущения. «Ужасные!» – сказала она мысленно, но вкрадчивый голос упорно нашептывал, что это было вовсе не ужасно, и неплохо бы снова испытать подобное... «Нет!!!» – оборвала себя Дарья и даже чуть встряхнула головой, а затем, чтобы отвлечься от смущающих мыслей, спросила:

– А почему вы выбрали ехать поездом? Ведь самолетом куда быстрее.

– В поезде удобнее разговаривать. И я не люблю самолеты.

– Вы боитесь летать? – Она недоверчиво взглянула на него.

– А вы слушаете, что вам говорят? Или разговариваете с мыслями в своей голове? – желчным тоном произнес он. – Если б я боялся летать, я бы так и сказал. Я просто не люблю летать. Считаю противоестественным для человека передвигаться на высоте несколько тысяч метров в утробе какой-то железяки, которая к тому же немилосердно загрязняет атмосферу.

Дарья засмеялась.

– А меня полет, наоборот, воодушевляет... Хотя временами боязно, но это что-то иррациональное, по-моему. Ведь по статистике самолеты – самый безопасный вид транспорта. Но поездом, конечно, тоже хорошо! Можно смотреть в окно...

За окном между тем стемнело. Дорилей уже проехали, простояв там всего десять минут, впереди была Анкира. Кесарию Каппадокийскую и Тарс предстояло миновать ночью, Антиохию и Алеппо – ранним утром. В Дамаск поезд прибывал в девять утра, и никогда не виденный город возбуждал у Дарьи немалое любопытство.

– Думаю, нам пора поужинать. – Ставрос поднялся. Дарья недоуменно поглядела на него.

– Куда вы собрались идти?

– В вагон-ресторан, разумеется.

С ним в ресторан?! Ее сердце опять забилося где-то в горле. Что же это такое? Не успела она расслабиться, как опять начинается...

– Я вовсе не собираюсь ходить с вами по ресторанам! У нас деловая поездка! Не думаете ли вы, что...

– Я думаю, что вы склонны к истерикам, – с холодком в голосе перебил Алхимик, – а значит, ваши проблемы еще глубже, чем вам хочется думать. Тем не менее, если вы не намерены остаться без ужина, предлагаю последовать за мной.

– Я никуда не пойду! – решительно заявила Дарья. Ставрос скрестил руки на груди и насмешливо спросил:

– Видимо, у вас припасен с собой ужин?

– Ничего подобного, ужин должны принести, он входит в стоимость билета!

– Да, входит, но на наши билеты заказан ужин в ресторане. Поэтому если вы не пойдете туда, останетесь голодной. Правда, дамы ради похудения часто оставляют себя без ужина, но вам как будто бы полнота пока не грозит.

Его взгляд скользнул по ее фигуре, и Дарья ощутила, как ей становится жарко. Вот наказание! Она быстро вынула из сумочки распечатку с данными электронного билета и развернула: да, действительно, после слов «с питанием» в скобках стояло «ВР». О Боже!

– Неужели я вам настолько неприятен, что ужин в моей компании составляет для вас трагедию, госпожа Феотоки? – язвительно поинтересовался Алхимик. – В таком случае вам тем более стоит начать тренироваться прямо сейчас, ведь у нас впереди еще предстоит не одна совместная трапеза. Так вы идете? – резко спросил он, открывая дверь купе.

– Иду, – еле слышно ответила Дарья.

Он молча посторонился, выпуская ее, вышел сам и захлопнул дверь: она закрывалась автоматически. Дарья мысленно повторила код замка и пошла за Ставросом. Ей приходилось почти бежать: Алхимик шагал быстро и не оборачивался. Неужели обиделся? Впрочем, она и правда повела себя отвратительно! И глупо. Шарахается от него как от насильника, хотя он вполне учтив... ну, почти учтив... Да и то, скорее всего, просто дразнит.

«Чем больше я буду дергаться и смущаться, тем больше он будет на этом играть и насмехаться. Надо вести себя нормально, как будто ничего особенного не происходит. быть равнодушной. Сумею ли я быть равнодушной?.. Надо взять себя в руки! Это совершенно необходимо! А то он меня уже за истеричку считает... Господи, Господи, как же я влипла!»

В ресторане было не слишком людно. Они уселись за столик в середине вагона у окна слева, и Ставрос тут же углубился в меню. Дарья раскрыла свое и из нескольких вариантов ужина на выбор остановилась на более привычном: греческий салат, белое вино, рыба и кофе с рисовым пудингом. Алхимик выбрал восточный вариант: пару острых закусок, красное вино, кебаб и кофе с халвой. Когда принесли закуски и вино, Ставрос, приподняв бокал и покручивая его в пальцах, наконец, посмотрел на Дарью и сказал:

– Я бы хотел расставить точки над *i*, госпожа Феотоки. У нас деловая поездка. Приглашение именно вас в качестве переводчика подразумевает, что я хочу помочь решить кое-какие ваши проблемы, но вовсе не подразумевает, что я собираюсь предпринимать по отношению к вам действия, которые вы можете счесть неприемлемыми с христианской точки зрения. И даже если у меня появится подобное желание, все таковые действия могут быть мною предприняты только после вашего на них согласия. Несмотря на то, что я не являюсь порядочным человеком ни с христианской, ни с какой-либо другой точки зрения. – Тон его становился с каждой фразой всё более ядовитым. – Так что в ближайшие две недели в вашей личной жизни не случится ничего такого, чего вы сами не захотите. Поэтому вы можете, в частности, смело ночевать со мной в одном купе. Уверю вас, я не полезу к вам под одеяло и даже не стану просить вас показать мне ваше нижнее белье. Засим желаю приятного аппетита. – И он, как ни в чем не бывало, поднес к губам бокал.

Дарья ошеломленно глядела на него, не зная, оскорбиться ей или возмутиться, и, наконец, неожиданно для себя самой расхохоталась.

– Простите, – с трудом выговорила она, когда приступ смеха прошел, – мне, видимо, нужно еще какое-то время, чтобы привыкнуть к вашему стилю общения. Давайте выпьем за мою скорейшую адаптацию!

– С удовольствием! – Алхимик улыбнулся, и они звонко чокнулись.

Около одиннадцати они собрались ложиться спать. Когда Ставрос в свою очередь ушел чистить зубы, пожелав Дарье спокойной ночи, она быстро надела пижаму и улеглась, отвернувшись к стене. Алхимик возвратился, Дарья слышала, как он шуршит одеждой, и боролась с неприличным любопытством, с досадой представляя, как ядовито усмехнулся бы он, если б узнал, что это как раз она не прочь посмотреть, какое на нем нижнее белье. Если только он не догадывается и так... Она покраснела и натянула одеяло на ухо. Господи, почему только он такой догадливый?! Или это она такая примитивная?.. Впрочем, его белье не велика загадка – конечно, черное и дорогое... А вот думать о том, какой он без рубашки и без брюк, совсем не следует! Выходит, она не только примитивная, но и порочная, и возмущение его поведением – сплошное лицемерие...

Знал бы Василь, в какую командировку она в итоге отправилась! А теперь она будет слать ему свитки, что всё в порядке, – и придется врать... Ведь на самом деле уже сейчас можно сказать, что ее мысли и чувства пришли в полный беспорядок! Все-таки это кошмар, как она влипла! И как ловко Алхимик поддел ее на крючок! А если б она отказалась от предложения «Логоса»? Он нашел бы способ «поймать» ее иначе? Или махнул бы рукой?.. Что, в самом деле, за странное стремление помочь! Даже если он знает, как, – она же не просила! Нет, он ужасно странный человек! Но почему он так ее притягивает? Неужели и правда потому, что он такой «невозможный» и с ним не скучно?..

Сон сморил ее прежде, чем она смогла найти ответы на свои вопросы.

Проснувшись ночью, Дарья, прочла на компьютерном табло над дверью, что поезд стоит в Кесарии Каппадокийской. Ставрос дышал тихо и ровно. Но, может быть, он тоже проснулся? Дарья приподнялась на постели, однако Алхимик не среагировал. Спит. Решив посетить туалет, Дарья тихонько выскользнула из купе, не взглянув на спутника. На обратном пути она задержалась в пустом коридоре, глаза в окно. Ехавшие до Кесарии, видимо, уже успели покинуть вагоны и уйти: платформа была пуста, только прошли мимо несколько человек с чемоданами; один из них подошел ко входу в их вагон, и Дарья поспешила вернуться в купе. По возвращении она уже не могла не посмотреть на Ставроса: он лежал по грудь укрытый одеялом, одна рука вдоль тела, другая на животе, лицо слегка отвернуто к стене, волосы разметались по подушке. Смуглые руки на белой ткани, жилистые и, видимо, сильные, и эти красивые кисти, которые в лаборатории постоянно притягивали взгляд... В тусклом свете фонарей, проникавшем сквозь занавески, можно было различить на груди Алхимика темную полоску волос, которая шла вниз, скрываясь под простыней. Осознав, что стоит и откровенно пялится на Ставроса, Дарья вспыхнула и быстро забралась в постель. «А он не храпит, – подумала она, – хотя лежит на спине».

«А вдруг он уже не спит и видел, как я на него глазела?!» – от этой мысли Дарье едва не сделалось плохо. В самом деле, его лицо в тени, и она не заметила бы, если б он глядел из-под ресниц... Ей стало жарко. Резко усевшись, она схватила бутылку с водой, плеснула в стакан и выпила. Ставрос пошевелился.

– Кесария? – сонно проговорил он, приподнимаясь на локте.

Все-таки спал! Дарья облегченно вздохнула и ответила:

– Да.

– Вы здесь бывали? – Темные глаза смотрели прямо на нее, но их выражение различить в сумраке было невозможно.

– Нет.

– Напрасно. Очень интересный город.

– Я буду иметь в виду. – Она улыбнулась.

– Надеюсь. Спите, завтра у вас трудный день.

Он повернулся на бок, обратив к ней затылок, и натянул одеяло на плечи. Поезд тронулся. Дарья тихонько улеглась. Сонный, но при этом по-прежнему любопытный и в то же время заботливый Алхимик показался ей ужасно трогательным. «Что я так его опасаюсь, в самом деле? – подумала она, засыпая. – Не так уж он и непорядочен, как прикидывается...»

Когда утром она проснулась, он уже сидел за ноутбуком – одетый, выбритый, причесанный, словно и не ложился. На столе рядом стояла прозрачная чашка с остатками очень крепкого чая.

– Доброе утро! – сказал Алхимик, взглянув на Дарью поверх ноута. – Как спалось?

– Хорошо, спасибо, – ответила она и задалась вопросом, как часто он вот так поглядывал на нее спящую и что при этом думал. – А вы давно проснулись?

– Не очень. До Дамаска еще час. Я как раз собирался вас будить, нам надо успеть позавтракать.

Про завтрак-то она и забыла! Дарья села на постели.

– Я буду ждать вас в ресторане. – Ставрос улыбнулся и вышел, захватив с собой ноутбук.

Дарья быстро оделась, заплела волосы и пошла умываться. Вскоре она уже сидела напротив Алхимика в вагоне-ресторане, где им сервировали турецкий завтрак: омлет, черные и зеленые оливки, ломтики сыра и колбасы, нарезка из помидоров и огурцов – всего понемногу и, конечно, замечательный густой йогурт с вишневым вареньем и ароматный чай в прозрачных стаканах в форме тюльпана. Размешивая сахар в чае, Дарья чувствовала, что прошедшая ночь словно бы отдалила ее от прежней жизни – и сблизила с Алхимиком: опять это теплое ощущение в груди, как в тот день, когда он впервые улыбнулся ей в лаборатории... «Нет, я должна держать дистанцию! – одернула она себя. – А не то Бог знает, чем всё это может кончиться!»

Когда они вернулись в купе, Дарья, глядя в окно, мысленно прочла пасхальные часы, которые заменяли на Светлой неделе утренние и вечерние молитвы. Поезд шел через горы, правда, не особенно высокие. Вместо молитв думалось о Дамаске. «Надо было путеводитель купить, – подумала Дарья, – или почитать что-нибудь, а то я и не знаю ничего, а теперь читать, наверно, будет некогда...» В программе конференции значились несколько экскурсий, но только в грядущие субботу и воскресенье. Дочитав часы, Дарья поглядела на Ставроса, который, похоже, отправлял кому-то свитки с мобильного, и спросила:

– А вы раньше бывали в Дамаске?

– Не раз. Люблю этот город. Он отчасти похож на Константинополь, но жизнь тут дешевле и больше пахнет Востоком и всякими древностями. Меньше сказывается западное влияние, зато мусульманское сильнее. Дамаск это такое окно в древность, в нем есть нечто первобытное, таинственное.

– Как алхимия? – Дарья улыбнулась.

– Именно. И у каждого города своя алхимия. Поэтому бывает, что в один город приезжаешь и он сразу кажется знакомым, а другой тебя словно бы отторгает или не вызывает особых симпатий. Но вам Дамаск понравится.

– Почему вы так думаете?

– Этот город любит горячих людей.

Дарья порозовела и ничего не ответила, хотя догадывалась, что сейчас они со Ставросом думают примерно об одном – о том разговоре в «Алхимии вкуса», который так возмутительно обернулся...

«Пусть только посмеет еще что-нибудь такое! – с негодованием подумала она. – Правда, он сказал, что ничего без моего желания не будет... Даже если ему захочется. То есть это намек, что ему может захотеться?! Или он все-таки просто дразнится?.. В любом случае он обещал держаться в рамках. А я, конечно, ничего такого не пожелаю!»

Хотя в глубине души Дарья вовсе не была в этом уверена. Вот хоть сегодня – ну, зачем она глазела на него ночью?!.. Как вообще ее угораздило во всё это влипнуть? Так старалась весь пост бороться с искушением, вроде почти поборола – и вот... Прямо наказание какое-то!.. Что бы сказали об этом духовные люди? Наверное, что не надо было превозноситься и радоваться, как всё быстро прошло: вот Господь и показал, что ничего не прошло... Только разве она превозносилась? Просто радовалась окончанию искушения! Это грех что ли? Зачем вообще Богу непременно показывать человеку, что он – нечистый прах? Вот Ставрос живет себе и не думает ни о чем таком... Прах – не прах... В конце концов, если человеку внушать, что он свинья, так он и станет в итоге свиньей... А может, всё это и правда люди придумали, будто надо смиряться и считать себя прахом, а Бог тут ни при чем? Да, но промысел же существует? Тогда всё равно непонятно, зачем с ней всё это происходит: эта поездка, Алхимик, Дамаск – город для «горячих людей»... А может, Ставрос прав: надо не гасить внутренний огонь, а использовать... Только надо для начала понять, как! Ну что ж, может, эта поездка и поможет понять это. В любом случае назад дороги нет, это точно.

Достав мобильник, она послала мужу свиток: «Подъезжаю. Все хорошо, вечером напишу. Целую. Малышам привет!» А спустя несколько секунд по громкой связи послышалось объявление о том, что через пять минут экспресс прибывает в Дамаск.

После тихого, умиротворяюще покачивающегося вагона шум вокзала в первые мгновения оглушил Дарью. Алхимик между тем, оказавшись на платформе, деловито огляделся и помахал кому-то рукой. К ним подошли пожилой мужчина и женщина лет тридцати – тоже участники конференции, они ехали на том же экспрессе. Ставрос познакомил с ними Дарью, и все четверо на такси отправились в гостиницу.

«Дамасская роза» – так романтично называлась одна из гостиниц, где зарезервировали номера для участников конференции – оказалась большой и, как поняла Дарья, далеко не дешевой. Впрочем, было бы странно, если бы ученые в Империи селились в третьесортных местах. Зато русскую делегацию, очевидно, подобная роскошь поразила: Дарья, которую уже в холле познакомили с москвитями, прибывшими всего несколькими минутами ранее, видела, что они с трудом сдерживают удивление. Еще бы, ведь на их родине ученые десятилетиями жили практически как нищие и только недавно стали получать доступ ко грантам, электронным библиотекам и другим благам цивилизации. Многие из приехавших, видимо, вообще впервые попали за границу, и им всё тут было в диковинку. Узнав, что Дарья родом из Сибири, но уже несколько лет живет в Византии, ее забросали вопросами, и, наверное, она не избавилась бы от любознательности новых знакомых еще долго, если бы не Алхимик.

– Я пришел исхитить вас из рук северных варваров, – шепнул он ей на ухо и через полминуты уже вел к лифту. Там, нажав на кнопку с цифрой семь, Ставрос вручил Дарье ключ от номера – пластиковую карту с магнитной полоской – и сказал: – У вас сорок минут на сборы. Я еще должен познакомить вас с Димитриадисом и показать, где и как вы будете работать. Заседать будем в Университете, это здесь через квартал. Начало полпервого, надо поспешать. Постарайтесь сосредоточиться, но не вздумайте бояться. Думайте не о том, что вас слушают десятки человек, а только о тексте, который переводите. Старайтесь представить, что вы переводите просто для себя, только вслух, так будет легче. Но даже если вы допустите ошибки, вас за это не съедят, а может быть, даже и не заметят их. – Он улыбнулся. – Дискуссии после

докладов обычно проходят спокойно, но если, паче чаяния, возникнет бурный спор, вы вполне можете не переводить все реплики, просто очень сжато передайте их содержание, отразив главные позиции, этого будет достаточно. Кстати, запишите мой мобильный номер на всякий случай и дайте мне ваш.

Дарья послушно исполнила просьбу, подумав, что вот так, по-деловому, Алхимик в мгновение ока узнал ее телефон, а ведь она никогда бы не сообщила его в других обстоятельствах! Как и сам Ставрос, наверное: вряд ли он разбрасывается такими сведениями...

Быстро приняв душ и одевшись, она повесила на шею выданную при регистрации внизу карточку участника конференции с логотипом, именем Дарьи и указанием, что она переводчик. Напоследок поглядевшись в зеркало, она направилась к двери как раз в тот момент, когда постучал Алхимик.

– Готовы? – спросил он, остро взглянув на Дарью.

– Готова! – ответила она бодро, хотя сердце то и дело замирало при мысли о предстоящем «выходе».

– Тогда к оружию!

«Первый блин вышел не комом!» – к концу вступительного заседания конференции Дарья была в этом уже уверена и смогла перевести дух. Правда, она допустила кое-какие неточности при переводе, но в целом всё оказалось не так страшно, как она боялась. Совет Алхимика не думать о слушателях и переводить как бы для себя действительно помог, как и то, что из своей кабинки Дарья не видела зал: единственная стеклянная стенка открывалась на кафедру с докладчиком и стол, за которым сидели ведущие – Димитриадис, Ставрос и еще трое ученых. Димитриадис отнесся к Дарье по-отечески – по возрасту он и годился ей в отцы, – ободрил и сказал, что у нее очень приятный голос.

– Вы не поете? – поинтересовался он.

– Нет, но когда-то пела... в церковном хоре.

– Вот как! Наверное, хорошо пели, у вас певучий голос.

– Не знаю, так уж ли хорошо, но регент не ругала. – Дарья засмеялась.

Она старалась запоминать и после каждого доклада записывала в блокнотик слова, в переводе которых не была уверена, чтобы потом посмотреть в словаре или спросить у Ставроса. Алхимик несколько раз во время заседания вопросительно поглядывал на нее, и она улыбалась: всё нормально!

– Я вижу, вы справились, – сказал он, когда объявили перерыв на обед и она вышла из кабинки, радостная и слегка возбужденная. – Поздравляю!

– Спасибо! Но у меня есть некоторые вопросы по терминам...

– Обсудим после, сейчас я хочу вас познакомить кое с кем. А, вот и они!

Ставрос улыбнулся и приподнял руку в знак приветствия, и Дарья проследила его взгляд. От прохода между рядами театра, в виде которого был устроен конференц-зал, к ним шел элегантный брюнет с поразительно красивым лицом, а за ним женщина, которую Дарья в первый момент не рассмотрела, поскольку попросту обомлела: «Неужели это...»

Да, это был он: через несколько секунд Алхимик представил друг другу Дарью и Феодора Киннама с его женой Афинаидой.

– Рад познакомиться! – сказал великий ритор. – Но я уже успел узнать о вас: я ведь тоже знаю русский и только что слышал, как москвиты вас хвалили, перевод им явно понравился.

– Приятно слышать. – Дарья смущенно улыбнулась. – Честно говоря, поначалу мне было страшновато...

– Поначалу всем страшновато! – Афинаида засмеялась. – Но Севир никогда не имеет дела с плохими специалистами, и если он вас пригласил, это само по себе уже рекомендация.

– Да, господин Ставрос очень разборчив, – кивнул Феодор с улыбкой. – Но в науке разборчивость – полезное качество.

– Запоминайте, госпожа Феотоки! – сказал Алхимик. – Вам это может пригодиться в будущем. Феодор с Афинаидой – ваши коллеги-литературоведы, поэтому пользуйтесь случаем, спрашивайте, советуйтесь. Хорошие ученые всегда с удовольствием помогают начинающим, не так ли, Феодор?

– Сущая правда! – подтвердил тот. – Кто не хочет помочь младшему коллеге, тот по определению завистник, и настоящего ученого из него никогда не выйдет. Так что не бойтесь быть навязчивой, госпожа Феотоки!

В первый момент Дарью ошеломило то, что Ставрос представил ее Киннамам в качестве коллеги, ведь она еще ничего не решила по поводу своего возможного будущего в науке. Но она тут же подумала, что действительно ничто не мешает узнать у них что-нибудь полезное. Кто знает, что и как может пригодиться в будущем!

– Значит, вы тоже занимаетесь византийской литературой? – спросила ее Афинаида.

– Да, то есть... Я училась на новогреческой филологии, это еще в Сибири, но после института не занималась литературоведением, вот только теперь подумываю...

– Для вас еще всё впереди! Я вообще пришла в науку после десяти лет полного выпадения из нормальной жизни, но ничего, быстро наверстала упущенное. Главное – желание и целеустремленность, тогда всё получится!

– Думаю, надо двигаться на обед, – заметил Ставрос. – Перерыв не такой уж большой, как кажется.

– Ой, да, пойдёмте, я проголодалась! – воскликнула Афинаида. – Мы завтракали в самолете, довольно рано...

– Тогда тем более поспешим, – сказал Алхимик и добавил низким, почти урчащим голосом: – Голодная женщина – это ужасно!

– А голодный мужчина – вообще сущий ад! – патетически отозвалась госпожа Киннам.

Дарья рассмеялась вместе со всеми, но на ее щеках вспыхнул румянец: говоря последнюю фразу, Ставрос взглянул на нее, и его слова внезапно обрели второе дно... Только вот с чего она взяла, будто он хотел вложить в них определенный подтекст нарочно для нее?! Неужели он был прав, еще в поезде намекнув на «неудовлетворенное желание»?.. Дарья почувствовала, что ее щеки попросту горят, и даже приложила к ним ладони – в этот момент, напротив, холодные словно с мороза.

Между тем они вышли на улицу. Погода в Дамаске стояла совсем летняя – градусов двадцать пять. Однако по здешним меркам это была весна, и Дарья порадовалась, что конференцию не стали делать летом.

«Нет, я не буду думать о его намеках! – решила она. – Да никаких намеков, может, и нет! Всё это глупости. Лучше надо и правда пользоваться возможностью пообщаться с Киннамами... Подумать только, я буду обедать с самим автором „Записок великого риторика“, кто бы мог представить! Лари ахнет, когда я расскажу ей!» – И она заулыбалась. Да, теперь точно будет что рассказать по возвращении!

Она вздохнула полной грудью и огляделась по сторонам. Воздух весеннего Дамаска ей нравился – сухой, легкий и приятный. Но сразу было заметно, что находишься на другой широте, чем столица: свет падал иначе, по-другому ложились тени, иначе смотрелись на солнце дома и деревья – было бы трудно описать, в чем именно заключаются эти отличия, однако они явственно ощущались, придавая всему окружающему особенное очарование. Пахнуло печеностями – вероятно, из лавки на противоположной стороне неширокой улицы, по которой они шли к гостинице. На первый взгляд казалось странным, что обед для участников конференции

не организовали прямо в здании Университета, но, просидев три часа на одном месте, постоянно напрягая ум и внимание, Дарья поняла, что это разумное решение: даже такая небольшая прогулка позволяла размяться и проветриться. Несколько солидных бородатых мужчин, заседавших в чайной, с любопытством глазели на проходившую мимо толпу ученых мужей и жен; один, встретившись с Дарьей глазами, приветливо улыбнулся. Она вспомнила, как удивляла ее эта приветливость, когда она только обживалась в Византии, – а вот, привыкла: сейчас это воспринимается, как должное...

Обед в гостиничном ресторане уже был сервирован, и все весело стали занимать места. Киннамы и Дарья со Ставросом уселись за один стол, Феодор принялся разливать по бокалам вино из стеклянного кувшина, Алхимик положил дамам оливок, а себе – горку маленьких желтых перцев, как подозревала Дарья, невозможно острых.

– За знакомство! – Киннам поднял бокал, а когда все чокнулись и выпили, сказал: – Госпожа Феотоки, быть может, мы будем звать друг друга по имени? Вы не против?

– Нет, что вы, пожалуйста.

– Да, я как раз хотела предложить то же самое! – обрадовалась Афинаида. – Не люблю лишнюю официальность. Тем более, что теперь, надеюсь, мы станем друзьями!

– Я буду очень рада! – с чувством сказала Дарья. – Я и не думала, что буду вот так сидеть с вами и пить вино. – Она засмеялась.

– Я же говорил, что вы еще встретите в жизни много неожиданностей. – Ставрос улыбнулся. – Кстати, предлагаю заодно и нам с вами тоже перейти на имена. Не возражаете?

– Нет, конечно, так будет удобнее.

В такой ситуации возражать было бы странно и невежливо, хотя Дарью несколько пугал такой быстрый переход от полуофициального общения со Ставросом почти к дружескому. Но всё происходило как бы само собой, так естественно и неизбежно, что оставалось только покориться стечению обстоятельств. По крайней мере, пока их течение никак от нее не зависело.

Впрочем, к концу обеда она расслабилась и чувствовала, что ей становится легко и весело – как в январе на праздновании в лаборатории, когда Алхимик подарил ей кулон. И, в отличие от того дня, нынешним вечером ее не ждало никакое неприятное объяснение с мужем, не надо ни перед кем отчитываться, а когда она вернется домой, то расскажет только то, что захочет. Сидя напротив Афинаиды, слушая рассказ о том, как бурно у нее прошла защита диссертации и любуясь ее лицом с тонкими мягкими чертами, огромными зеленовато-карими глазами и открытой радостной улыбкой, а потом разговаривая с Феодором о том, насколько исследованной областью является современная византийская литература – Киннам заметил, что произведения последних двадцати лет пока не особенно привлекают внимание исследователей и здесь простирается обширное поле для научной работы, – Дарья вдруг ясно осознала: ее жизнь принадлежит ей, она имеет право распорядиться собой так, как считает полезным для своей души и ума, и вовсе не обязана постоянно оглядываться на других и беспокоиться об их мнении. Пусть даже и о мнении мужа. Ведь он живет так, как считает нужным: сейчас для него на первом месте всё, что связано с ипподромом. А она будет жить по-своему – и почему бы не попробовать связать жизнь с научной работой? Ведь, выходя замуж, она вовсе не подписывала контракт о том, что будет всю дорогу сидеть дома, печь пироги и заниматься только детьми и переводами! Конечно, Севир преувеличивал, насмехаясь над ее «маниакальной жертвенностью», но всё же благодаря ему она поняла, что пока не нашла в жизни золотой середины. Теперь предстоит ее найти – и, кажется, туман на этом пути начинает рассеиваться...

Севир. Она впервые мысленно назвала его по имени, точно попробовала на вкус конфетку – сладкую и острую одновременно. Все-таки, как бы невозможно он ни вел себя иногда, он оказал ей благодеяние, познакомив с Киннамами! Разве нельзя за это простить некоторое мелкое хулиганство?... И, взглянув на Алхимика, Дарья благодарно улыбнулась ему.

Живоносный Источник

В пятницу Светлой седмицы Илария отправилась с дочкой на службу в монастырь Живоносного Источника, где в этот день отмечался престольный праздник. Они выехали пораньше, чтобы прийти до основной волны народа и встать поближе к алтарю: на праздник в обители происходило столпотворение, люди приезжали даже из отдаленных мест, но многие – только на литургию, а Лари рассчитывала попасть в монастырь к последней части утрени. На Светлой утрени служили коротко, без кафизм, хотя с пением всего канона, монахини пели красиво, и, конечно, лучше было бы прийти к началу, но с маленьким ребенком выстоять всю службу невозможно: Ева начинала капризничать и баловаться...

Когда они вышли из дома, Григорий еще спал. За пять лет, прошедших после венчания, муж так и не начал ходить в церковь, но Иларию это не огорчало. Она познакомилась с Григорием не на почве православия и даже в первые дни скрывала от него свои религиозные взгляды, а еще боялась, не посмотрит ли он косо на ее послушничество в монастыре. Но он узнал об этом как раз после того, как она поняла, что окончательно влюбилась, а монашество – не ее стезя, и решила выйти из обители. С тех пор она продолжала часто ходить в храм, причащала и дочь, понемногу учила ее молиться, но в целом на аскезу, посты и молитвы не налегала – чтобы не смущать мужа и потому, что не считала нужным для мирян слишком строго соблюдать правила, изобретенные прежде всего для монахов и монахинями. «Вековые традиции православия», о незыблемости и святости которых любил порассуждать Панайотис, никогда не казались Иларии такими уж бесценными. Конечно, пока она два года жила послушницей в монастыре Источника, не прекращая, впрочем, при этом учиться в Университете, она старалась соблюдать всё положенное для монашествующих, советовалась о духовной жизни с игуменьей, в свободное от учебы время исполняла послушания, ходила на службы, и всё это ей нравилось и не тяготило. Возможно, она бы даже могла стать хорошей монахиней когда-нибудь... Но ей встретился Григорий, и всего за несколько дней она поняла, что хочет жить как обычный человек, иметь семью и заниматься научными исследованиями, а не выращивать цветы за монастырской оградой. Правда, обитель Источника принадлежала к числу «ученых» монастырей Империи: там не постригали никого без высшего образования, монахини занимались переводами и издательской деятельностью, но Лари училась на биолога, литературное направление было ей не по профилю, к тому же она не имела склонности к таким занятиям и в школе испытывала трудности при написании сочинений...

В общем, всё случилось вовремя, Илария была счастлива и искренне не понимала, почему некоторые знакомые женщины в приходе, куда она ходила, иногда сокрушались о том, что ее муж до сих пор «не воцерковился». Нет, конечно, Лари обрадовалась бы, если бы Григорий стал причащаться вместе с ней и дочкой за литургией, но ей никогда не приходило в голову пытаться завлечь его туда путем проповедей и нравоучений. Иногда он брал у нее читать книги на христианские темы, но в итоге ограничился тем, что ходил с семьей на пасхальную службу. Илария не страдала ни от его «невоцерковленности», ни от разницы в образовании. Григорий вырос в бедной семье, вместе с сестрой остался сиротой и сразу после школы пошел работать в «Мега-Никс»; только после женитьбы, вознамерившись открыть собственную таверну, он пошел учиться, но всего лишь на повара. Однако он довольно много читал, был наблюдателен, на работе сталкивался с самыми разными людьми и умел находить общий язык почти с кем угодно. Илария никогда не скучала с ним, а пробелы в его образовании для нее не были поводом к досаде: напротив, она всегда с удовольствием рассказывала мужу то, чего он не знал, советовала, что почитать. В свою очередь Григорий умел в два счета успокоить ее, когда она была возмущена или расстроена, насмешить или развлечь историей, подсмотренной или услышанной на работе, помочь отдохнуть от умственной работы через какую-нибудь

глупость – например, утащить к морю стрелять по воздушным шарам или на представление уличного театра. Они оба имели веселый характер, были легки на подъем, не закивали на проблемах, а работа в совершенно разных сферах не мешала им, наоборот – помогала лучше дополнять друг друга. Илария никогда не завидовала женщинам с «благочестивыми» мужьями: она и так жила счастливо, и ей казалось, что на глубинном уровне важно не формальное участие в церковных службах и таинствах, а некое внутреннее состояние, расположение к людям и вообще к миру. И это расположение у Григория она считала христианским: он почти никогда ни на кого не злился, старался помогать людям, радовать их, а когда заимел собственную таверну и лишние деньги, стал принимать участие в организации бесплатных обедов для бедных и бездомных, – разве не это самое главное в христианстве: «Я был голоден, и вы накормили Меня, был наг – и вы одели Меня»? В общем, Лари не считала свой брак «нехристианским» и быстро сворачивала случайные разговоры с православными знакомыми на тему «невоцерковленности» мужа.

Зато Василий с Дарьей всегда представлялись ей идеальной парой: оба верующие, церковные, но без фанатизма, умные, красивые, двое детей... Лари не завидовала, просто любовалась их семьей как неким образцом. Сама она пока не хотела заводить второго ребенка: все-таки семейные хлопоты отвлекали от научной работы, а она после защиты диссертации участвовала в нескольких очень интересных исследованиях; к тому же первые роды прошли так тяжело, что Илария всё еще боялась повторять этот опыт. Обычно Дарья тоже приходила в обитель Источника на престольный праздник, но на этот раз она была в отъезде и на службу с детьми пришел один Василий. Лари встретила с ним, подходя к монастырским вратам.

– Привет-привет! – заулыбалась она, а дети весело загалдели между собой. – Вы сегодня тоже пораньше?

– Ну да, – кивнул Феотоки. – Пока толкотни нет, место получше занять. Кстати, Пан с Лизи тоже собирались придти.

– Да ты что, правда? Ну, полный сбор! Только Дари нет... Кстати, она тебе пишет, звонит? Мне только по два слова в свитках – похоже, ей ужасно некогда!

– Да, она так занята, что и мне ничего не пишет, только свитки шлет по вечерам. Там доклады с утра до вечера, переводить приходится много, ей не до нас. Но зато масса полезного опыта, она говорит. Обещает рассказать про какое-то сногшибательное знакомство...

– Ага-ага, она мне тоже намекнула, что с кем-то там встретила та-аким! – Лари засмеялась. – Ну, я рада за нее, это же здорово – куда-то поехать, с новыми людьми познакомиться! Эта конференция очень важная, туда много кто приехал. Я тоже рассылку о ней получила, давно еще, но прикинула так и сяк: нет у меня темы для доклада, там же история науки, тогда о генетике и не слыхивали...

– А вы всё новые сорта выводите?

– Ага. Сейчас вот у нас мега-проект – выведение голубой розы. Над этим уже давно во всем мире бьются, но вот у нас вроде как должно получиться! Только это большой секрет!

– Никому не скажу! – Василий рассмеялся. – А я завтра уезжаю в Эфес на скачки.

– О, правда? Здорово! Удачи тебе, надеюсь, ты займешь какое-нибудь место!

– Спасибо! Я тоже надеюсь, хотя, конечно, жокеи там будут и получше меня.

– Зато в бегах на квадригах тебе нет равных!

Они уже дошли до храма, вход в который по случаю праздника украшали гирлянды из роз. В притворе входящие брали на мраморном столике свечи и опускали деньги в ящик для пожертвований. Никакой лавки в самом храме не было, она располагалась в отдельном помещении и во время богослужений закрывалась; когда-то Иларию очень удивил рассказ Дарьи о том, что в России церковная лавка чаще всего находится внутри храма и является чуть ли не главным средоточием приходской жизни. Впрочем, у русских почти всё странно, не так, как здесь... Иларии вспомнилось, как шесть лет назад она каждый день входила в эту

церковь ранним утром: по будням народу почти не бывало, и в пустом круглом храме, освещенном множеством солнечных полос из узких длинных окон, так волшебным звучало высокое пение хора и звонкий голос сестры-чтицы... А сейчас в ротонде было многолюдно. Хор пел: «Светися, светися, новый Иерусалиме...» Диакон кадил храм, пахло розовым ладаном. «Девятая песнь! – подумала Илария. – Ну, как раз!» У входа их с Василием увидела мать Амфилохия, заулыбалась и сразу провела вперед, где удобнее стоять с детьми. Ева уже успела что-то не поделить с Дорой, пришлось шикнуть на них. Макс снисходительно косился: «Девчонки!..»

«Источник еси воистину воды живыя, Владычице, измываеши убо недуги душ и телес лютыя, прикосновением Твоим единым токмо, воду спасения Христа изливающи», – пел хор. «Хорошо-то как!» – радовалась Лари. На церковных службах она всегда чувствовала себя солнечно: радостно было сознавать, что, хотя она, может, и не очень хорошая христианка, но все-таки Бог любит и ее, принимает и дарует милость, как и всем проходящим к Нему, проливая в душу радость, как солнце – свет. Это ощущение всегда охватывало ее в церкви, поэтому Иларии и удивилась при знакомстве с Дарьей, что в России считается нормальным для верующих постоянно оставаться печальными, скорбящими, бояться грядущего суда. Лари гораздо больше уповала на божественное милосердие, а евангельские угрозы отослать грешников «в огонь вечный» казались ей, скорее, воспитательным средством: так детей иногда родители устрашают Гилло-похитительницей, хотя знают, что ее не существует. Думать о вечном аде, чтобы побудить себя ко благочестию, Иларии никогда не хотелось: любой сильный страх вводил ее в оцепенение и расслабление, поэтому она не понимала, каким образом это может помогать в духовной жизни. Правда, многие святые отцы и авторы богослужебных текстов, кажется, считали иначе, но кто знает – может быть, средневековому человеку это и помогало, а теперь-то времена и люди изменились!

После литургии служили молебен в крипте при чудотворном источнике, но спуститься в маленькое помещение смогли только духовенство и монахини, остальной народ стоял наверху на дворе и слушал молебен через динамики. Потом началась долгая раздача воды. Василий с Иларией не стали толкаться в очереди: им обещала принести по бутылочке мать Амфилохия, и они ждали ее, отойдя в сторону.

– Привет! – Из толпы вынырнула Елизавета, а обе ее дочери с радостным визгом бросились к Феодоре и Еве. Максим ступешался во внезапно вдвое увеличившемся женском обществе и, с независимым видом отстранившись на пару шагов, старательно делал вид, что он уже взрослый, не как эти болтливые девчонки.

– А где же Пан? – спросила Лари.

– Решил пробраться в крипту, сфотографировать действо. Скоро придет, я думаю.

Панайотис подошел через несколько минут, очень довольный, с камерой в руках, поздравил с праздником и тут же снял всю компанию и еще отдельно – детей. Мать Амфилохия принесла воду и извинилась, что нет времени пообщаться. Престольный праздник для монахинь всегда оборачивался большой суетой, но тоже приятной – Илария помнила эту радость от того, что столько приходит народа помолиться или пусть даже только взять воды из источника: ведь для кого-то это может стать первым шагом к христианской жизни...

– А где моя сестрица? – спросил Василий.

– В крипте, воду раздает, – ответила Амфилохия. – Хотел пообщаться? Могу подменить ее.

– Да нет, не нужно, спасибо. Она всё равно собиралась завтра в гости к нам зайти...

– А, ну хорошо, я тогда побежала. С праздником еще раз! До свидания! – И монахиня поспешила к монастырскому корпусу.

– Может, поедим где-нибудь в кофейне и погуляем по парку? – предложила Лизи.

Все согласились и вскоре уже весело завтракали в одной из забегаловок Зеленого Пояса. Панайотис, правда, слегка скривился, войдя в это не слишком презентабельное внешне заведение, но Елизавета засмеялась:

– Нечего морщиться, вот увидишь, тут кормят повкуснее, чем в вашей «Кофейке»!

Еда здесь и в самом деле оказалась отменной – константинопольцы знали, что в таких местах с обшарпанными столами и простыми деревянными табуретами нередко кормят куда вкуснее, чем в ином пафосном ресторане на Средней улице.

У Василия тренькнул мобильник. Прочтя пришедший свиток, он улыбнулся и сообщил:

– Дари поздравляет всех с праздником! Макс, Дора, вам привет от мамы!

– И ей от нас! – закричала Дора. – Мы по ней скучаем!

– Спасибо, от нас тоже привет передавай! – сказала Лизи, которая уже успела узнать от Лари, куда уехала подруга. – Как она там вообще?

– Трудится на пользу мировой науки. Работы много, она говорит, но ей нравится, интересно.

– А Дамаск-то она хоть успеет посмотреть?

– Да, завтра и послезавтра у них экскурсии будут.

– Классно! – воскликнула Лизи. – Дамаск красивый, мы с Паном там были два года назад. Такой настоящий восточный город, и еда там – м-м!

Они гуляли по парку до обеда, а потом Василий, который был на машине, как и Стратиотисы, отвез Иларию с дочкой домой. Трое детей забрались на заднее сиденье, а Лари села вперед.

– Послушай, – сказал Василий, вырубивая на Морскую набережную, – а ты знакома с людьми из лаборатории, где Дари работала?

– В общем да, но тесно я там ни с кем не общаюсь. А что?

– Там есть какой-то Ставрос, алхимию изучает...

– Да-да, есть, но он нездешний, из Антиохии, а у нас временно работает над своим проектом. Тебе, наверное, Дари про него рассказывала? Он такой... колоритный!

– Колоритный? В каком смысле?

Илария рассмеялась.

– Мрачный, неразговорчивый и страшно язвительный тип, которому лучше не попадаться на язык. Но ученый очень хороший! А почему ты спрашиваешь о нем?

– Да просто... – Василий замялся. – Он Дари на Рождество такой кулон подарил... Ты, наверное, видела, с драконом?

– Уроборос! Да, конечно, чудесный!

– Ну вот, я подумал: все-таки это должен быть дорогой подарок... и это выглядит немного... странно. Хотя Дари и сказала, что там всем женщинам дарили дорогие вещи...

– Ты подумал, это особый знак внимания? Нет, вряд ли! Просто Ставрос – большой эстет, по крайней мере, так мне Эванна рассказывала, она там старшая лаборантка, я с ней больше других общаюсь, она такая веселая! В общем, Ставрос и не мог вручить другого подарка, это было бы ниже его достоинства. Не думаю, что это может что-нибудь значить, не беспокойся! Там у них если и есть какой донжуан, так это Контоглу...

– Заведующий?

– Ну да. Он ко всем красивым женщинам клеится, к Дари тоже пытался...

– К Дари?

– Она тебе не рассказывала? – удивилась Илария.

– Нет... Когда же это случилось?

– Да еще в самом начале, как она пришла туда. Но Ставрос его так отбрил, что он больше не совался... – Тут Илария умолкла, внезапно подумав, что получается как-то странно и даже неудобно: она рассказывает Василию то, о чем сама Дарья ему ничего не говорила... – Просто

Ставрос не переваривает Контоглу, – быстро добавила она, – все эти его заигрывания... Ну, вот он его и обсмеял, мне Дари рассказала – так, в двух словах. Это я сама у нее спросила, не приставал ли Контоглу к ней, а так, может, она и мне бы не сказала, не придала значения, да и всё... Да это в самом деле ерунда, не стоит переживаний!

– Ну да, конечно, – согласился Василий. – Тем более она уже оттуда ушла... Мне не по душе была эта ее работа, честно говоря.

– Почему? Ты что, хочешь, чтоб она постоянно дома сидела? – Илария слегка возмутилась.

– Нет. – Феотоки улыбнулся. – Я вижу, что ей хочется куда-то себя приложить, но ведь химия – совсем не ее область. Ей бы что-нибудь связанное с литературой, языками... Хотя я не понимаю, откуда у Дари эта скука взялась, ведь она не бездельничает, всё время дома чем-то занята, работа, дети, ученики...

– Думаю, это обычная потребность сменить обстановку. Видишь, она поработала немного в лаборатории, развеялась... Всё будет хорошо, не волнуйся!

– Я и не волнуюсь. Просто пытаюсь понять.

– А что, разве Дари до сих пор жалуется на скуку? Мне она ничего не говорила с тех пор, как ушла из лаборатории.

– Нет, не жалуется. Но мне кажется, она не совсем довольна жизнью. Правда, отчасти я сам виноват: ей путешествовать хочется, а у меня всё какие-нибудь соревнования... Мы вот с ней в Иерусалим собирались поехать, но пришлось отложить, потому что меня в Эфес пригласили.

– Ну, это ничего! Вы же всё равно поедете в Иерусалим?

– Поедем, да, только теперь уже во второй половине мая.

– Ну вот, здорово, а сейчас Дари в Дамаске, там тоже должно быть интересно, она развлечется... Вам с ней надо время от времени путешествовать, наверное, вот и всё. Знаешь, дома и правда скучно безвыездно сидеть!

«Кажется, Василь приревновал Дари к Ставросу из-за того кулона, надо же! – подумала Илария. – Все-таки он очень ее любит! Беспокоится за нее... Да видел бы он Ставроса, так и беспокоиться не стал бы! Из того соблазнитель как из какого-нибудь... декарха Лида!»

Декарх Лид был героем детективного сериала, который они с Григорием любили смотреть: сюжеты там лихо закручивались, а герой красиво распутывал преступление за преступлением, но при этом мрачностью, прямолинейностью и язвительностью отпугивал всех женщин, какие только попадались на пути. Илария уже перестала надеяться, что в одной из следующих серий он найдет свою «половинку».

«Вот был бы еще Ставрос как... Черный Принц, например... Господи, о чем я думаю вообще?! – спохватилась она и даже покраснела. – Дари любит Василя, ее никогда никто не соблазнит!»

Между тем автомобиль Панайотиса уже въезжал на мост через Золотой Рог. Елизавета с интересом рассматривала на экране камеры то, что муж снимал в монастырской крипте. Сама она там не была ни разу в жизни и вообще сегодня впервые попала в монастырь Источника.

– Какая голубая вода! – воскликнула Лизи. – И... а что там такое рыжее? Неужели рыбы?

– Рыбы, – подтвердил Пан. – И довольно упитанные.

– Рыбы?! – завопили с заднего сиденья дочери. – А нам, а нам, мы тоже хотим посмотреть!

– Да дома посмотрите на большом экране, – сказал отец семейства, – тут ведь не разобрать ничего!

– Да, правда, – согласилась Лизи и выключила камеру. – А хорошо сегодня служили! Храм очень красивый, мне понравился. Такой необычный, круглый...

– Его при Льве Ужасном построили, – принялся объяснять Пан, – когда старый храм обветшал совсем. Денег в казне было предостаточно, архитектор мог себе позволить всё, что угодно. Вот он и построил такую ротонду, по виду как бы чашу Живоносного Источника. В древности такая архитектура была у маририев. В общем получилось очень удачно, это теперь одна из наших главных достопримечательностей, хотя и уступает многим другим по древности.

– Ну, не всегда же самое древнее должно затмевать всё прочее! Да, чудесный храм, столько света, пространства... И проповедь хорошая была, простая такая, ничего заумного. Не то, что наш Григорий – как завернет экзегезу, так остановиться не может...

– Отец Григорий – замечательный проповедник! – обиделся за него Пан. – И отец Никодим тоже, просто у них разный стиль.

– Ну да, но мне стиль Никодима больше по душе. Григорий каждый раз как начнет говорить, так и говорит, и говорит... Я часто прямо нюхом чую: ну, вот сейчас надо уже и точку поставить! А он давай следующий виток словоплетений, пока не утомит всех! Все-таки в проповеди самое главное – вовремя сказать «аминь»! Что толку говорить полчаса, а потом у слушателей в голове один туман остается? Сегодня вон проповедь была всего-ничего, зато как всех впечатлила!

Отец Никодим, священник и духовник монастыря Источника, действительно не стал пускаться ни в какие душевно-духовно-телесные истолкования праздника, которые так любил галатский отец Григорий, а лишь сказал кратко о том, что люди приходят к Богородице как к Живоносному Источнику – кто за исцелением болезней, кто за помощью в жизненных трудностях, а кто и только за водой – и всё это хорошо и правильно, но надо помнить главное: та Жизнь, источником которой стала Дева Мария, это сам Христос-Бог, и именно о встрече с Ним нужно просить Богородицу прежде всего.

«Часто люди совсем об этом не думают, – говорил иеромонах, – для них церковь – это место для решения насущных земных проблем или для получения душевного утешения. Да, по молитве и вере мы можем получить и избавление от болезней и скорбей, и внутреннее успокоение. Но всё это – еще не то, ради чего нам дана церковь. Она нужна для того, чтобы помочь человеку встретиться с Богом. Именно за этим мы должны сюда приходить, потому что для лечения есть врачи, помочь в скорбях и бедах могут и друзья, и просто незнакомые люди, утешить способен и психолог. А церковь – это место свидания души с Богом, чертог, где совершается брачный пир. Часто человек думает: „Я исполняю то и это, пощусь, молюсь, не делаю ничего плохого, каждое воскресенье хожу в храм“, – и считает, будто тем самым он уже выполняет всё, что нужно христианину. Но если он при этом не переживает личную встречу с Богом, не вступает с Ним в определенные – для каждого свои – отношения, вся эта „правильная“ жизнь не принесет ему никакой пользы, она не только не сделала его христианином, но он даже и не понимает, что такое – быть христианином. Апостол, когда описывает новый завет Бога с человеком, принесенный Христом, говорит: „Вложу законы Мои в мысли их и напишу их на сердцах их, и буду им Богом, и они будут Моим народом. И не будет учить каждый ближнего своего, говоря: познай Господа, ибо все будут знать Меня, от мала и до велика“. Он говорит не о написанных в книгах правилах и уставах, а о другом – о личном общении Бога с каждым верующим, о личном отношении каждого с Богом. И мы должны беспокоиться прежде всего не о том, выполнили ли мы молитвенное правило, постились ли мы и как строго, часто ли мы ходим в храм. Всё это полезно и нужно, но это средство, а плод – в познании Бога. Вот об этом плоде мы и должны беспокоиться. Что значит для каждого из нас Бог в нашей повседневной жизни? Знаем ли мы Его? Кто Он для нас? Вот о чем каждый должен задуматься...»

– Да, мне тоже очень понравилась проповедь, – сказал Панайотис. – Но все-таки об отце Григории ты это напрасно, его проповеди даже книжками издают, люди читают, просвещаются...

– Да знаю я! – Лизи махнула рукой. – Но он с таким же успехом мог бы те же мысли облекать в статьи или заметки и издавать, а проповеди говорить покороче и попроще. В наше время подражать красноречию Златоуста это перебор! Особенно когда еще полно народу с детьми... Кстати, у Василя с Дари сын такой уже серьезный стал, повзрослел, ты заметил? Интересно, это на него так садик повлиял?

– Наверное, – отозвался Пан. – Кажется, он всё больше становится похож на Василя... Жаль, что Дарьи не было, я уже давно ее не видел. Все-таки уезжать на конференцию прямо на Светлой это как-то... – Стратиотис запнулся и, видимо, решив не говорить ничего осуждающего, быстро закончил: – совсем не в ее духе!

– Ну, было не в ее, стало в ее. – Елизавета пожала плечами. – Люди меняются! Я вообще удивляюсь, что она столько лет почти безвыходно дома просидела...

– Почему? Насколько можно судить, у нее как раз такой характер...

– Домашний? А мне кажется, нет. В ней есть что-то такое страстное... – задумчиво проговорила Лизи. – Да и вообще, после этой сибирско-монастырской жизни она должна была бы, скорее, оторваться как-нибудь, а не замуж выскакивать, не успев скинуть ряску!

– Лизи! – Пан даже на пару секунд оторвался от дороги, чтобы вперить в жену укоризненно-изумленный взгляд. – Что ты такое говоришь?! По-твоему, она должна была предаться раз... распущенной жизни?

Елизавета хмыкнула.

– Мы все ведем распущенную жизнь, эка невидаль! Мы с тобой, вот, праведники, что ли? Ты постоянно на всяких прессконфах, встречах, в редакции, в Синклите, Бог знает где! Вон, хоть даже сегодня ты зачем в крипту полез – молиться? Нет, фоточек нащелкать! А я тоже... на Луну летаю. – Она засмеялась. – Я хочу сказать, что обычно у человека угол зрения и круг общения достаточно широк. По крайней мере шире, чем у Дари был всё это время. Конечно, есть социофобы и интроверты, им всего милей свой угол, диван и котики. Но и то – отбери у них интернет и телефон, и большинство этих якобы мизантропов тоже взвоят! А Дари на мизантропку никогда не походила... И кстати, я не считаю, что конференции и фоточки это распущенность! Правильно отец Никодим сказал сегодня: дело не в том, насколько ты благочестиво живешь внешне, а в том, что благочестие дает тебе внутренне – если только «чувство выполненного долга», так это всё ерунда, листья без плодов! Ну, сам вспомни, как ты раньше был заиклен на том, чтобы делать одно, не делать другого... И что? Когда ты себя ощущал больше христианином – тогда или сейчас, вот скажи? Только честно, а не «теоретически»!

Пан насупленно молчал несколько секунд, но все-таки признался:

– Да, сейчас я себя чувствую... более нормальным. И как человек, и как христианин.

– Вот! О том я и говорю! Так что зря ты на Дари наезжаешь. У нее, может, как раз теперь-то жизнь и пойдет по нужной колее... И, в конце концов, это не наше дело, как ей жить. Она же у нас не спрашивала советов, так не нам их и давать!

После обеда, который изготвила приходившая накануне бабушка, Макс с Дорой, умирившиеся от службы и долгого гулянья на свежем воздухе, без всякого прекословия улеглись спать. Василий включил компьютер и залез в интернет, но, не найдя в почте ничего интересного, кроме новостной рассылки «Синопсиса», устремил взгляд в окно. Без Дарьи в доме было пусто. И сегодняшний вечер пройдет без совместного просмотра очередного фильма... Полу-

чит ли Дари в Дамаске что-нибудь из того, на поиски чего отправилась осенью, пойдя в лабораторию?..

Поднявшись, Василий подошел к книжным стеллажам, рассеянно скользнул взглядом по средней полке. Внимание зацепилось за «Алхимию на Востоке и Западе». Когда жена читала книгу, у Василия мелькнула мысль тоже прочесть ее, но позже он забыл об этом. Теперь же он вынул том в лиловой обложке, устроился на диване и принялся листать, открывая наобум то в одном, то в другом месте.

«Согласно определению Феодорита Аристина, эдесского алхимика XV века, „Алхимия это искусство, с помощью коего пораженные порчей металлы возрождаются – несовершенные становятся совершенными“. Однако это „материальное“ определение скрывало под собой несколько уровней, высшим из которых считалось возрождение человека через освобождение от порчи пороков и несовершенства, причем под последним понималось не только несовершенство нравственное, но и неразвитость разума, недостаток знаний. Аскетическое наставление подвижника VI века Иоанна Лествичника: „Не извиняйся неведением, ибо неведевый, но сотворивший достойное ран, будет бит за то, что не узнал“, средневековые алхимики осмыслили как призыв к научному познанию мира, созданного Богом не только для восхищения великим творением Создателя, но и для изучения с помощью ума, данного тем же Создателем. Таким образом, путь алхимического совершенства многогранен: духовно-нравственное очищение, возрастание в научном познании мира и – высшая ступень – познание Бога через мистический союз с Ним».

Концепция красивая, подумалось Василию, но вот интересно, были ли такие люди, которые достигали совершенства на трех путях сразу? В новое время пути научного поиска и мистического богопознания разошлись далеко: ученые не стремятся к «духовно-нравственному очищению», если под ним понимать христианское совершенство, а не просто отсутствие грубых грехов и пороков, многие и в Бога-то не верят... или, если и верят, из этой веры ничего не следует на практике. Храмы наполняют не ученые, а обычные люди и часто, увы, не слишком образованные...

«Алхимик нераздельно воплощал в своем лице всё: он ставящий опыты теоретик и теоретизирующий ремесленник, философ и богослов, мистик и книжник, художник и поэт, правоверный христианин и маг-чернокнижник...»

Василий хмыкнул и подумал, что в современном мире идеал «знаю всё» воплощают журналисты средней руки – но в наихудшем варианте: пишут о чем угодно якобы со знанием дела, а в реальности пичкают читателей малограмотной бурдой... «А впрочем, еще неизвестно, что там за бурду химичили те алхимики. – Феотоки усмехнулся. – Им еще проще было: навертеть фраз посимволичнее, немногие что-нибудь поймут, зато красиво звучит и сам сойдешь за умного, носителя тайных знаний... Алхимик как журналист средневековья – наверное, авторы этой книги меня бы обругали за такую идею...» Василию стало смешно, и он перелистнул несколько страниц.

«Уроборос как символ имеет долгую историю и встречается в разных культурах. В Древнем Египте он олицетворял вечность и вселенную с ее элементами, а также цикл смерти и возрождения, и потому этот знак попадает на стенах храмов и гробниц. В Древней Греции уроборос обозначал процессы, не имеющие начала и конца. В Древнем Китае этот символ связывался с учением о взаимодействии полярных сил инь и ян, а его центр, пространство внутри кольца – с учением о Дао, „пути человека“. В индуизме в виде змеи, кусающей свой хвост, изображался бог Шеша, считающийся олицетворением вечного времени...»

– Надо же! – пробормотал Василий. – Какой древний и богатый символизм...

Он стал читать раздел о «великом делании». Там сообщалось в числе прочего, что «истинные алхимики не стремились к получению золота, оно являлось инструментом,

а не целью. Целью был сам философский камень, эликсир жизни и духовное освобождение, дарующиеся его обладателю – абсолютная свобода».

«Абсолютная свобода! – подумал Феотоки. – Красивое словосочетание, но что оно обозначает? Ведь такая свобода только у Бога. Значит, алхимики искали обожения таким своеобразным путем... Занятно! Ну да, всё верно, свобода только там, где бессмертие... Неужели они действительно верили, что можно получить вещество, которое даст бессмертие? И ведь это вроде бы в эпоху всеобщего господства христианства! Конечно, часто только внешнего, но всё же...»

Дальше в книге, однако, говорилось, что, при многоуровневом содержании алхимических трактатов, в самом высоком смысле их следовало понимать не как рецепты по поиску неиссякаемого источника золота или физического бессмертия, а духовно: это был своеобразный способ богословствовать на внецерковном поле.

«Человек постоянно пытался вырваться из-под опеки церкви, – размышлял Василий. – А ведь, если подумать, это свидетельство неудачи церкви как средства привлечь людей к спасению... Казалось бы, она должна давать всё, чтобы насытить душу и, так сказать, научить летать, а вместо этого ее воспринимают как клетку... И ведь в те времена зачастую так и было! А сейчас?.. Свободы уже куда больше, но в целом не скажешь, что люди стремятся отыскать опору и смысл жизни именно в церкви... Наверное, потому, что им всегда хочется свободы больше, чем она позволяет. Внешней свободы. А ко внутренней многие ли стремятся? Да и что она такое? Мы вот ходим в церковь, молимся и прочее, при случае рассуждаем о внутренней свободе, а случись что – оказывается, у нас куча привязанностей, пристрастий, зависимостей...»

Он вспомнил сегодняшний разговор с Лари и подумал, что напрасно завел речь о Ставро-росе: получилось так, словно он до сих пор в чем-то подозревает Дарью... Неудобно вышло! Ведь всё уже в прошлом, но почему же этот кулон, подаренный «мрачным неразговорчивым типом» – Василий усмехнулся, вспомнив характеристику, данную Иларией, – до сих пор не дает ему покоя? Дари уже и не работает там, и... вроде бы и кулон больше не носит?.. Он задумался, припоминая: да, жена в последнее время, кажется, не надевала уроборос. Интересно, почему? Надоел? Разонравился?.. Впрочем, она ведь и носила его в основном на работу, ничего странного... Но почему она ничего не рассказала о том, что Контоглу к ней приставал, а Ставрос заступился? И ведь не спросишь: не говорить же, что он выводывал об этом у Лари... Фу, глупая история вышла! Василий досадливо сдвинул брови.

«Лучше б я не спрашивал ничего! – подумал он. – От этих сплетен никакой пользы, только будет теперь это в голову лезть... Я же доверяю Дари, так зачем всё это? Если б та история имела значение, она бы, конечно, мне сама рассказала. А если она промолчала, значит, всё чушь и нечего об этом думать!»

Он повел головой, отгоняя ненужные мысли и снова углубился в книгу. Там попадались иллюстрации, и Василий внезапно наткнулся на репродукцию иконы Богоматери «Живоносный Источник». С удивлением он прочел, что некоторые средневековые иконописные сюжеты можно истолковать, в частности, алхимически – так, чаша являлась важным символом: еще древние алхимики использовали изображение алтаря, увенчанного чашей, в которой и происходит трансмутация, а позднее чаша символизировала брачный чертог, где соединяются в мистическом браке мужское и женское начала, и в христианском средневековье это толковалось как брак Христа и церкви. В алхимическом богословии чаша также символизировала купель, через погружение в которую приобщаешься к тайне первичной материи... Василий снова хмыкнул.

«Этак можно что угодно истолковать „алхимически“! – подумал он. – Даже и Библию: „Премудрость создала себе дом и растворила в чаше своей вино“... Или чашу причастия... Чем не „трансмутация“? Может, алхимики так и толковали... В общем, мутная какая-то наука...»

Он принялся читать об алхимическом браке. «Кульминация Великого Делания алхимиков – соединение в алхимическом браке противоположностей...» Далее говорилось, что под противоположностями понимались мужское и женское начала, но Василий задумался о другом: кто-то из древних философов говорил, что «противоположности сходятся», тогда как другой утверждал, что «подобное стремится к подобному». Кто же прав?

«Наверное, брак Пана и Лизи похож на соединение противоположностей. – Василий улыбнулся. – А вот у Григи с Лари много общего в характерах и отношении к жизни. У нас с Дари общего еще больше... Получается, с точки зрения алхимии, лучший брак у Пана, вот только мне бы не хотелось оказаться на его месте. Лизи хорошая, вот и в церковь теперь ходит, но... В ней совсем нет уважения к христианским традициям, она всё готова раскритиковать и поставить с ног на голову...»

Правда, Василий признавал, что замечания Елизаветы нередко вносили свежесть в восприятие тех или иных сторон христианской жизни, но все-таки ее бесшабашные высказывания порой коробили, хотя он не показывал этого. Иногда он задавался вопросом: что, собственно, такое для нее церковь и зачем она ведет христианскую жизнь – может быть, всего лишь «за компанию» с мужем?.. Лизи, казалось, не испытывала никакого благоговения не только перед святыми отцами и их мнениями, но и перед Священным Писанием, да и вообще перед какими угодно церковными традициями и установлениями. И сам Панайотис иногда жаловался на это Василию, однако Феотоки не мог не отметить, что за годы совместной жизни с Лизи Стратиотис стал гораздо менее занудным и закомплексованным, чем был пять лет назад.

«Наверное, Пану как раз такая жена и нужна, а вот я бы с ней вряд ли ужился... – подумал Василий. – Хорошо, что тогда так вышло, очень промыслительно, в самом деле! Григе хорошо с Лари, мне – с Дари... Каждому достался нужный человек! Но ведь так и должно быть, если по воле Божией?.. В общем, все эти аксиомы философов ерунда, в конечном счете! Одному хорошо жить с противоположностью, а другому – с подобием. Каждому свое, главное – чтобы не чужое...»

– Папа! Ты считаешь нам продолжение про Одиссея? – На пороге гостиной появилась дочь, еще заспанная, но уже требующая новой порции детской книжки по мотивам бессмертной поэмы Гомера.

– Конечно! – Василий улыбнулся, спуская ноги с дивана. – Зови Макса!

Он убрал книгу об алхимии на полку, подумав, что вряд ли еще вернется к ней, и взял с журнального столика «Сказку странствий».

Воля земли

Дни конференции проходили незаметно. Доклады шли без перерывов от завтрака до обеда и от обеда до ужина. Программа была построена таким образом, что доклады на разных языках сменяли друг друга, и синхронистам не приходилось напрягать голосовые связки более тридцати минут подряд, однако всё равно к вечеру Дарья порядком уставала. Ставрос не делал никаких попыток выйти за рамки деловой поездки. За завтраком, когда Дарья ела с ним вдвоем за одним столиком, они говорили только об особенностях предстоящего дня работы и слегка обсуждали предыдущий. Дарья задавала возникшие вопросы, Севир предупреждал о возможных огрехах, порой давал полезные советы, но в целом был доволен ее работой, как и Димитриадис. Московиты же были в восторге и после каждого заседания кто-нибудь из них благодарил за прекрасный перевод, так что к среде Дарья совсем перестала нервничать.

Обедали всегда вчетвером, вместе с Киннами, и разговор тек весело и непринужденно, в основном на общие темы. Порой Дарья обсуждала с новыми друзьями литературоведческие вопросы, и тогда Алхимик молча слушал или думал о своем. Вечера участники конференции проводили по вольной программе: кто уходил гулять по старому городу, кто – из числа попавших в Дамаск не впервые – рисковал забираться в более отдаленные районы, а прочие оставались в гостинице, ужинали в ресторане, беседовали с коллегами, играли в шахматы и нарды, читали свежие газеты.

Севир каждый вечер куда-то исчезал. В среду Дарья, долго проболтав с профессором Димитриадисом, возвращалась к себе около одиннадцати и столкнулась со Ставросом: он как раз вышел из лифта и направлялся к номеру. От Алхимика явственно повеяло восточными ароматами – курениями? Мысль, что он мог этим вечером развлекаться в каком-нибудь клубе или баре, даже с женщиной, вызвала у Дарьи неприятное стеснение в груди. Они пожелали друг другу спокойной ночи, но Дарье долго не удавалось заснуть.

Чувство, которое она испытывала в эти минуты, разглядывая полосы света на стене и прислушиваясь к доносившимся с улицы звукам ночного веселья, которое и не думало стихать, больше всего походило на разочарование. Сама она ужинала в гостиничном ресторане – там, по крайней мере, можно было перекинуться словом с тем или иным участником конференции, хотя они более увлеченно беседовали между собой, обсуждая научные вопросы. Впрочем, русские поначалу общались с Дарьей куда охотнее, расспрашивая о жизни в Империи, о Константинополе и даже об имперской политике, рассказывая, в свою очередь, о переменах в Московии после прихода к власти Михаила Ходоровского, о котором они отзывались с неизменным восторгом, и первые два вечера Дарье не приходилось жаловаться на отсутствие компании. Однако к среде московиты окончательно втянулись в конференцию, с жаром обсуждали научные вопросы и услышанные доклады, стали активнее беседовать с зарубежными коллегами, и интерес к Дарье с их стороны поутих. Наблюдая со стороны за научной жизнью, Дарья всё сильнее хотела приобщиться к этому миру, тоже что-нибудь исследовать, обсуждать с коллегами, хвалить одни работы, критиковать другие... В этом виделось куда больше пищи и жизни для ума, чем в занятиях переводами! Киннамы ужинали в городе, но навязываться новым друзьям было неудобно – чувствовалось, что вечером они стремились побыть вдвоем, – а углубляться в ночной Дамаск одна Дарья не решалась, ведь она ничего не знала здесь. Правда, в гостинице раздавались бесплатные краткие буклеты о городе, но Дарья не привыкла к «ночной жизни» и ей не хотелось начинать таковую в одиночестве, тем более в незнакомом месте, да еще на Востоке: она знала, что с ее внешностью повышенное внимание мужчин обеспечено, а ловко отшивать их у нее не очень-то получалось...

Помимо Дарьи, на конференции были еще трое синхронистов, приглашенных для русской делегации, но молодые переводчики с английского и немецкого, как видно, были знакомы

раньше, общались в основном между собой и вечером уходили гулять по городу. А вот переводчица с арабского, полноватая брюнетка лет сорока, в четверг за ужином подседа к Дарье, по видимому, решив сойтись с коллегой поближе. Дарья обрадовалась, но ненадолго: Аза охотнее всего говорила о нарядах и украшениях – по ее словам, на местном базаре продавались довольно дешевые золотые изделия и «потрясающая» обувь, – о еде, бурно сожалея о том, что она на диете и не может попробовать все здешние вкусности, и о мужчинах. Последняя тема Дарью несколько смутила: она не привыкла столь свободно обсуждать достоинства противоположного пола. Аза же, нимало не стесняясь, разглагольствовала о внешности съехавшихся на конференцию ученых мужей, об их костюмах, манерах, материальном положении и «харизматичности». На вершину пьедестала она поставила Киннама – «не мужчина, а сказка!» – но со вздохом сожаления: «и кончиком пальца не достать, он в жене души не чаёт, вот повезло ей!» Дарье оставалось только мысленно хмыкать: «Неужели Аза считает, что, не будь Афинаиды, Феодор мог бы обратить внимание на нее? Вот это самооценка, обзавидоваться можно!» Затем похвал удостоился амириец профессор Асад из Соединенных Арабских Эмиратов, а потом, к удивлению Дарьи, Аза заговорила об Алхимике:

– Но вообще, если о харизме говорить, то Ставрос тут всех побьет. – Она опрокинула в себя очередную порцию мартини, которому, несмотря на диету, оказывала повышенное внимание. – Это барс! М-м... ягуар! Как он двигается! А какой голос! Как он сегодня читал доклад, о-о!

Доклад Севир действительно сделал виртуозно: завладел аудиторией с первой же фразы и держал ее в немом и почти восторженном напряжении до последнего слова. Пожалуй, из всех, кто выступал в первую неделю конференции, у Алхимика был самый богатый голос, со множеством оттенков и модуляций, и это в сочетании с ораторским искусством, не говоря уж об интересном содержании, действовало на слушателей прямо-таки магически.

– А чего же это он тебя тут бросил? – вдруг спросила Аза, вперяя в Дарью взор карих, немного навывкате глаз, которые уже несколько расфокусировались. Дарья невольно вздрогнула.

– Бросил? С чего вы взяли? Мы с ним вовсе не ходим вместе. Он отдельно, а я сама по себе, – проговорила она довольно резко.

– Да-а? – протянула Аза.

– Да! – твердо сказала Дарья, а сама почувствовала тайную обиду.

На самом деле ей уже определенно не нравилось, что она тут «сама по себе». И, признаться честно, она бы с удовольствием провела время где-нибудь в городе со Ставросом... Но намекать ему на это после всего сказанного ею в поезде о хождении по ресторанам? Немыслимо! Ей так и слышался язвительный голос: «Неужели, госпожа Феотоки, вы возжелали моего омерзительного общества?»

Конечно, с точки зрения тех рамок, в которых она собиралась держаться, отправляясь в Дамаск, всё было замечательно: общение с участниками конференции или чисто деловое, или исключительно дружеское; никто и не думает «приставать» к ней, в том числе Алхимик – после первого обеда в обществе Киннамов он даже ни разу не сказал ей ничего, что могло бы показаться сколько-нибудь двусмысленным; свободные часы она чинно проводит в приличной компании, и самое неприличное, что она до сих пор слышала, это рассуждения Азы о мужчинах... Да и их могли счесть неприличными, по правде говоря, только строгие благочестивцы. Всё было хорошо и прилично, но Дарье с каждым днем становилось всё обиднее. Хотя она старалась не подавать вида.

В пятницу за обедом Феодор рассказал, как они с Афинаидой, гуляя по Прямой улице Дамаска – той самой, по которой некогда прошел ослепший от божественного явления апостол Павел, – почуяли «дивный аромат» и, в поисках источника, зашли в увитый плющом дворик

и оказались в большой живописной кофейне, где вкупе с кофе, чаем и восточными сладостями подавали кальян.

– А, «Сад Анании», как же, знаю! – Севир засмеялся. – Самая известная здесь кальянная. Я сам позавчера там целый вечер просидел.

«Так вот чем от него пахло!» – подумала Дарья и спросила:

– Вы курите кальян?

– Иногда балуюсь, а что?

– Да нет, ничего, – смутилась она. Он взглянул чуть насмешливо, и ей показалось, что он догадывается о тех помыслах и обидах, с которыми она безуспешно боролась в последние дни. К собственной досаде, она начала краснеть и, за неимением лучшего выхода, хорошенько приложила к бокалу с вином.

– Осторожнее! – сказал Ставрос. – Не ровен час опьянеете, а у нас еще впереди полдня работы.

Определенно, он над ней издевался!

– Не беспокойтесь, – усмехнулась она, – я не перепутаю нужные слова.

В этот день доклады закончились на час раньше обычного. На выходе из конференц-зала Севир, подойдя к Дарье, спросил:

– Вы помните, что завтра у нас праздничный ужин?

– Да, а что?

Субботним вечером в программе конференции значился общий ужин в ресторане отеля с живой музыкой и даже танцами.

– Надеюсь, у вас есть для такого вечера подходящий наряд? – поинтересовался Ставрос.

– А разве нужно вечернее платье? – испуганно проговорила Дарья.

– Вечернее нет, не тот статус вечера, но коктейльное уместно.

Дарья растерялась. Она взяла с собой летний костюм, блузку, юбку и брюки, но платья у ней не было никакого – ни обычного, ни тем более нарядного.

– Но я... не взяла с собой... Не думала, что оно может понадобиться...

На самом деле коктейльного платья у нее никогда и не было, а настоящий вечерний наряд она надевала только раз в жизни, на тот самый бал, который оставил у нее малоприятные впечатления... В ее окружении подобные платья носила только Елизавета, которая бывала с мужем на всех придворных вечерах, куда он получал аккредитацию. Но то Лизи! Дарья не сравнивала себя с ней – их стили жизни слишком различались – и не завидовала. Теперь же ей стало неприятно и досадно.

– Так я и думал, – сказал Севир. – Что ж, в таком случае сейчас мы с вами отправимся напрямик в магазин. Не могу позволить, чтобы приглашенный мною специалист на вечере блистал отсутствием подходящего платья. К тому же вы сами не найдете, где его купить.

– Спасибо, это очень любезно с вашей стороны, – пробормотала Дарья.

– Конечно, это моя вина: надо было предупредить вас заранее, что платье понадобится.

Но в качестве компенсации я готов взять расходы на себя.

– Нет, что вы! У меня есть деньги...

Принимать от Алхимика такой подарок казалось Дарье не совсем приличным.

– Хорошо, пополам, и не смейте больше возражать, – заявил он. – Считайте это подарком в честь начала вашей научной жизни.

И они отправились за платьем.

По вечерам Дамаск оживал: людей на улицах становилось гораздо больше, загорались огни, отовсюду манили цветные фонарики, звуки музыки, вкусные запахи. Магазин одежды,

куда Ставрос привел Дарью, находился через три квартала от Университета. Вход выглядел не слишком представительно, но внутри оказалось большое, разделенное на несколько секций помещение, из которого лестницы вели еще на второй и подвальный этажи.

В зале с выходными нарядами покупателей не было, только одна женщина придирчиво рассматривала со всех сторон ярко-красное вечернее платье, выставленное у входа. У Дарьи разбежались глаза, но Севир, осмотревшись, решительно повернул вправо и остановился перед манекеном в черном.

– Думаю, мы купим это.

– Это?! – ахнула Дарья. – Но... оно слишком открытое! Я такие никогда не носила...

– Ничего, всё когда-то бывает впервые, – невозмутимо отозвался Алхимик. – Не упрямьтесь, оно вам очень пойдет.

Шелковое, с легкой драпировкой, длиной до колен, платье смотрелось очень красиво, но покрой явно был призван подчеркнуть фигуру, а больше всего смущало декольте: ни рукавов, ни хотя бы бретелей. Ну, как такое надеть?!..

– Оно мне не подойдет! Наверняка будет широко в талии. – Дарья уцепилась за единственную возможность для отказа.

– Какая у вас талия, госпожа? – тут же спросила девушка-консультант, стоявшая в стороне, прислушиваясь к разговору.

– Шестьдесят два, – призналась Дарья чуть смущенно.

– О! – чуть завистливо выдохнула девушка, окидывая ее взглядом. – Это платье подчеркнет всю вашу красоту! Примерьте, а если что-нибудь не так в талии, то у нас тут мастерская, сразу при вас ушьют, бесплатно.

– Примерьте, Дарья, – сказал и Севир. – Если вы считаете, что оно вам не подходит, это надо доказать наглядно. А то я не поверю.

Пришлось покориться, и Дарья отправилась в примерочную. Платье, к ее удивлению, село почти безупречно, ушить пришлось бы совсем немного; но, глядя в зеркало, Дарья испытывала смешанные чувства. Она впервые в жизни облачилась в подобный наряд и увидела, что ей идет, – но так обнажать плечи и спину... Разве это прилично?.. Хотя... Если для христианина носить такое непристойно, поскольку можно кого-нибудь соблазнить, то тогда логично напялить на себя что-то вроде мешка, опустить нос к земле и совсем не ходить ни на какие светские вечера. А если уж она туда ходит... Вряд ли светскую публику удивишь декольте! К тому же Севир и правда выбрал для нее идеальное платье: легкое, из струящегося шелка, оно удивительно гармонировало с мягкими округлыми линиями ее фигуры, ненавязчиво подчеркивая всё, что нужно, и открывая ноги, на которые тоже нельзя было пожаловаться. Дарья боялась, не будет ли грудь слишком выпирать из лифа – напрасные опасения: всё выглядело вполне пристойно. Да и туфли у нее как раз черные... Словом, после минуты любования своим отражением ей уже не хотелось отказываться от обновки. Когда она вышла из-за занавески, консультант выдохнула:

– Сногшибательно!

– Совершенно с вами согласен, – кивнул Алхимик, и от того, как он в этот момент смотрел на Дарью, у нее заколотилось сердце.

– Мне тоже нравится, – призналась она. – Но мне кажется, в талии надо чуть-чуть ушить...

В ожидании, пока в мастерской справятся с этой задачей, Севир предложил Дарье прогуляться по соседнему залу:

– Вам там понравится. А я загляну в другое место. Встретимся здесь у кассы.

В отделе, куда он послал ее, Дарья обнаружила огромный выбор белья. К красивому белью она питала определенную слабость и поняла, что без покупки отсюда не уйдет. «Ну,

к черному нужно черное, – с улыбкой подумала она, протягивая руку к шелковому комплекту. – Интересно, Севир выбрал для меня такой цвет потому, что сам его любит?»

Когда Дарья вернулась в отдел платьев, Ставрос и упакованная обновка уже ожидали ее.

– Предлагаю пойти куда-нибудь поужинать, – сказал Алхимик, когда они расплатились и вышли из магазина. Дарья, уже задавшаяся вопросом, отправит ли Севир ее в гостиницу, чтобы самому без помех опять куда-нибудь исчезнуть, не могла скрыть радости.

– С удовольствием!

– Что, наскучила гостиничная публика? – насмешливо спросил Ставрос. Чуть смутившись, Дарья, однако, нашлась с ответом:

– Ну, я же первый раз в Дамаске, а так до сих пор тут ничего и не видела. Хочется посмотреть на что-нибудь еще, кроме вида с террасы отеля!

– В самом деле? – Севир приостановился и посмотрел на нее, изогнув бровь. – И вы даже готовы ради этого терпеть мое неприятное общество?

Дарья вспыхнула и, не сдержавшись, проговорила с укором и даже с горечью:

– Послушайте, зачем вы так? Почему вы такой... злопамятный?

– Вы правы, я довольно злопамятен, – согласился Алхимик. – Но простите великодушно, я постараюсь исправиться на ближайшее время!

Она взглянула на него: Севир улыбался. Вдруг он взял ее руку и, склонившись, легко прикоснулся к ней губами, а потом, посмотрев Дарье в глаза, спросил:

– Мир?

– Мир, – еле слышно ответила она, потрясенная ощущениями, которые вызвало у нее касание губ Алхимика. А он, как ни в чем не бывало, выпустил ее руку и сказал:

– Здесь недалеко, в Вывихнутом переулке – да, он называется именно так! – есть отличное местечко. В путеводителях оно не значится, и большинство туристов о нем не знает, а между тем кормят там восхитительно! Идемте, это прекрасная возможность познакомиться с тонкостями местной кухни.

Вывихнутый переулок оправдывал название: узкая улочка несколько раз изгибалась то вправо, то влево под эркерами и балкончиками живописных старых домов. Таверна «Сезам», куда Алхимик привел Дарью, была небольшой, но очень уютной и действительно совсем не туристической, здесь явно пировали только местные жители.

– Как вам Киннамы? – спросил Севир, когда они отведали гранатового вина.

– Они чудесные! Спасибо, что познакомили меня с ними! Особенно Афинаида мне нравится. Такая удивительная у нее история, и... Я не ожидала, что она такая... Думала, она вся из себя светская дама, а она... такая хорошая! Ну, то есть я не хочу сказать, будто светские дамы все плохие...

– Я вас понял. – Алхимик улыбнулся. – Да, она такая. Но и светской дамой она тоже умеет быть хоть куда.

– Еще бы ей не уметь, с таким мужем! – пробормотала Дарья. – Если и не умеешь чего-то, он научит...

– Да, – кивнул Севир, пристально глядя на нее. – А вы, как я понимаю, в другом положении?

– У меня другой стиль жизни, вот и всё, – ответила она сухо, втайне досадуя на себя за такой неудачный поворот разговора. – Мой муж не светский лев, и у меня нет необходимости ходить на всякие мероприятия и балы.

– По-вашему, ходить на балы можно только по необходимости, а не просто, например, из желания потанцевать? – Ставрос насмешливо приподнял бровь. – Или так считает ваш муж, а вы покоряетесь его суждениям? Признайтесь, ведь вы сами вовсе не прочь блеснуть на балу так же, как Афинаида! Или вы давите в себе подобные желания как душевредные?

Дарья чуть покраснела и сухо ответила:

– Простите, но мне бы не хотелось обсуждать эту тему. У нас с вами разные взгляды на определенные вещи, и я не вижу смысла о них спорить. Но если у меня возникнет непреодолимое желание потанцевать, будьте уверены, я найду способ его осуществить!

– Вот в этом я как раз нисколько не сомневаюсь! – Севир засмеялся. – Не сердитесь, вам это не идет.

– Сердиться, наверное, никому не идет. – Дарья усмехнулась. – Какое вкусное вино! Никогда не пробовала гранатового.

– В Сирии оно популярно. Иногда туда еще добавляют пряности. А эту закуску вы оценили?

– Да, очень вкусно! Я вообще люблю баклажаны. А что тут еще, кроме лимона, чеснока и йогурта? Привкус вроде знакомый...

– Кунжут.

– А, точно!

На горячее последовала вкуснейшая запеченная курица, начиненная рисом и орехами, которую официант принес целую на блюде и ловко разделил пополам огромным ножом. Дарья с сомнением посмотрела на свою половину:

– Боюсь, я столько не осилю!

– Какие-то полцыпленка! – Севир фыркнул. – А хвостик вы любите?

– Люблю! – рассмеялась она. – Но он достался вам.

– Меняю на ножку. Или крылышко.

– М-м... На крылышко.

– А, не так уж вы боитесь объесться!

Ужин прошел весело, говорили об особенностях местной жизни и немного об истории Дамаска, но основной рассказ о городе Ставрос приберегал на завтра, собираясь устроить Киннамам и Дарье персональную экскурсию.

– Это было бы хорошо! – обрадовалась Дарья. – Не люблю ходить с группами, честно говоря. Там вечно всё по верхам и бессистемно...

– И хорошо еще, если гид сморозит не так много глупостей, как мог бы.

– Точно! А кто же завтра будет просвещать москвитов?

– Они не пострадают. Димитриадис нанял для них гидом свою племянницу. Она неплохо говорит по-русски, уже десять лет живет здесь и к тому же профессионально занимается историей Дамаска. Кофе будете?

Попробовав принесенный кофе, Дарья удивилась:

– Какой интересный привкус! С чем он?

– С кардамоном. Любимый местный рецепт, очень древний.

– Да, вкусно! Древние знали толк в еде.

– Но при этом добавки использовались более функционально, чем сейчас. Мы едим пряности потому, что это вкусно, а древние надеялись извлечь из них пользу. Кардамон, например, считается афродисиаком.

Дарья вспыхнула.

– Не бойтесь, если он и действует, то больше на мужчин. – Севир улыбнулся. – Кстати, знаете ли вы, что до Реконкисты византийцы не пили кофе? Он считался напитком «нечистых» турок. Первым его ввел при дворе Константин Палеолог, когда женился на Гюлер-Гликерии.

– Да, она же была турчанкой... Между прочим, русские тогда этим страшно возмущались.

– Европейцы тоже. Несмотря на то что до осады император безуспешно пытался найти у них себе невесту.

– Ну да, никому не хотелось родниться с нищим, а вот как всё повернулось... Наверное, это был самый удивительный поворот в истории, когда Мехмет обратился в православие!

– Может, и не самый, но один из самых, это точно. Пожалуй, сравнимый с откровением самому Мухаммеду. Но, не в обиду вашей вере будет сказано, если б не Схоларий со своими ракетами, обращение бы вряд ли состоялось.

– А если б не отвергли унию, Схолария бы не выпустили из тюрьмы и он бы ничего не изобрел! Поэтому моя вера всё равно не в обиде. А разве вы совсем не верите, что в том, как тогда всё повернулось, было нечто чудесное?

– Отчего же? Просто я не склонен преувеличивать значение чудес. К тому же они бывают в любых религиях, ничего специфически православного тут нет.

– Ну, если рассматривать каждый факт в отдельности, то всегда можно ослабить его значение, но, – не сдавалась Дарья, – конечный итог зависит от сочетания многих явлений и поступков. А тут уже каждая мелочь должна произойти вовремя и на своем месте, а иначе... реакция не пойдет! Или пойдет по-другому. И если она пошла именно так, значит, ее Кто-то направил!

– Да, в Великого Алхимика я верю, – неожиданно согласился Севир. – Но я не верю, что Он действует по правилам, описанным людьми. Даже теми, которых считают святыми.

Они вернулись в гостиницу в двенадцатом часу, и уже в ванной Дарья вспомнила, что не пожелала Василию удачи и счастливого пути, а ведь он завтра рано утром уезжает на соревнования в Эфес и сейчас, конечно, уже спит... «Ладно, завтра как проснусь, сразу пошлю свиток! – подумала она. – Он как раз в дороге получит». Но собственная забывчивость ее всё же смутила. Она вдруг осознала, что совершенно не скучает по мужу и вообще не думает о нем... словно его и нет. Несмотря даже на ежедневный обмен свитками. «Просто я тут сильно занята, много новых впечатлений, общения, – попыталась она оправдаться сама перед собой. – Я и Лари обещала часто писать, а послала за неделю всего три свитка. Но она вроде не обижается, и Василь не должен...»

Илария и правда не обижалась. В последнем свитке она написала: «Ну я чувствую, Дамаск поглотил тебя! Ладно, приедешь – расскажешь! :)))» Муж, скорее всего, тоже не обижался и не беспокоился, ведь она еще в первый день написала ему, что график работы будет очень плотным.

Разве могли они знать о человеке, который вторгся в ее жизнь и с каждым днем неумолимо овладевал ее помыслами всё больше! А она отчаянно гнала от себя мысль, что он овладевает уже не только ее помыслами, но и чувствами, и если кто и поглощает ее, то именно он, а вовсе не Дамаск.

«Это пройдет, когда я вернусь домой, – твердила она себе. – Ничего страшного. Еще восемь дней, и всё закончится».

Дамаск с полным правом хвалился своей древностью, и уже в двенадцатом веке о его истории арабы писали многотомные сочинения. Хотя архитектурных памятников древнейших времен его существования не сохранилось, это с лихвой искупалось множеством упоминаний о нем в Библии – немногие современные города могли похвастаться подобным. Зато о времени владычества римлян до сих пор напоминали кварталы с прямоугольной планировкой, остатки стен с семью воротами, портиков с колоннами, акведука и храма Зевса. Район, где некогда располагался дворец, по прежнему назывался Палатион, хотя от самого дворца не осталось и фундаментов.

Несколько мест связывались с проповедью апостола Павла. Самыми известными были Прямая улица с помпезным храмом в честь святого, довольно поздней постройки – собор воздвигли в семнадцатом веке на месте церкви, построенной вскоре после Реконкисты, а спустя двести лет богато украсили мозаиками, – и «Дом Анании», где Павел снова обрел зрение,

со старинной часовней в честь обоих апостолов. Возле крепости можно было увидеть на стене большую плетеную корзину вроде той, в которой Павла ночью спустили из города, чтобы спасти от преследований язычников.

Но в целом древних христианских памятников здесь осталось мало: арабское завоевание седьмого века, почти на девять столетий отдавшее город в руки новых хозяев, наложило на Дамаск отчетливую печать ислама. Мусульманские постройки тоже не раз сгорали в огне пожаров и отстраивались заново, однако несколько средневековых мечетей всё же сохранилось, так же как часть стен конца десятого века, крепость, медресе и бани. Но наибольший ущерб городу нанесли монголы. В начале пятнадцатого века Тамерлан с таким ожесточением разрушал Дамаск, что он почти столетия лежал в руинах, обезлюдевший, со слабыми надеждами на восстановление. Лучших ремесленников монголы угнали в Самарканд; именно тогда был утерян секрет производства дамаскской стали, и образцы знаменитых клинков теперь сохранились лишь в музеях.

Когда в тысяча пятьсот двадцать шестом году войска императора Льва Ужасного вошли в Дамаск, город всё еще пребывал наполовину в развалинах. Лев, не отличавшийся трепетным отношением к прошлому, приказал снести большую часть старых зданий, которые показались ему обветшавшими, за что археологи впоследствии прозвали его «вторым Тамерланом». Зато он повелел восстановить крепость и городские стены и позаботился о ремонте одной из главных исламских святынь – мечети Омейядов. Одновременно Лев заложил на другом берегу Барады огромный храм в честь Иоанна Предтечи, который достраивался уже при Константине Славянине и до сих пор оставался кафедральным собором Дамаска и одним из самых больших и красивых православных храмов Сирии. В последующие столетия Дамаск обогатился множеством церквей, часовнями и небольшим, но изящным комплексом зданий митрополии, а в пригородах на склонах гор возникло несколько монастырей. Мусульмане тоже не остались в обиде: строили новые мечети, медресе, хамамы. Вскоре Дамаск превратился в центр паломничества обеих религий: одни ехали поклониться мощам Предтечи, другие – помолиться в знаменитой мечети.

В городе существовала и небольшая еврейская община, иудеи имели синагогу и свой торговый квартал на дамасском рынке. Впрочем, особым благоволением властей после Реконкисты они не пользовались и потому предпочитали жить тихо, не вмешиваясь в чужие дела и довольствуясь тем, что уже не были так поражены в правах, как при византийских императорах до арабского завоевания. С начала двадцатого века в Дамаске особенно славился еврейский ресторан «Цимес»: его кухней не брезговали даже в митрополии, куда курьеры периодически доставляли упаковки со свежеприготовленными яствами, и Ставрос заметил, что здесь митрополита он очень понимает.

Алхимик, как и обещал, побаловал Киннамов и Дарью рассказами о Дамаске. С утра все участники конференции отправились осматривать крепость, затем расположенную недалеко от нее мечеть Омейядов, а закончили экскурсию в Предтеченском храме.

Двенадцатибашенная крепость, несмотря на неплохую сохранность и умело проведенную реставрацию, Дарью не особенно впечатлила. Когда-то она строилась на невысоком холме, но время сгладило местность, и теперь крепость терялась среди современных зданий. Она находилась в северо-западном углу прямоугольника, описанного стенами римского времени, и только попав на внутренний двор, посетитель понимал, что на самом деле эта цитадель не такая уж и маленькая. По крайней мере, при защите Дамаска от крестоносцев она выполнила свою роль: латиняне так и не смогли овладеть городом. Правда, современный облик она приобрела уже позже, перестроенная в тринадцатом веке султаном Маликом.

Зато мечеть впечатляла еще до входа в нее – прежде всего огромным двором, отделенным от города мощными стенами и выложенным полированными мраморными плитами, такими блестящими, что по ним было боязно ступать. На этом месте когда-то последовательно воз-

вышались арамейское святилище Хадада, римский храм Юпитера и византийская базилика Иоанна Крестителя. После отвоевания города ревнители православия, как сообщалось в летописях, предлагали Льву Ужасному разрушить мечеть, но он отверг эту идею, предпочтя построить храм на новом месте. Георгий Дука, чья хроника наиболее подробно описывала этот эпизод – в значительной степени за счет неумеренной фантазии автора, – всячески поносил Льва за подобное «нечестие», утверждая, будто мусульмане откупились от него, поставив девушек в императорский «гарем». Но, глядя на этот шедевр арабской архитектуры, равный которому трудно сыскать в мусульманском мире, нельзя было не признать, что Ужасный поступил более чем разумно: резные ворота, легкие арки со сводами, заплетенными византийскими орнаментами из листьев аканфа, колонны с коринфскими капителями, великолепные мозаики на золотом фоне, богато украшенные михрабы, мягкие узорчатые ковры, обилие света – всё это поражало воображение. Поистине, это была мусульманская Великая церковь! Юго-восточный минарет, построенный на остатках башни античного храма Юпитера, назывался «минаретом Исы» и был связан с местным исламским преданием.

– Именно по нему накануне Страшного суда должен сойти на землю Иисус Христос, – пояснил Ставрос. – Поэтому имам ежедневно расстилает перед этим минаретом новый ковер.

– Как трогательно! – сказала Дарья.

– Мусульмане вообще бывают трогательны, – отозвался Севир. – Конечно, когда никого не отправляют на тот свет из-за религии.

Огромное пространство мечети, представлявшей собою купольную базилику, наполняла самая разнообразная публика: там и сям у колонн бородатые мужчины серьезного вида что-то читали, спали прямо на ковре утомленные паломники, стайки женщин в разноцветных хиджабах болтали о своем житье-бытье, рядом резвились их дети, а мимо проплывали вслед за гидами группы туристов и бродили путешественники-одиночки с фотоаппаратами всех марок и размеров.

«Странная все-таки религия, – думала Дарья, оглядываясь вокруг. – Такое необъятное пространство – и совершенно пустое! Ни икон, ни свечей, ни развитого богослужения... Входишь и не знаешь, что делать и куда главу приклонить... Хотя, может быть, это нарочно? Ведь получается, так ты и оказываешься наедине с Богом: никаких посредников и никаких помех, подсвечников, записок, крестных ходов, священников, отгороженных алтарей... Вот храм, в нем Аллах – молись! Услышит, значит, хорошо помолится, нет – значит, у тебя проблемы. И, главное, никто не виноват в них, кроме тебя: ты сам молился, а не какой-нибудь священник за тебя... Интересно, о чем им по пятницам имамы проповедуют? И многие ли из простых мусульман понимают написанное в Коране? Или тут тоже, как у нас: за богослужением Евангелие читают, а люди часто не понимают или вообще пропускают мимо ушей...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.